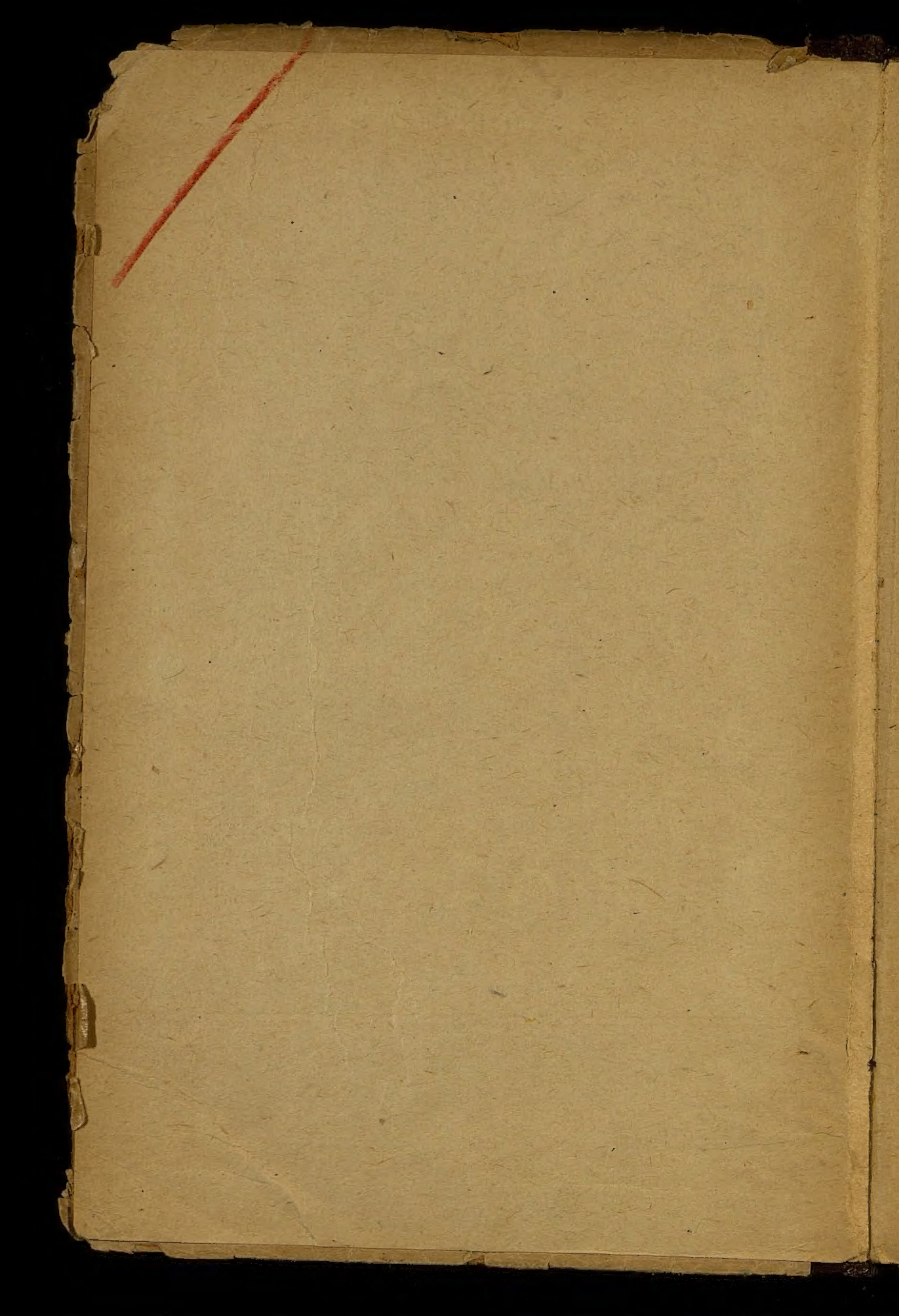
Л. В. ВЕТОШНИКОВ

БРУСИЛОВСКИЙ ПРОРЫВ

ВОЕНИЗДАТ—1940

Полковник

Л. В. Ветошников

Брусиловский прорыв

Оперативно-стратегический
очерк

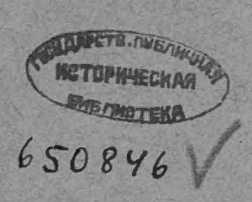

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
НАРКОМАТА ОБОРОНЫ СОЮЗА ССР
Москва — 1940

Полковник Л. В. Ветошников, „Брусиловский прорыв"

Автор на основе архивных материалов и литературных источников излагает организацию, ход и следствие наступления русских войск Юго-западного фронта летом 1916 г., известного под именем Брусиловского прорыва.

Книга рассчитана как учебное пособие для военных академий и как материал при командирских занятиях начальствующего состава РККА.

Редактор полковник *Кулешов А. Д.* Техн. редактор *Фрейман Д. А.*
Корректор *Носова Ю. Н.*

Сдано в производство 19.12.39 Подписано к печати 9.8.40
Формат бумаги 60 × 92 1/16 Объем 11 1/2 печ. л. 5 вкл. 2 1/16 п. л., 16,37 уч.-авт. л.
Изд. № 842. Г13758. Зак. № 3997

Отпечатано во 2-й типографии Гос. воен. изд-ва НКО СССР им. Клима Ворошилова, Ленинград, ул. Герцена, д. 1

Введение

Брусиловская операция на Юго-западном фронте в мае — июле 1916 г. характерна как опыт прорыва укрепленной позиции в наиболее типичных для русского театра условиях.

В общестратегическом масштабе кампании 1916 г. эта операция имела огромное значение, но в первую очередь для англо-французов, а не для России.

Истощенная борьбой в 1915 г. Россия была еще раз вынуждена, в силу своей экономической и военно-технической зависимости от Антанты, оказывать помощь своим «союзникам» и спасать их от разгрома. Обязуясь участвовать в проведении единого оперативно-стратегического плана войны на 1916 г., выработанного союзниками на конференциях в Шантильи в декабре 1915 г. и в марте 1916 г., Россия провела большую работу по подготовке майского наступления на восточноевропейском (русском) фронте. Брусиловская операция, являясь частью русского общестратегического плана войны 1916 г., вначале имела чисто демонстративную задачу, с целью выручить из тяжелого положения итальянскую армию. Когда же обозначился крупный оперативный успех на Юго-западном фронте и выявился саботаж командования Западного фронта, то Ставка решила перенести главный удар южнее Полесья.

Наступление русских армий на Юго-западном фронте глубоко потрясло австрийские войска в Галиции и Буковине, вызвав тревогу у командования центральных держав.

Полный разгром 4-й и 7-й австрийских армий заставил австрогерманское командование приостановить наступление в Трентино и облегчил обстановку для англо-французов под Верденом. Казалось, имелись все предпосылки для полного разгрома австровенгерских армий в Галиции, но отсутствие у русского командования смелости изменить свою первоначальную идею операции согласно новой обстановке дало возможность австрийцам остановить наступление русских армий.

Брусиловская операция — это один из этапов развития оперативного и тактического искусства за годы первой мировой империалистической войны.

В этой операции ген. Брусилов смело отказался от общепринятого среди русского высшего генералитета метода построения

фронтовой операции, когда наносился удар в одном месте при пассивности остального фронта.

Эта доктрина, навеянная в значительной степени французским генеральным штабом, оказалась неполноценной и изжившей себя.

Поэтому ген. Брусилов наметил фронтовую операцию прорыва укрепленной полосы с нанесением удара на широком фронте и тем самым сковал оперативную свободу австрийских резервов в пределах Юго-западного фронта.

Опыт брусиловского наступления подтвердил правильность нового метода построения фронтовой операции. Отдельные принципы этой операции в известной своей части были использованы ген. Фошем в 1918 г.

Брусиловская операция заслуженно требует к себе внимания еще и потому, что она дает достаточно материала для всестороннего изучения проблем современных операций, выдвигая для анализа ряд следующих вопросов:

а) значение идеи операции во фронтовом и армейском масштабе;

б) значение взаимодействия фронтов и армий при планировании операции;

в) роль оперативных резервов как одного из средств превращения тактического успеха в оперативный;

г) значение подготовки одновременной атаки во фронтовой операции (оперативная демонстрация);

д) изменение оперативной идеи в процессе операции;

е) оперативно-тактическая глубина прорыва, темп исходной операции, ширина фронта прорыва и тактическая плотность на направлениях главного удара.

Глава первая

Военно-политическая обстановка в начале 1916 г.

1. Итоги боевых действий воюющих держав к концу 1915 г.

В 1915 г. вся тяжесть войны выпала на долю одной России.

Операции на западноевропейском фронте за этот год протекали в ограниченных масштабах. Англия и Франция благодаря этому получили передышку для мобилизации своей промышленности и усиления вооружений. Только осенью 1915 г. германская армия должна была выдержать довольно продолжительное наступление со стороны англо-французов в Артуа и Шампани (с 21 сентября по 20 октября). В этой операции англо-французская армия, потерпев большие потери, не получила существенных территориальных выгод, и фронт опять замер до весны 1916 г.

Германское главное командование, намечая в плане войны на 1915 г. основные операции против России, рассчитывало сначала разгромить Россию, а затем свои главные усилия сосредоточить на западноевропейском фронте для решительных действий против английских и французских армий.

Таким образом, русская армия полностью вынесла на своих плечах всю тяжесть операций в 1915 г. и была вынуждена оставить Польшу, Галицию, Литву и Курляндию. К осени 1915 г. русские армии отходят на линию Рига, Двинск, Пинск, Дубно, Тарнополь, Новосельцы (на р. Днестре).

На этом рубеже обе враждующие стороны, израсходовав весь запас живой силы, перешли от маневренной к позиционной войне. Армии ушли в землю, закопались, обвили себя колючей проволокой и образовали сплошную линию укреплений от Балтийского до Черного моря.

В декабре 1915 г. нависает угроза над Сербией. Русская Ставка, удовлетворяя просьбы своих союзников и самой Сербии о помощи, сосредоточивает на р. Стрыпа вновь сформированную 7-ю армию и производит наступление на левом фланге Юго-западного фронта с целью оттянуть австро-германские силы с сербского фронта.

Операция 7-й армии, будучи плохо подготовленной, была проведена неудачно и не достигла намеченной цели.

Сербия была выведена из строя воюющих держав, и остатки ее армии (120—150 тыс. человек) были перевезены на остров Корфу.

Начальник штаба верховного главнокомандующего в своем письме к военному представителю русской армии во Франции ген. Жилинскому о причинах неуспеха 7-й армии писал: «Отсутствие, повидимому, веры в операцию у ген. Иванова и его индиферентное отношение к разработке; много в сношениях хитрил, а в самый важный период подготовки менял начальника штаба; оттянул без нужды начало операции на четыре дня, утратив всякое подобие внезапности; не давал руководящих указаний для объединения работы армий, ограничиваясь писанием после совершившихся фактов критического обзора. Но это лишь оправдательные документы для личной репутации, к коей он ревнив»[1].

Но была еще и другая, пожалуй, основная причина, сказавшаяся на неуспехе 7-й армии, заключавшаяся в полном отсутствии орудий, снарядов, обученных людских контингентов, а также наличии развертывающегося социально-экономического кризиса в стране.

Неудачный исход наступления русских на р. Стрыпа прекратил вплоть до весны 1916 г. всякие попытки к наступательным операциям на восточноевропейском (русском) театре военных действий.

Первая операция на Кавказском фронте закончилась благополучно для русской армии. Русские подошли к Эрзерумским укреплениям и готовились атаковать эту крепость.

Обстановка на Балканах была благоприятной для центральных держав. Основная цель, которую себе поставило германское командование, — разгром Сербии и установление непосредственной связи с Турцией, — была достигнута. Стратегическое положение центральных держав с разгромом сербской армии упрочилось, так как устранилась опасность для тыла Австро-Венгрии. В то же время установление связи с Турцией открывало перспективы дальнейшей борьбы на Кавказе, в Месопотамии и Египте, ущемляя тем самым интересы английского капитала.

Разгром Сербии одновременно принес центральным державам и дипломатическую победу. Болгария включилась в число открытых союзников Германии. К осени 1915 г. германо-австрийцы достигли полного господства на Балканах. Ллойд-Джордж, подводя итоги кампании 1915 г. на Балканах, писал: «Дарданеллы были эвакуированы; Балканы перешли в руки центральных держав; дорога на Дунай, на Константинополь и к Черному морю была окончательно закрыта; Сербия вышла из игры; Россия неудержимо близилась к разгрому; Румыния была изолирована. Какая превосходная стратегия!»[2]

Англо-французское командование, вначале не придававшее серьезного значения Балканскому фронту, после разгрома сербской

---

[1] ЦВИА, фонд 2003, дело 1317, лл. 90—93.

[2] Давид Ллойд-Джордж, Военные мемуары, тт. I и II, изд. 1934 г., стр. 359.

армии приняло меры для ослабления позиций центральных держав. Был образован Салоникский экспедиционный корпус, который занял на Балканском полуострове фланговое положение по отношению к главнейшим коммуникациям Германии с Турцией. Это мероприятие немедленно вызвало соответствующее усиление войск центральных держав.

Таким образом, вновь создавалось напряженное положение, которое могло перерасти в крупную операцию. Поэтому вновь разрабатываемые планы войны на 1916 г. не могли пройти молчанием Балканский фронт.

2. Стратегический план центральных держав на 1916 г.

Начальник германского генерального штаба ген. Фалькенгайн, учитывая достигнутые успехи в Галиции и Польше, питал большие надежды на сепаратный мир с Россией. Предпринятые в этом направлении шаги не увенчались успехом, надолго похоронив подобные попытки. Ген. Фалькенгайн в телеграмме от 29 ноября 1915 г. к рейхсканцлеру следующим образом оценивал попытки заключить сепаратный мир: «Война превратилась теперь в полном смысле слова в борьбу за существование для всех участвующих в ней государств. Как бы осторожно ни выдвигала свои мирные предложения в этой борьбе за существование одна из участвующих сторон, эти предложения всегда будут свидетельствовать об ее гибельной слабости»[1].

Германский империализм никак не мог допустить мысль, чтобы противник хоть немного заподозрил какое-либо неблагополучие в странах центральных держав. Перед германским командованием стояла основная задача — получить на несколько месяцев передышку после тяжелых операций, проведенных в 1915 г. Получив передышку, германский генеральный штаб рассчитывал вновь начать активные действия на западноевропейском фронте.

Однако для этого нужно было обеспечить предстоящие крупные, решающие операции техническими средствами и обученными людскими контингентами. На разрешение этой задачи германское правительство и обратило все свое внимание.

Особо остро стоял вопрос с пополнениями армий и с поставками сырья для военной промышленности.

К началу 1916 г. запасных войск, годных для армии, было около 800 000 человек. Это число могло быть еще увеличено на 300 000 человек путем призыва запасных рождения 1897 г. Но этого количества было недостаточно, так как ежемесячная потребность для действующей армии составляла 200 000 человек.

Так же плохо обстоял вопрос с поставкой конского состава, убыль которого к концу 1915 г. резко возросла. Одних больных лошадей, находящихся на излечении в ветеринарных лазаретах, было на западноевропейском фронте до 12% и на восточноевропейском (русском) фронте до 20% штатного состава. Между тем возможности покупки лошадей за границей ввиду блокады отпа-

[1] Рейхсархив, т. X.

дали, а страна не могла удовлетворить даже минимальной месячной потребности армий (16 000 лошадей), так как отсутствие необходимых запасов фуража сказывалось на приросте конского поголовья.

Значительно меньшие трудности испытывали Германия и ее союзники с поставкой оружия и боевых припасов.

В 1915 г. за два месяца самых напряженных боевых действий Германия израсходовала 11 млн. снарядов и 20 000 *т* пороха. Эти цифры показывают большое напряжение в работе германской промышленности. Нужно отдать справедливость, что она с этой задачей справилась относительно хорошо. Германская военная промышленность была подготовлена к войне лучше, чем промышленность России, Франции и Англии. Этому способствовали следующие обстоятельства:

1. Германская промышленность отмобилизовалась очень быстро и безболезненно благодаря заблаговременной подготовке заводов, изготовлявших предметы вооружения и снаряжения.

2. Почти все государства, в том числе и Россия, содержали за свой счет военную промышленность Германии, покупая у нее в мирное время предметы вооружения.

3. Еще в мирное время была создана соответствующая потребностям армии стандартизация предметов производства, и это значительно облегчало отмобилизование промышленности.

4. Кроме того, тресты, являясь высшими мобилизационными единицами германской промышленности, представляли собой мощную опору германского тыла.

В результате этого германская промышленность к весне 1916 г. производила:

Винтовок	240 000	Минометов	450
Пулеметов	1 250	Снарядов для полевых орудий	2,9 млн.
Легких полевых орудий	600	Снарядов для пешей артиллер.	1,7 „
Тяжелых полевых орудий	250	Ручных гранат	1,4 „

К началу 1916 г. в Германии возникли продовольственные затруднения. Продукты на рынке исчезали. Запасы кофе, чая и какао приходили к концу. Остро ощущался недостаток жиров. Правительство вынуждено было ввести карточную систему и применять различные суррогаты.

Население получало 250 *г* мяса в неделю. Хлебный паек был сокращен с 225 до 200 *г*. Все это с особой силой отразилось на положении рабочего класса, что вызывало со стороны рабочих мощную волну антиимпериалистических выступлений.

В Австро-Венгрии, где, помимо экономических трудностей, обострялись национальные и классовые противоречия, обстановка была более напряженная. Среди народов двуединой монархии росли пораженческие настроения, и особенно среди чехословаков, которые открыто симпатизировали сербам и русским. «Чешские полки в настоящей кампании, — писал в своем приказе эрцгерцог Иосиф-Фердинанд, — в особенности в последних боях, сказались неоднократно ненадежными или же не вполне стойкими, и в особенности

при обороне хорошо подготовленных и долговременно занимаемых позиций»[1].

Германское командование все это учитывало. Оно отлично понимало, что все его союзники могут держаться только с помощью германской промышленности; чтобы избежать кризисов, Германии приходилось снабжать своих союзников вооружением, подкреплять их войсками и поддерживать займами.

Поэтому ген. Фалькенгайн, составляя план войны на 1916 г., отлично понимал трудности, которые ожидали Германию и ее союзников.

Требовалось обеспечить продовольствием и сырьем население и промышленность не только своей собственной страны, но и своих союзников.

С этой целью поднимался вопрос о разгроме колеблющейся Румынии, в надежде этим смягчить нужду в фураже и нефти в Германии, а еще более в Турции. Однако Румыния выполнила заключенный договор о поставках, поэтому вопрос войны с ней был временно снят.

Надежды германской Ставки на долговременную передышку разлетелись, как дым. Уже в декабре 1915 г. ген. Фалькенгайну стало известно о подготовке англо-французских армий к наступлению. Поэтому он в плане войны на 1916 г. решил использовать все свои резервы на западноевропейском фронте с целью предупредить наступление англо-французов и тем самым взять инициативу действий в свои руки. Ген. Фалькенгайн считал, что если инициатива наступления попадет в руки англо-французского командования, то Германия не сможет выдержать натиска армий Антанты, и тогда война будет безусловно проиграна.

В конце декабря 1915 г. ген. Фалькенгайн докладывал Вильгельму план предстоящих операций. Создавшуюся обстановку он расценивал следующим образом:

Главным врагом, по мнению Фалькенгайна, попрежнему оставалась Англия с ее могущественным флотом, который Германия разгромить была бессильна. Поэтому Германия не может ждать пощады от Англии, пока у последней есть надежда на достижение цели войны.

Отсюда ген. Фалькенгайн делал вывод, что «нужно ослабить Англию... Нужно показать Англии безнадежность ее начинания... Германия должна вести только наступательную войну... Способность продержаться у наших союзников ограниченна, да и у нас она не безгранична... Предстоящий год принесет лишения, а следом за ними возникнут, как это всегда бывает, социальные и политические кризисы. Нельзя терять время»[2].

По мнению Фалькенгайна, основным средством, которое могло бы ослабить Англию, являлся вывод из строя воюющих государств «орудий» Англии — французской, русской и итальянской армий.

Продолжать решительное наступление против России из-за

---

[1] ЦВИА, дело 934.
[2] Рейхсархив, т. X.

плохой погоды и тяжелых условий было невозможно вплоть до мая месяца. К тому же дальнейшее продвижение в глубь России требовало достаточных сил и вызывало в памяти печальный опыт наполеоновского похода на Москву. Наступление на Петроград хотя и обещало успех, но перспектива кормить этот город из скудных запасов со своей стороны не улыбалась германским империалистам.

В силу этого Фалькенгайн склонялся к тому, чтобы отказаться от дальнейшего наступления против русских и перейти на восточно-европейском фронте к активной обороне.

Он также отклонил настойчивое предложение австро-венгерской главной квартиры о наступлении в Трентино против итальянцев. Ген. Фалькенгайн считал, что осуществление предложения австро-венгерского главного командования «принесло бы облегчение и будущие выгоды только Австро-Венгрии, но не общему ходу войны непосредственно. Даже откол Италии от Антанты, что едва ли мыслимо, не окажет на Англию заметного влияния».

Поэтому, пишет он дальше: «Остается одна Франция, которая в своих напряжениях дошла до предела, едва уже выносимого. Если удастся ясно доказать ее народу, что ему в военном отношении не на что более рассчитывать, тогда предел будет перейден, лучший меч будет выбит из рук Англии. Для этого не нужно иметь больших сил и средств, а нужно выбрать наиболее жизненные для Франции цели — позади французского участка, для защиты которых французское командование вынуждено будет пожертвовать последним человеком. Такими целями могут быть Бельфор и Верден»[1].

План ген. Фалькенгайна был утвержден Вильгельмом, отдавшим предпочтение удару на Верден, как против «мощной опоры для всякой неприятельской попытки сорвать весь немецкий фронт во Франции и Бельгии с относительно небольшими силами»[2].

Выбор Вердена объектом действий был очень удачным, так как он являлся опорным пунктом для всего французского фронта. Французская главная квартира не могла допустить захвата Вердена германскими войсками.

Ген. Фалькенгайн особенно рассчитывал, что Верден притянет к себе все свободные французские резервы, и «тогда, — говорил он,— можно будет нам в районе его перемолоть, как в мельнице, французские дивизии».

Но в среде верховного командования центральных держав не было единодушного мнения о стратегическом плане на 1916 г.

Иного плана держался главнокомандующий Восточным фронтом Гинденбург, который в противовес Фалькенгайну считал, что, несмотря на удачное окончание Наревской и Виленской операций, русские не уничтожены, а, отступив, они смогут перегруппироваться и снова угрожать левому флангу Восточного фронта. По мнению Гинденбурга, необходимо было главный удар наносить

---

[1] Фалькенгайн, Верховное командование, стр. 199—200.

[2] Рейхсархив, т. X.

против русских и только после окончательного разгрома русской армии можно было бы начать операции против англо-французов.

В свою очередь, австро-венгерское командование считало Россию уже неспособной к активным действиям и предлагало начать решительную операцию в Трентино против итальянцев.

Не возражая против плана ген. Фалькенгайна, начальник австро-венгерского генерального штаба ген. Конрад упорно настаивал на проведении операции в Трентино. Он считал, что лишь после удара против Италии можно будет располагать необходимыми силами для решающей победы во Франции.

Предложение ген. Конрада не встретило сочувствия в германской главной квартире, считавшей, что отрыв 9 пехотных германских дивизий, чего требовал ген. Конрад, может изменить соотношение сил на западноевропейском фронте и создать предпосылки для прорыва фронта англо-французскими войсками.

Не получив поддержки от германского генерального штаба, ген. Конрад решил тайно от немцев подготовить и провести операцию против итальянцев.

Для этой цели он решается использовать все свободные силы из резерва и снять лучшие дивизии и тяжелую артиллерию с русского фронта. На русском фронте им оставляются менее надежные части (второочередные ландверные и гонведные соединения), укомплектованные национальными меньшинствами (чехи, русины, сербы, хорваты и т. д.). В общей сложности Конрад назначил 50% всех сил австро-венгерской армии для проведения операции против итальянцев.

Таким образом, единого плана войны центральные державы не имели.

Гинденбург и Людендорф видели путь к победе попрежнему в решительной борьбе на русском фронте, Конрад мечтал о разгроме итальянцев, а Фалькенгайн стремился к победе путем медленных и частичных поражений англо-французов.

3. Стратегический план Антанты на 1916 г.

В декабре 1915 г. ген. Жоффр объединил в своих руках командование англо-французскими войсками на западноевропейском фронте. Это мероприятие осуществилось после неоднократных попыток объединить разрозненные действия русской и союзных армий. Нужен был опыт войны 1914—1915 гг., чтобы, наконец, составить единый оперативно-стратегический план дальнейших действий. С этой целью и была созвана военная конференция в главной французской квартире в Шантильи 6—9 декабря 1915 г.

Выработанный на этой конференции стратегический план предусматривал следующее:

1) искать решение войны в согласованных наступлениях на главных фронтах (русском, англо-французском и итальянском), чтобы не позволить противнику перебрасывать свои резервы с одного фронта на другой;

2) на каждом из главных фронтов до перехода в общее наступление проводить боевые действия, рассчитанные на истощение живой силы противника;

3) каждая из союзных держав должна быть готова оказать в пределах возможного помощь другой державе, если она будет атакована [1].

Срок общего наступления был назначен на весну 1916 г. и, кроме того, всецело зависел от климатических условий на восточноевропейском (русском) фронте. В последующем этот срок был отнесен на июнь-июль месяцы, считая, что некоторые армии стран Антанты не готовы к наступлению вследствие незаконченности укомплектования и снабжения. Особенно это касалось русской армии, которая, действительно, к концу 1915 г. была близка к катастрофе.

В первую очередь следует отметить экономическую отсталость царской России, особенно по тяжелой и оборонной промышленности. Затем «старые царские бюрократы, боясь усиления буржуазии, не хотели привлекать промышленность к снабжению армии» [2], и, несмотря на создание так называемого «особого военного совещания», вопросы снабжения русской армии не были разрешены. Кроме того, еще давала себя чувствовать «деятельность» бывшего военного министра Сухомлинова, с помощью которого в военные ведомства России были насаждены германские шпионы, направлявшие свою работу на подрыв боевой готовности царской армии.

Царское правительство ограничивалось в мирное время только показной стороной военной готовности страны, и до первой империалистической мировой войны никто не интересовался вопросами военной экономики. С началом же ее все внимание командования обратилось на оперативные вопросы, и тылом никто не интересовался.

Русский генеральный штаб, разрабатывая оперативно-стратегический план, рассчитывал закончить войну в 4—5 месяцев и поэтому все запасы предметов снаряжения и боевого имущества готовил именно на этот срок. Этим и объяснялась полная неподготовленность русской промышленности к производству предметов боевого имущества для армии.

Таким образом, с началом войны в России не оказалось заводов, которые могли бы в полной мере работать на военные нужды. Царская Россия вынуждена была обратиться к иностранным заказам, закупая пушки, пулеметы, огромное количество снарядов, пороха, взрывчатых веществ, автомобилей, шанцевого инструмента и другого военного имущества. Русскому генеральному штабу потребовалось семнадцать месяцев войны для того, чтобы понять допущенную ошибку мирного времени при подготовке страны к обороне. Но время оказалось упущенным, и нужно было особое напряжение, чтобы перестроить страну на военное положение при том развале, который царил в России.

---

1 ЦВИА, фонд 2003, дело 703.

2 История гражданской войны, т. I, стр. 24.

Транспорт, обеспечивающий военную промышленность, работал плохо и не снабжал даже особо покровительствуемые казенные заводы необходимым топливом, металлами и предметами оборудования.

Начальник штаба верховного главнокомандующего, докладывая царю, писал: «В среднем, заводы, работающие на оборону, удовлетворяются транспортом всего лишь на 50—60% своей потребности, а для Петроградского района вместо необходимых 18½ млн. пудов, по заявлению министра путей сообщения, возможно перевезти лишь 8 млн.

При таких условиях не только немыслимо увеличение производительности заводов, но придется сократить и теперешнюю работу»[1].

В таком же плачевном состоянии находилась и металлообрабатывающая промышленность. В том же докладе царю писалось: «У нас неисчерпаемые богатства руды, угля и флюсов. Но вместо широкого развития добычи металлов, столь нам необходимых, в Донецком районе из 62 домен уже потушено 17 и, как оказывается, из-за того, что не могут подвезти угля, руды и флюсов, находящихся в том же районе, и получить несколько тысяч рабочих рук.

Министр торговли и промышленности заявил, что при теперешнем своем развитии промышленность, работающая на оборону, получит всего 50% потребного ей металла»[2].

Исходя из этих условий, приходилось обращаться к иностранным заказам, которые были явно невыгодны для России в финансовом отношении (крупные переплаты и займы на кабальных условиях). Кроме того, как правило, все заграничные заказы являлись необеспеченными, так как Англия и Франция сами нуждались в заготовках для своих армий и уклонялись от выполнения заказов. (Из 4½ млн. заказанных снарядов было доставлено к ноябрю 1915 г. ½ млн.)

Русская армия, не встречая затруднений в людских резервах, остро ощущала недостаток в тяжелой артиллерии, винтовках, снарядах и ружейных патронах.

Тот же начальник штаба верховного главнокомандующего в своем письме к ген. Жилинскому писал, что «некомплект в армиях покрыт, но многие остаются невооруженными. В среднем каждый корпус имеет около 20 000 вооруженных, а штатное число людей 28 800. Тяжесть наших боев, вследствие недостатка артиллерии вообще, а тяжелой особенно, лежит на пулеметном и ружейном огне. Поэтому нечего удивляться, если средний расход ружейных патронов на человека у французов 30, у англичан 50, а у нас 125 в месяц»[3].

Всего же в армиях восточноевропейского (русского) фронта только по пехоте было 350 тыс. невооруженных солдат.

---

[1] Маниковский, Боевое снабжение русской армии в мировую войну, Воениздат, 1937, стр. 643.

[2] Там же, стр. 644.

[3] ЦВИА, фонд 2003, II, дело 1317, лл. 90—93.

Таким образом, к началу 1916 г. у русской и иностранной буржуазии возникали опасения за боевую готовность русской армии и ее способность успешно продолжать войну.

Поэтому правящие круги Антанты принимают все меры к тому, чтобы заставить Россию выполнить свои союзнические обязательства.

С этой целью весной 1916 г. в Россию приезжают члены французского правительства — «социалисты из II Интернационала» — Альберт Тома и Вивиани. Они пытались добиться улучшения работы русской оборонной промышленности и одновременно требовали скорейшей отправки 400 тыс. русских солдат во Францию.

В свою очередь, русская буржуазия и ее прихвостни — социал-шовинисты всех мастей — через ряд буржуазно-либеральных и дворянских организаций, как то: Центральный военно-промышленный комитет, Всероссийский земский и городской союзы, принимают все меры по снабжению армии артиллерией, снарядами и другим боевым имуществом и требуют от союзников выполнения их заказов.

Создается особое совещание по обороне государства, которое вплотную занялось вопросами военной промышленности.

Целый ряд производств был приспособлен для военных надобностей. Создавались новые отрасли промышленности, а старые сильно развивались и расширялись. Производительность русских военных заводов значительно повысилась. Тульский оружейный завод вместо 700 пулеметов в год увеличил их производство до 800—1 000 в месяц. Трубочные заводы вместо производимых ранее 40—50 тыс. дистанционных трубок в месяц в начале 1916 г. уже давали около 70 тыс. дистанционных трубок в день. Оружейные заводы вместо нескольких тысяч винтовок в месяц увеличили их выпуск до 110 тыс. Главное артиллерийское управление строило 15 новых заводов [1].

Одновременно проводилась реорганизация армии. Формировались новые части, и армия получила 15 новых дивизий. Генералы, которые наиболее сильно себя скомпрометировали за время войны (Ренненкампф, Сухомлинов и др.), были уволены. Делалось все возможное для того, чтобы создать утомленным войскам иллюзию заботы о них. Принимались меры по улучшению санитарного обслуживания и снабжения войск всем необходимым для успешного проведения операций. Войска получили зимнее обмундирование, махорку, мыло и «ура-патриотические» листовки. Военное министерство получило от русских предприятий 15,4 млн. пар сапог и закупило за границей 5,7 млн. пар сапог и 4 млн. пар ботинок [2].

Царское правительство занимал также и рабочий вопрос. Придавленный тяжестью войны рабочий класс под влиянием широкой

---

[1] Маниковский, Боевое снабжение русской армии в мировую войну, Военгиз, 1937, стр. 645.

[2] ЦВИА, дело 266—649.

пропаганды большевистской партии поднимал свой голос возмущения, организуя забастовки, стачки и т. д.

Большевистские революционные идеи начали широко проникать и в среду армии. Во многих войсковых частях и тыловых учреждениях работали ячейки большевистской партии, которые разъясняли солдатским массам цели империалистической мировой войны и необходимость превращения ее в войну против своих капиталистов и помещиков. Солдатские массы быстро воспринимали эти революционные идеи и не проявляли особого желания умирать за интересы своих угнетателей. Тем более что в письмах из дома родные солдат жаловались на судьбу, на дороговизну в тылу, на купцов-мародеров, на отсутствие мяса, сахара, на острый недостаток рабочих рук. Только военно-полевые суды еще сдерживали открытый протест солдатской массы против тяжелых условий окопной войны и жизни в тылу. Русское командование отлично все это учитывало и принимало меры по изоляции и устранению особо подозрительных агитаторов среди солдат.

Наряду с этим оно широко развивало контрпропаганду, используя для этой цели патриотический дух русского солдата. В этом деле империалистической буржуазии и царскому правительству всемерно помогали социал-шовинисты и другие предатели рабочего класса.

Товарищ Ленин в феврале 1916 г. писал: «Во всех странах мира мы видим теперь, как социалистические и рабочие организации разделились на два больших лагеря. Меньшая часть, а именно вожди, функционеры и чиновники, изменили социализму и стали на сторону правительств. Другая часть, к которой принадлежат сознательные рабочие массы, продолжает собирать свои силы и бороться против войны, за пролетарскую революцию»[1].

4. Уточнение стратегического плана Антанты

28 февраля (12 марта) 1916 г. состоялась военная конференция союзников в Шантильи, где был уточнен и дополнен стратегический план войны, принятый в декабре 1915 г.

Основное руководство на мартовской конференции, как и на декабрьской, принадлежало французскому главному командованию. Докладчиком по плану войны был ген. Жоффр, который оценивал общее положение союзных сил Антанты следующим образом:

1. Продолжая готовиться к наступлению, совершенствуя свое снабжение и обучение, франко-английские армии значительно увеличили свои резервы — до 37 французских и 13 английских дивизий.

2. Русская армия запоздала в своей реорганизации вследствие преждевременного закрытия северных портов (Мурманск, Архангельск).

---

[1] Ленин, Сочинения, том XIX, изд. 3-е, стр. 19.

3. Итальянская армия заняла в Албании Валлону и Дураццо, где укрепляется.

4. Франко-английский экспедиционный отряд упрочился на высотах в районе Салоник, где оборонительные сооружения почти закончены.

5. Сербскую армию (120—150 тыс. чел.) удалось перевезти на остров Корфу, где будет приступлено к ее реорганизации.

Дальше ген. Жоффр требовал от всех представителей союзных государств выполнения декабрьского решения конференции о взаимодействии фронтов.

«Если коалиция, — говорил он, — имеет за собой почин в операциях, она не имеет иного средства помешать центральным государствам действовать по внутренним операционным линиям, как переход в общее концентрическое наступление»[1].

По предложению ген. Жоффра, *французская армия* должна была защищать свою территорию, стремясь «разбить немецкое нападение об организованную ее оборону». Этим преследовалась цель нанести «непоправимый ущерб престижу центральных империй».

Английская армия должна была сосредоточить наибольшую часть своих сил на французском фронте, для чего необходимо было ускорить перевозку дивизий с острова на материк.

Русская армия должна была оказать более сильное давление на противника, чтобы не дать ему возможности перебросить свои войска с русского фронта и связать ему свободу действий. Предлагалось поэтому немедленно начать все приготовления к переходу в наступление.

Итальянская армия занятием угрожающего положения должна была воспрепятствовать выводу противником войск с ее фронта, подготовить немедленно наступательную операцию и усилить активность в Албании или Салониках.

Одновременно совещание выразило пожелание усилить экономическую блокаду Германии.

Время общего наступления было назначено на вторую половину июня, причем русская армия должна была начать его двумя неделями раньше, дабы оттянуть на себя резервы немцев.

Особое внимание ген. Жоффр уделял румынскому вопросу, считая обязательным для России оказать активную помощь Румынии, дабы склонить ее на сторону Антанты. По этому поводу состоялась обильная переписка между русской Ставкой и главной квартирой французской армии. Ген. Жоффр требовал, чтобы русские выставили 200—250-тысячную армию для помощи Румынии, направив ее действия в Добрудже против Болгарии. Наступление этой армии на Балканском полуострове, по мысли Жоффра, должно было надежно обеспечить южную границу Румынии от покушения болгар и облегчить переход к активным действиям салоникской армии союзников.

Помощь России должна была гарантировать открытый переход Румынии на сторону Антанты и дать ей уверенность в том, что

---

[1] ЦВИА, фонд 2003, дело 1317, лл. 33—38.

«ценой своего содействия она впоследствии приобретает австрийские провинции Буковину и Трансильванию»[1].

Предложение ген. Жоффра встретило категорическое возражение со стороны русского верховного командования. В переписке с министром иностранных дел начальник штаба верховного главнокомандующего настаивал на решительном отпоре требованиям Франции.

Он писал: «По долгу службы перед Россией и государем я не имею права доложить верховному главнокомандующему о необходимости принятия такого плана и присоединения к такой военной авантюре»[2].

С подобным письмом вышеуказанный начальник штаба обратился и к ген. Жоффру, которому он объяснял двойственность политики Румынии, зависевшей исключительно от успешности хода операций воюющих сторон. Кроме того, учитывая оперативные соображения, он отказывался отправить 250 тыс. солдат на Балканы, так как это противоречило основным требованиям военного дела. «Ответствуя прежде всего перед Россией, — писал он, — я не имею права представить на благоусмотрение государя императора план, который, ставя на первое место цели второстепенные, поставил бы в опасное положение русскую армию на жизненных для нее направлениях»[3].

Так не удалось французскому империализму разрешить румынский вопрос за счет одной России.

5. Обстановка на восточноевропейском (русском) фронте весной 1916 г.

Выполняя свой стратегический план на 1916 г., германцы в феврале начали Верденскую операцию, предупредив и спутав тем самым все оперативные расчеты союзников.

Французские резервы быстро втягивались в «верденскую мясорубку», и Жоффру приходилось добиваться помощи от своих союзников и в частности от России. На восточноевропейском фронте к этому времени установилось относительное спокойствие. 19 февраля (3 марта) начальник французской военной миссии в России ген. По передал в Ставку телеграмму ген. Жоффра с просьбой принять все необходимые меры для ослабления германского удара под Верденом.

Ген. Жоффр просил: «а) произвести на противника сильное давление с целью не дать ему возможности увезти с фронта какие-либо части и лишить его свободы маневрирования; б) произвести безотлагательно на русском фронте подготовку наступления, предусмотренного совещанием в Шантильи»[4].

Нажим французского империализма на Россию был настолько

---

1 ЦВИА, фонд 2003, дело 1106, лл. 361—365.
2 ЦВИА, фонд 2003, дело 1106, лл. 376—378.
3 ЦВИА, фонд 2003, дело 1106, лл. 423—425.
4 ЦВИА, фонд 2003, дело 1106, лл. 361—365.

сильным, что начальник штаба верховного главнокомандующего должен был согласиться на наступление и ответить ген. Жоффру, что идут широкие перевозки войск для подготовки атаки германцев.

Русская армия, не ожидая окончания организационных мероприятий, 5 (18) марта 1916 г. должна была начать операцию с наличными силами и средствами, нанося главный удар на фронте Двинск, р. Вилия. Так родилась Нарочская операция 1916 г.

Наступление, начатое 5—8 (18—21) марта войсками 2-й армии на участке между р. Дисенка и оз. Вишневское и частью 5-й армии в Якобштадтском районе, потерпело крах, хотя для нанесения удара и были собраны значительные силы и обеспечено превосходство (236 тыс. штыков против примерно 46 тыс. штыков) над немцами.

Неуспех явился следствием из рук вон плохого управления войсками и недостаточно разработанной подготовки атаки.

Все это усугублялось неуменьем русского командования правильно оценить обстановку. Командование, разрабатывая операцию, не учло того обстоятельства, что в марте наступает распутица. В разгар операции такая распутица обратила все пространство боев в болото, покрытое водой, и до крайности затруднила передвижение войск и подвоз боевых припасов.

Не успела развернуться Нарочская операция, как Антанта потребовала новой подготовки России к активным действиям на своем фронте для участия в общем наступлении союзных армий.

2 (15) апреля 1916 г. начальник французской военной миссии в России ген. По передал следующую телеграмму ген. Жоффра: «Если бы наступление против Вердена продолжалось, я просил бы наших русских союзников, согласно принятым на совещаниях в Шантильи решениям, перейти в наступление всеми свободными силами, как только климатические условия это позволят, пользуясь отвлечением германских сил, вызываемым Верденским сражением.

Необходимо, следовательно, чтобы подготовка русского наступления продолжалась с крайним напряжением и чтобы она насколько возможно полно была закончена ко времени окончания таяния, дабы наступление могло начаться в этот момент» [1].

И на этот раз нажим Антанты оказался настолько сильным, что начальник штаба верховного главнокомандующего ответил согласием начать атаку австро-германцев в конце мая или в начале июня (по старому стилю). С этой целью проводится спешная работа по укомплектованию и снабжению войск. Ставка впервые пытается суммировать опыт прошедших операций на французском и русском фронтах, используя специальные доклады офицеров генерального штаба, прибывших из Франции, куда они были командированы с целью изучения опыта войны на западноевропейском фронте. Кроме того, были подведены итоги операциям, проведенным русской армией в 1915 г. и весной 1916 г.

---

[1] ЦВИА, фонд 2003, II, дело 1104. л. 359.

Все эти суммированные материалы с соответствующими выводами рассылались в войска и служили пособием для подготовки предстоящих операций.

6. Группировка войск на восточноевропейском (русском) фронте к апрелю 1916 г.

(Схема 1)

Северный фронт (главнокомандующий ген. Куропаткин) прикрывал направление на Петроград, имея следующую группировку армий:

12-я армия в составе 9 пехотных и 5 кавалерийских дивизий прикрывала рижское направление на фронте от Туккума до Крейцбурга исключительно, имея сильный плацдарм у Риги.

5-я армия в составе 12 пехотных и 4½ кавалерийских дивизий прикрывала полоцко-псковское направление. Линия фронта проходила по восточному берегу р. Западная Двина до Ново-Александровска, имея у Двинска плацдарм.

Резерв фронта составляли 7 пехотных дивизий, рассредоточенных на фронте от Риги до Двинска. Кроме того, в состав Северного фронта входила особая 6-я армия, которая несла охрану побережья Рижского залива и непосредственно Петрограда.

Против войск Северного фронта германцы имели 8-ю армию в составе 7 пехотных и 3 кавалерийских дивизий. Кроме того, против 5-й и 1-й русских армий располагалась армейская группа Шольца в составе 9 пехотных и 2 кавалерийских дивизий.

Западный фронт (главнокомандующий ген. Эверт) состоял из пяти армий и тянулся от стыка с Северным фронтом до железной дороги Сарны, Ковель (450 *км*), прикрывая направление на Москву.

Важным оперативным направлением для фронта являлось виленское, где и была сосредоточена главная масса войск.

Армии этого фронта располагались:

1-я армия в составе 4 пехотных и 2 кавалерийских дивизий имела позицию от Яновка (15 *км* южнее Двинска) и далее по линии оз. Дрисвяты, Видзы.

2-я армия в составе 14 пехотных дивизий имела позицию от Видзы через оз. Нарочь и до оз. Вишневское.

4-я армия в составе 10 пехотных дивизий занимала фронт от оз. Вишневское до Крево.

Против 2-й и 4-й русских армий располагалась 10-я германская армия в составе 11 пехотных и 3 кавалерийских дивизий.

10-я армия в составе 7 пехотных и 1 кавалерийской дивизии прикрывала минское направление, имея против себя 12-ю германскую армию в составе 5 пехотных дивизий.

3-я армия располагалась севернее р. Припяти, от Любча до железной дороги Сарны, Ковель, имея в своем составе 14 пехотных и 7 кавалерийских дивизий. Фронтовой резерв состоял из 7 пехотных и 2 кавалерийских дивизий.

Против 3-й армии германцы имели 9-ю армию в составе 10 пехотных дивизий и часть войск армейской группы Линзингена.

Юго-западный фронт (главнокомандующий ген. Брусилов) имел в своем составе четыре армии и прикрывал направление на Киев.

Линия фронта, протяжением в 340 *км*, шла от железной дороги Сарны, Ковель через Дубно, Тарнополь, по р. Стрыпа до р. Днестр и далее до румынской границы у Боян.

Его армии располагались:

8-я армия в составе 14 пехотных и 4 кавалерийских дивизий располагалась на фронте южнее железной дороги Сарны, Ковель до Поповцы, имея против себя армейскую группу Линзингена численностью в 14 пехотных и 6 кавалерийских дивизий.

11-я армия в составе 8 пехотных и 1 кавалерийской дивизии прикрывала тарнопольское направление, имея против себя армейскую группу Бем-Ермоли и южную германскую армию численностью в 13 пехотных и 2 кавалерийские дивизии.

7-я армия на гусятинском направлении имела в своем составе 7 пехотных и 2 кавалерийские дивизии.

Южнее 7-й армии до румынской границы располагалась *9-я русская армия*, имея в своем составе 10 пехотных и 3 кавалерийские дивизии.

7-й и 9-й армиям противостояла 7-я австрийская армия в составе 9 пехотных и 4 кавалерийских дивизий.

Глава вторая

План операции русской Ставки

(Схема 2)

План операции на восточноевропейском (русском) фронте был окончательно выработан на совещании Ставки с главнокомандующими фронтами 1 (14) апреля 1916 г.

Основным докладчиком по плану был начальник штаба верховного главнокомандующего. Оценивая обстановку, он приходил к выводу, что немцы в ближайшее время неизбежно должны начать активные действия на русском фронте.

Он говорил: «Вероятная конечная неудача операции под Верденом, в связи с необходимостью дать стране какой-либо кажущийся военный успех для обеспечения займа, заставит немцев начать наступательные действия *на нашем фронте тотчас, как это позволит погода...* причем они будут искать решения участи борьбы *именно весной»* [1]. Следовательно, возникал вопрос, как решить при этих условиях предстоящую в мае наступательную задачу, согласно постановлению мартовского совещания в Шантильи.

Вопрос о наступлении русской армии против немцев считался неизменным и обязательным. Стоял вопрос только в отношении срока наступления, который необходимо было уточнить. Начальник штаба верховного главнокомандующего доложил, что английская армия будет готова к наступлению не ранее июня. Во Франции Верденская операция еще не была закончена, и поэтому французская армия будет готова к наступлению не ранее того же срока. Что касается русской армии, то подготовка ее к наступлению также требовала отсрочки атаки, так как климатические условия позволяли вести широкие операции только с конца мая (по старому стилю).

Район севернее Полесья до этого времени благодаря распутице крайне затруднял боевые действия войск и организацию подвоза. Ранней весной, как правило, дороги были грязны и тяжелы, затрудняя переброску войск и перегруппировку их сообразно оперативному плану командования.

---

[1] ЦВИА, фонд 2003, дело 1104, лл. 224—228.

К тому же отсрочка времени начала наступления давала возможность материально лучше обеспечить армию путем подвоза винтовок, патронов и довести свою пехоту до полных штатов. Кроме того, требовалось образовать некоторый запас винтовок для пополнения естественной убыли их во время боев.

На основании этого начальник штаба верховного главнокомандующего считал необходимым отложить наступление до конца мая или начала июня (по старому стилю), но при этом обязательно увязав его с действиями союзников.

«По моему мнению, — писал он ген. Жилинскому, — атака должна быть одновременной, хотя я не буду настаивать на этом, если верховное командование союзников имеет по этому поводу какие-либо особые соображения. Необходимо лишь одно: чтобы общая мысль связала операцию на итальянском, французском и русском фронтах» [1].

Однако начальник штаба верховного главнокомандующего, учитывая вероятность наступления немцев на русском фронте весной, предупредил командование фронтов, чтобы войска были готовы к наступлению в начале мая, дабы «упредить противника, нанести ему удар, заставить его сообразоваться с нашей волей, а не оказаться в тяжелом полном подчинении его планам, со всеми невыгодными последствиями исключительно пассивной обороны» [2].

Общее соотношение сил Ставка расценивала следующим образом (схема 2):

Фронты	Русские силы (штыки и сабли)	Силы австро-германцев (штыки и сабли)	Перевес в силах	Примечание
Северный фронт	466 000	200 000	266 000	Данные: Северного фронта — к 27 февраля, Западного и Юго-западного — к 12 марта, противника — к 16 марта.
Западный фронт	754 000	420 000	334 000	
Итого севернее Полесья	1 220 000	620 000	600 000	
Юго-западный фронт	512 000	441 000	71 000	
Всего	1 732 000	1 061 000	671 000	

Кроме того, по мнению Ставки, перевес русских войск над австро-германцами мог быть значительно увеличен, если будут пополнены штаты подразделений до полной нормы. При этом условии перевес сил составил бы на Северном фронте до 296 000 штыков и сабель, на Западном фронте — до 499 000 штыков и сабель и на Юго-западном фронте до 132 000 штыков и сабель.

[1] ЦВИА, фонд 2003, дело 1317, лл. 184—187.
[2] ЦВИА, фонд 2003, дело 1104, лл. 224—225.

Следовательно, — делал вывод начальник штаба верховного главнокомандующего, — *двойное превосходство* русских в силах над противником севернее Полесья определяет направление главных усилий русской армии.

Поэтому он предлагал предстоящую операцию построить на следующих основаниях:

1. Главный удар наносят армии Западного фронта и вспомогательные — Северный и Юго-западный фронты.

2. Западный фронт производит главный удар из Молодечненского района в направлении Ошмяны, Вильно, для чего сосредоточивает в районе 10-й армии до 480 000 штыков и сабель против 82 000 противника, создавая превосходство в шесть раз.

3. Северный фронт производит главный удар в районе Двинск, Видзы группой войск силою в 213 000 штыков против 43 000 противника. Для усиления удара из этого района и для большей увязки в действиях при обороне Двинска считалось необходимым 1-ю армию передать из Западного в Северный фронт. Кроме того, в целях лучшего обеспечения Риги намечалось иметь в этом районе до четырех корпусов, общей численностью 84 000—100 000 штыков, что составляло двойное превосходство над германцами.

4. Юго-западный фронт должен был попрежнему готовиться к производству удара из района Ровно ко времени развития наступления севернее Полесья.

Таким образом, в идее операции намечен был удар силою в 695 000 штыков и сабель Северного и Западного фронтов против 125 000 германцев, т. е. почти шестерное превосходство в силах на стороне русских войск.

Ставка не планировала операции по глубине, стремясь ограничиться прорывом и желанием нанести противнику больше потерь.

Начальник штаба верховного главнокомандующего в своем докладе 31 марта (13 апреля) 1916 г. царю писал: «Совокупность действий войск при современных условиях, как показывает опыт на французском и наших фронтах, указывает, что едва ли можно рассчитывать на выполнение *в один прием глубокого проникновения* в расположение противника, хотя за ударными корпусами была бы поставлена вторая линия корпусов.

Приходится признать, что вторую линию обороны нужно атаковать по тем же приемам, как и первую. При иной постановке вопроса нас ожидают или разочарования или тяжкие, безрезультатные жертвы. Суть в том, чтобы при последовательных подготовленных атаках исполнить прорыв, нанести противнику потери и разбить основательно часть его войск»[1].

Другими словами, Ставка при планировании операции ограничивалась узкими целями «нанести противнику потери», без учета способов, с помощью которых возможно завершить первоначальный успех в стратегически законченную операцию.

На совещании в Ставке выявилось резко отрицательное отношение главнокомандующего Северным фронтом ген. Куропаткина

[1] ЦВИА, фонд 2003, дело 1104, лл. 336—339.

к каким-либо наступательным действиям. «Прорвать фронт немцев совершенно невероятно, — говорил он, — ибо их укрепленные полосы настолько развиты и сильно укреплены, что трудно предположить удачу» [1].

В свою очередь, и главнокомандующий Западным фронтом ген. Эверт полностью присоединился к мнению Куропаткина и считал лучшим способом действий Западного фронта вести оборону.

Затем слово получил главнокомандующий Юго-западным фронтом ген. Брусилов, который заявил, что Юго-западный фронт не только готов к наступлению, но имеет много шансов на оперативный успех. Он требовал широких наступательных действий для Юго-западного фронта.

«...я твердо убежден, — писал ген. Брусилов, — что мы можем наступать. Не берусь говорить о других фронтах, ибо их не знаю, но Юго-западный фронт, по моему убеждению, не только может, но и должен наступать, и полагаю, что у нас есть шансы для успеха, в котором я лично убежден. На этом совещании я не вижу причин стоять мне на месте и смотреть, как мои товарищи будут драться. Я считаю, что недостаток, которым мы страдали до сих пор, заключается в том, что мы не наваливаемся на врага сразу всеми фронтами, дабы прекратить возможность пользоваться выгодами действий по внутренним операционным линиям, и поэтому, будучи значительно слабее нас количеством войск, он, пользуясь своей развитой сетью железных дорог, перебрасывает свои войска в то или иное место по желанию. В результате всегда оказывается, что на участке, который атакуется, он в назначенное время всегда сильнее нас и в техническом и в количественном отношениях. Поэтому я настоятельно прошу разрешения и моим фронтом наступательно действовать одновременно с моими соседями; если бы, паче чаяния, я даже и не имел успеха, то по меньшей мере не только задержал бы войска противника, но и привлек бы часть его резервов на себя и этим могущественным образом облегчил бы задачу Эверта и Куропаткина» [2].

Выступление ген. Брусилова вызвало у противников наступления некоторое недоумение и одновременно вскрыло весь карьеризм и подхалимство отдельных лиц русского генералитета.

По этому поводу ген. Брусилов, описывая совещание в Ставке, отмечает, что к нему во время обеденного перерыва подошел ген. Куропаткин и сделал следующее замечание:

«Вы только что назначены главнокомандующим, и вам притом выпадает счастье в наступление не переходить, а следовательно, и не рисковать вашей боевой репутацией, которая теперь стоит высоко. Что вам за охота подвергаться крупным неприятностям, может быть, смены с должности и потери того военного ореола, который вам удалось заслужить до настоящего времени? Я бы на вашем месте всеми силами открещивался бы от каких бы то ни было наступательных операций, которые при настоящем положе-

---

[1] Брусилов, Мои воспоминания, стр. 166.
[2] Там же, стр. 166—167.

нии дела могут вам лишь сломать шею, а личной пользы вам не принесут»[1].

11 (24) апреля 1916 г. последовала директива Ставки о подготовке операции (см. приложение 1), которая ставила следующие задачи:

1. *«Общая цель предстоящих действий наших армий — переход в наступление и атака германо-австрийских войск».*

2. Главный удар наносят армии Западного фронта, атакуя противника из Молодечненского района и развивая удар в направлении Ошмяны, Вильно.

3. Северный фронт, надежно обеспечивая Ригу и Рижский район, наносит удар или из района Иллукст, оз. Дрисвяты в направлении на Ново-Александровск, или из района южнее оз. Дрисвяты, в общем направлении на Видзы, Уцяны.

4. *Юго-западный фронт,* тревожа противника на всем протяжении своего расположения, главную атаку производит войсками 8-й армии в общем направлении на Луцк.

5. Для большей связности в действиях при обороне Двинска 1-я армия передавалась в Северный фронт.

6. 4-й кавалерийский корпус с приданной ему 77-й пехотной дивизией с 24 час. 18 апреля (1 мая) передавался из 3-й армии в состав Юго-западного фронта.

7. Срок наступления не назначался, а зависел как от действий на французском фронте, так и от накопления материальных и главным образом артиллерийских запасов[2].

Приведенная директива Ставки интересна с точки зрения характеристики оперативного творчества русского верховного командования.

Ставка, намечая крупную операцию, казалось бы, должна была с достаточной ясностью отобразить в своей директиве ту оперативно-стратегическую идею, которую командование намечало провести, планируя операцию.

Но этого мы не видим. Конкретных задач, отображающих идею операции главного командования, фронты не получили, и изолированные один от другого фронтовые удары исключали какое-либо взаимодействие их между собой. Операция была назначена и подготавливалась с одной целью — перейти в наступление и атаковать германо-австрийские войска.

---

[1] Брусилов, Мои воспоминания, стр. 107.
[2] ЦВИА, фонд 2003, дело 1104, лл. 470—471.

Глава третья

Выработка плана операции на Юго-западном фронте

1. Группировка сторон на Юго-западном фронте к апрелю 1916 г.

(Схема 3)

К апрелю 1916 г. Юго-западный фронт своими армиями прикрывал Киев и пути к Черному морю, имея главное операционное направление на Львов.

Правофланговая *8-я армия* занимала фронт от железной дороги Сарны, Ковель до Поповцы; на правом фланге армии располагалась группа ген. Зайончковского (30-й армейский и 5-й кавалерийский корпуса) от железной дороги Сарны, Ковель до Богуславки.

На луцком направлении от Богуславки через Хромяково, Млынов, Дубно, Детиничи располагались 39, 40 и 32-й армейские корпуса; в районе Ровно находились 8-й армейский корпус (14-я и 15-я пехотные дивизии), 4-я Финляндская дивизия, 7-я и 12-я кавалерийские дивизиии; в Городец находилась 100-я пехотная дивизия.

На бродском направлении располагался 17-й армейский корпус, имея свои позиции по восточному берегу р. Иква от Детиничи до Поповцы.

В ночь с 18 на 19 апреля (1—2 мая) в состав 8-й армии вошел 4-й кавалерийский корпус (16-я кавалерийская, 2-я казачья сводная и 77-я пехотная дивизии), который занял фронт Островск, ст. Чарторийск, имея против себя 270-й резервный полк, 9, 1 и 11-ю кавалерийские дивизии австрийцев и польский легион из двух бригад.

Против группы ген. Зайончковского австрийцы имели 127-ю ландштурменную бригаду 53-й пехотной дивизии, 26-ю ландверную дивизию, 10-ю кавалерийскую дивизию, 4-ю и 13-ю пехотные и часть 41-й гонведной дивизии.

Против 39-го армейского корпуса располагались часть 41-й и 37-й гонведных и часть 2-й пехотной дивизии.

Против 40-го армейского корпуса располагались часть 2-й пехотной дивизии, 70-я гонведная бригада 11-й пехотной дивизии.

32-й армейский корпус имел против себя части 7-й пехотной дивизии, 36-ю ландштурменную бригаду, 46-ю ландверную дивизию и несколько батальонов 25-й пехотной дивизии.

Против 17-го армейского корпуса австрийцы имели 25-ю пехотную дивизию, 7-ю кавалерийскую дивизию, 11-ю пехотную дивизию, 1-ю ландштурменную бригаду и отдельные батальоны разных частей.

В резерве на укрепленной луцкой позиции располагалась 13-я пехотная дивизия и бригада 11-й пехотной дивизии севернее Броды.

11-я армия стояла на львовском направлении, занимая фронт от Дубно до Тарнополя.

На правом фланге армии располагался 7-й армейский корпус, занимая позиции по восточному берегу р. Иква от Поповцы до Янковце, имея против себя 29, 27, 31, 33 и 14-ю пехотные дивизии. В резерве южнее Броды находилась 4-я кавалерийская дивизия.

На тарнопольском направлении располагались 6-й и 18-й армейские корпуса, имея свои позиции на линии Янковце, Бенява.

Против них австрийцы имели 19-ю и 32-ю пехотные и 48-ю резервную германскую дивизии.

В резерве 11-й армии была 2-я Финляндская дивизия в районе Волочиск.

7-я армия занимала фронт в 63 *км* от Бенява до Латач, перехватывая пути на Гусятин, Каменец-Подольск.

В первой линии располагались: 22-й армейский корпус по р. Стрыпа до Гайворонка, 16-й армейский корпус в 3—6 *км* восточнее р. Стрыпа до Бучач и на левом фланге армии 2-й армейский корпус. В армейском резерве находилась 3-я Туркестанская дивизия в районе Хоростков, а еще дальше в тылу, восточнее Гусятина, расположился 2-й кавалерийский корпус.

Против 7-й русской армии австро-германцы имели 5 пехотных, 2 гонведные и 1 кавалерийскую дивизии.

Эти части располагались: 55-я и 54-я пехотные дивизии против 22-го армейского корпуса; 39-я и 38-я гонведные и 12-я пехотная дивизии против 16-го армейского корпуса; 36-я и 15-я пехотные и 2-я кавалерийская дивизии против 2-го армейского корпуса.

9-я армия обеспечивала левый фланг фронта и прикрывала пути, выходящие с Карпат.

На правом фланге армии, по левому берегу р. Днестра от Латач до Усечко и далее до Выгоды располагался 33-й армейский корпус, имея против себя группу Гадфи в составе 6-й кавалерийской, 21-й ландверной и 51-й пехотной дивизий. Левее до Онут располагался 41-й армейский корпус, имея против себя австрийские части 51-й пехотной, 3-й и 8-й кавалерийских дивизий.

Южнее р. Днестр фронт шел прямо на юг до р. Прут и заканчивался у Боян. Этот фронт прикрывался частями 11-го армейского и 3-го кавалерийского корпусов.

В резерве в районе Доляжок находился 12-й армейский корпус. На левом фланге у Боян стоял 3-й кавалерийский корпус, имея передовые части в соприкосновении с австрийцами.

Против этих русских частей австрийцы располагали до 6 пехотных и 1 кавалерийской дивизией группы Бенигни и 11-го корпуса.

2. Район действий армий Юго-западного фронта [1]

(Схема 4)

Район, в котором развивались боевые действия войск Юго-западного фронта с 22 мая по август 1916 г. может быть ограничен условными линиями: с севера р. Припять; с запада линией Ковель, Львов, хребет лесистых Карпат; с юга линией Кимполунг, р. Прут и с востока линией Лунинец, Сарны, Корец, Проскуров, Каменец-Подольск.

Весь этот район по характеру местности можно разделить на три участка, имеющих свои особенности для действий войск.

Северный участок охватывал район действий 8-й армии и располагался к северу от линии Корец, Ровно, Луцк, Владимир-Волынск, являясь частью Полесья с его обширными лесисто-болотистыми районами и ограниченным количеством путей сообщения.

Район севернее железнодорожной линии Сарны, Ковель по устройству поверхности представляет собой низменность, сплошь лесистую и болотистую, прорезанную полноводными реками Горынь, Стырь и Стоход.

Эти реки в своем нижнем течении изобилуют топкими, во многих местах совершенно непроходимыми болотами. Отсутствие достаточного количества сквозных путей исключало возможность широких действий для крупных соединений, в том числе и конных масс. Сплошные лесные, без признаков какого-либо культурного лесного хозяйства, и болотистые пространства, в большинстве труднодоступные, вне дорог, затрудняли поддержание связи и исключали какое-либо взаимодействие войск.

Множество рек, имевших достаточное количество переправ, все же были трудно доступны. Подступами к ним большей частью могли служить только узкие лесистые дефиле, значительно затруднявшие развертывание и маневрирование войск.

«Характер местности здесь таков, что рассчитывать на плодотворную работу конных масс нельзя, хотя бы даже против небольших отрядов пехоты противника» [2].

Только с выходом за р. Стоход, где местность являлась более равнинной, наступающая сторона получала оперативный простор для маневрирования.

Леса здесь хотя и были так же обширны, но вследствие более возвышенного характера местности являлись более сухими и доступными для действий войск.

---

[1] ЦВИА, фонд 2003, дело 1247, лл. 28—31 и Краткий военно-географический очерк театра вероятных военных действий, изд. Киевского В. О., 1912 г.

[2] Из доклада генерал-квартирмейстера штаба 8-й армии, ЦВИА, фонд 2003, дело 1247, лл. 28—31.

Район южнее железной дороги Сарны, Ковель имеет более возвышенный и открытый характер, чем участок, расположенный севернее указанной линии.

Леса в этом районе уже не сплошные, а встречаются в виде отдельных значительных групп, в которых заметно ведение культурного лесного хозяйства. Реки Иква и Стырь имеют болотистые долины и особенно в сырую погоду затрудняют переправу войск.

В общем этот участок давал полную возможность свободно маневрировать довольно значительными массами войск.

Средний участок охватывал часть района действий 8-й армии и весь район действий 11-й и 7-й армий. По устройству поверхности этот участок представляет большое разнообразие и, в свою очередь, может быть разделен на три характерные полосы.

Полоса между Полесьем и линией Сокаль, р. Липа, Дубно, Острог представляла собою холмистую и почти открытую местность, которая исключала какие-либо затруднения для действий всех родов войск.

Эта полоса являлась основным оперативным направлением для 8-й армии и приобрела важное и серьезное значение при развитии операции на фронте Владимир-Волынск, Сокаль.

Реки Стырь и Стоход вследствие своих болотистых долин и запруд препятствовали наступлению 8-й армии. Эти реки, усиленные инженерными постройками, повышали обороноспособность австрийских позиций.

Полоса, заключенная между линиями Сокаль, Острог и Буск, Броды, Кременец, включала в себя обширные лесисто-болотистые пространства, принадлежащие к бассейнам рек Западный Буг, Иква и Стырь.

Вся эта местность, изрезанная многочисленными реками с низкими болотистыми берегами, затрудняла, но не исключала маневрирования войск. Только Дубненская возвышенность и так называемые «Дубненские сады», изрезанные ручьями с болотистыми долинами и покрытые лесами, затрудняли действия войск в этом районе.

И, наконец, полоса южнее линии Кременец, Броды, Буск до р. Днестр включала так называемую Львов-Злочевскую гряду, представляющую собою холмистую равнину, пригодную для действий всех родов войск.

Южные склоны Львов-Злочевской гряды образуют Днестровскую покатость с реками Серет, Стрыпа, Золотая Липа и др., текущими с севера на юг и являющимися хорошими естественными позициями фронтом на восток. Это создавало благоприятные условия для австрийцев по прикрытию важного операционного направления на Львов.

Река Золотая Липа делит Днестровскую покатость на два различных по характеру местности района.

Район к востоку от р. Золотая Липа имеет открытый и более равнинный характер. Наоборот, к западу от этой реки местность более холмистая, покрыта лесом и способствует обороне подступов к г. Львову.

В *Южный участок,* где должны были разыгрываться боевые действия 9-й армии, входили Буковина и южная Галиция, раскинутые на восточных отрогах лесистых Карпат. Это давало возможность австрийцам иметь прекрасные оборонительные позиции, которые всегда командовали над русскими окопами.

Хребет лесистых Карпат, достигающий в среднем высоты 1 340 *м,* суров и покрыт лесом, что крайне стесняло наступательные действия русских войск. Район богат реками, которые при дождливой погоде увеличивались по глубине, ширине и в скорости течения.

Июнь 1916 г. изобиловал дождями, что неблагоприятно отразилось на скорости продвижения 9-й армии.

Наиболее крупная из рек этого района — Днестр имела среднюю ширину 100—120 *м,* глубину 2—3 *м* и крутые высокие берега. Важное значение для армии также имела р. Прут, которую приходилось форсировать в условиях командования австрийского берега над русским.

Почва района известково-глинистая, вследствие чего после дождя на всех дорогах возникала непролазная грязь.

3. Инженерная подготовка района действий

а) Позиции австро-германцев

(Схема 5)

Инженерная подготовка укрепленных позиций австро-германцев стояла значительно выше, чем в русской армии.

Длительный период относительного затишья зимой и весной 1915—1916 гг. дал противнику возможность использовать лучшие инженерные силы, богатые технические средства и создать довольно сильную укрепленную позицию.

Общий характер укрепленного фронта австрийцев состоял из двух, а местами из четырех укрепленных полос, удаленных друг от друга на 5—6 *км.*

Каждая полоса имела глубину до 1 *км* и состояла из 2—3 линий окопов и узлов сопротивления, сильно развитых в глубину и находившихся в артиллерийской связи между собой.

В промежутках между узлами сопротивления шло несколько рядов сплошных окопов, подступы к которым также обстреливались фланговым артиллерийским и пулеметным огнем из изломов и специальных капониров. Окопы первой линии были глубиной до 5—6 аршин, со стрелковой ступенью.

Окопы и ходы сообщения были одеты досками и представляли собой крытые коридоры с бойницами и деревянной стрелковой ступенью.

Через 80—100 шагов располагались железобетонные башенки для пулеметов, артиллерийских наблюдателей и орудий мелкого калибра (57 *мм*). Последние служили для отражения штурма пехоты, фланкирования искусственных препятствий и поражения русских пулеметов. Окопам придавалось извилистое начертание

с целью обстрела перекрестным огнем подступов к соседним участкам. Местами под бруствером окопов были устроены убежища по типу лисьих нор (каждое на взвод) и погреба с покрытием из железобетонных балок для хранения ручных гранат и патронов.

Непосредственно за первой линией имелась линия убежищ и жилых блиндажей с перекрытием против тяжелой артиллерии (6—8-дм. бомб). В бытовом отношении землянки-блиндажи были оборудованы отлично. Каждая землянка вмещала в себя до одного взвода и была оборудована нарами, окнами, печами, самодельными стульями и цыновками на полах и стенах. В офицерских землянках имелись железные кровати, мебель и кафельные печи.

Первая линия окопов прикрывалась 2—3 полосами проволочных заграждений по 4—15 рядов кольев в каждой и рогатками, связанными между собой. В некоторых местах на проволочные заграждения накидывались мелкие сетки для предохранения их от разрушения ручными гранатами. Проволочные заграждения частично электрифицировались.

Иногда перед бруствером устраивался волчий ров с проволочной сетью на заостренных кольях.

Впереди препятствий были заложены самовзрываемые чековые фугасы.

Вторая линия окопов находилась в 300—400 шагах позади первой линии и соединялась с ней ходами сообщения.

Оборудование окопов было значительно слабее первой линии, но все же впереди имелись препятствия, усиливавшие эту позицию.

Задача второй линии состояла в том, чтобы задержать распространение противника в случае прорыва первой линии.

Третья, а затем и четвертая линии располагались в 600—800 шагах от второй линии, и, как правило, устраивались они лишь на особо важных участках, имея не всюду искусственные препятствия.

В расстоянии от 1 до 2 *км* от первой линии располагались прочные убежища для начальствующих лиц и штабов с блиндированными наблюдательными пунктами.

В некоторых местах устраивались комфортабельные городки-штабы, с офицерским собранием и прочими удобствами.

В санитарно-техническом отношении (колодцы, дренажи, отхожие места, электрическое освещение) австрийские позиции были оборудованы значительно лучше русских. Маскировка позиций была не на должной высоте, за исключением помещений штабов, наблюдательных пунктов и расположения батарей, которые благодаря тщательной маскировке не могли быть обнаружены воздушной разведкой.

Артиллерия располагалась, как правило, на закрытых позициях, имея для орудий мелкие укрытия, а для прислуги и боевых припасов бетонные убежища.

Тыловая оборонительная полоса находилась в расстоянии 5—10 *км* от основной, но это была только вчерне подготовленная позиция. Обычно она представляла собой не сплошную линию окопов с одним или несколькими рядами проволоки. Более глубоко расположенные тыловые позиции были, как правило, только обозна-

чены на картах штабов. Тыл достаточно хорошо оборудовался путями сообщения и средствами связи. Проводились новые дороги, шоссировалась часть старых дорог. Особенно хорошо были оборудованы так называемые позиционные дороги, находящиеся под обстрелом, которые маскировались насаждениями и маско-ширмами. На путях питания войск были проложены узкоколейные железные дороги для доставки с тыла на фронт боевых припасов, продуктов питания и лесных материалов.

Станции телеграфной и телефонной связи, как правило, оборудовались в блиндированных помещениях.

Более подробное описание укрепленных позиций австрийцев перед участками отдельных армий Юго-западного фронта было следующее:

8-я армия (схема 6). Перед фронтом 4-го кавалерийского корпуса австрийцы стремились полностью использовать благоприятные условия местности для обороны, создав укрепленную полосу в три линии окопов с тремя полосами проволочных заграждений (по четыре ряда кольев) и усиленных фугасами (по 2 *кг* каждый). В районе Маневичи, ст. Чарторийск было устроено несколько бетонированных капониров для пулеметов и противоштурмовых орудий.

На фронте группы ген. Зайончковского (40, 8 и 32-го армейских корпусов) австрийцы имели особо сильные укрепленные позиции и постоянно их совершенствовали. Здесь противник имел вторую укрепленную полосу на линии Колки, Софиевка и на линии Котов, Малеванка.

Третья полоса проходила по линии Антоновка, Тростенец.

Кроме того, в разведывательном отделении штаба 8-й армии имелись сведения об австрийских укрепленных позициях: 1) на фронте Стобыхна, ст. Повурск, Песочно; 2) непосредственно к востоку от Ковеля протяжением 20 верст, — эта позиция перехватывала линии железных дорог Сарны, Ковель и Ровно, Ковель; 3) к востоку от Луцка, примерно на фронте Киверцы, Выгоданка, и несколько меньшая к западу от Луцка.

Луцкая позиция состояла из внешней и внутренней укрепленных полос, причем внешняя позиция имела две линии окопов с блиндажами и наблюдательными пунктами против тяжелой артиллерии.

Что же касается внутренней полосы, то в ее состав входило так называемое предмостное укрепление, которое прикрывало шесть мостов на р. Стырь. Основным недостатком внутренней полосы являлось ее невыгодное положение в долине р. Стырь, и поэтому русские позиции командовали над этим предмостным укреплением. Австрийцы эти недостатки учитывали и включали высоты у Крупы в наружный пояс.

Сама р. Стырь представляла собой большое препятствие для наступления русских войск, имея ширину 30—40 *м* и большую глубину.

На остальном фронте армии австрийцами был укреплен правый берег р. Стырь от устья р. Иква до Волковые, и далее линии окопов проходили по левому берегу р. Стырь. Более глубокие позиции находились по рр. Луга и Западный Буг в районе Сокаль,

Владимир-Волынск. Все разрушенные железнодорожные мосты австрийцами были восстановлены. Имелись сведения, что дороги перешиты на заграничную колею; там же, где проходят две колеи, одна из них не перешивалась.

Кроме того, австрийцами были проложены полевые железные дороги: 1) от Колки на Ковель; 2) от Луцка до Владимир-Волынска; 3) от Луцка на Стоянов и 4) от Дубно на Радзихов через Торговица.

11-я армия (схема 7) перед своим фронтом имела различного характера укрепления австрийцев.

На участке Подлужье, Бережцы, 8 *км* южнее Верба, это была сравнительно слабо укрепленная полоса из двух линий окопов с тремя полосами по 3—4 ряда проволочных заграждений.

Южнее до Поповцы проходила укрепленная полоса глубиной 2—4 *км* с четырьмя линиями окопов и проволочными заграждениями от 5 до 15 рядов кольев.

Наиболее сильные укрепления австрийцев находились перед фронтом 6-го армейского корпуса, где широко применялись бетон и бронированные купола.

Позиция австрийцев на участке Янковце, Глядки отделялась от расположения русских укреплений болотистой долиной р. Серет шириной до 2 *км* и командовала над русскими позициями. На этом участке укрепленная полоса состояла из 2—3 линий окопов с 2—3 полосами проволочных заграждений по 4—6 рядов кольев.

К западу от Воробьевки в расстоянии ½ *км* от первой полосы была устроена вторая укрепленная полоса, состоявшая из ряда редутов, обнесенных проволокой.

К югу от Злочевского шоссе до Бенява австрийская позиция состояла из двух линий окопов с проволочными заграждениями из трех полос по 4—6 рядов кольев. В тылу этой полосы по восточному берегу р. Возушка была устроена вторая позиция, состоявшая из ряда сомкнутых и полусомкнутых опорных пунктов.

Тыловая австрийская позиция строилась по западному берегу р. Золотая Липа, составлявшей единую цепь укреплений от Сокаля до Брзежаны.

В общем позиции австрийцев отличались большим разнообразием и обладали солидной силой сопротивления.

7-я армия (схема 8) имела перед своим фронтом три укрепленные полосы австрийцев. Первая полоса состояла из 2—3 линий окопов и проходила по восточному берегу рр. Стрыпа и Ольховец. Первая полоса прикрывалась 2—3 полосами проволочных заграждений в 6—8 рядов каждая и усиливалась фугасами.

Наиболее сильные участки позиций австрийцев находились в районе Доброполе, Трибуховце, Язловец.

Вторая оборонительная полоса проходила за р. Стрыпа и состояла из 2—3 линий окопов с незаконченными проволочными заграждениями. Третья оборонительная полоса была за р. Барышка и состояла из одной линии окопов без проволочных заграждений.

Тыловая оборонительная полоса строилась австрийцами по западному берегу р. Коропец.

Австро-венгерская позиция *на фронте 9-й армии* по характеру своих укреплений нисколько не отличалась от общей схемы и состояла из нескольких укрепленных полос, причем первая полоса глубиной до 500 *м* имела три непрерывные линии окопов (схема 9).

Наиболее важные опорные пункты были в районе Залещика и на высотах южнее р. Днестр.

Первая линия прикрывалась заграждениями из рогаток или, как у Раранче, в виде нагромождений из железных кроватей (вывезенных из Черновиц), оплетенных проволокой.

Центр тяжести обороны, как правило, лежал в удержании первой линии окопов.

Позади основной позиции в 4—6 *км* шла вторая полоса по линии Синьков, Окна, Юркутц, Кучурмик и далее к югу, с довольно сильными опорными пунктами у Окна и Кучурмик.

Тыловая оборонительная полоса проходила по западному бебегу р. Прут, имея в районе Коломыя сильный тет-де-пон. Кроме того, более глубокая позиция имелась по р. Серет и в районе Кутты.

Начальник инженеров Юго-западного фронта ген. Величко в своем докладе об австрийских позициях оценивал их следующим образом:

«*Положительные стороны*: 1. Правильность идей, положенных в основание укрепления позиций, а именно: сильные узлы сопротивления как основания позиции, отсеки, извилистость линии огня, сильные препятствия, продольная оборона подступов к позиции и препятствий пулеметным и артиллерийским огнем.

2. Боевые позиции первой полосы, занимавшиеся войсками, много сильнее тыловых, видимо благодаря непрестанной работе и самих войск.

3. Большая глубина окопов, вследствие чего они сами по себе давали хорошее закрытие.

4. Очень сильные препятствия перед первой линией.

5. Хорошо устроенные и сильные убежища и закрытия для пулеметов и наблюдателей.

6. Большая заботливость о надлежащей постановке санитарной части и улучшении быта войск.

7. Большая заботливость о путях сообщения, обилие полевых железных дорог и хорошо оборудованная служба связи.

Недостатки: 1. Пассивный характер схемы укреплений; в частности не наблюдается даже простейших приспособлений для вскакивания на брустверы и не подготовлены проходы в препятствиях.

2. Шаблонное расположение пулеметов в исходящих и входящих углах, что вело к быстрому их уничтожению артиллерийским огнем при атаке.

3. Перенос всей обороны в первую линию. Это вело к тому, что при артиллерийской подготовке атаки войска несли большие потери, а выбитые из первой линии войска уже не могли задержаться на следующих.

4. Тыловые полосы вообще укреплены были слабо и довольно небрежно»[1].

Таким образом, австро-венгерские позиции являлись очень сильными, и для того чтобы «прогрызть» всю оборонительную зону, нужно было иметь достаточно сил и средств.

В этих условиях особо сложная задача выпадала на артиллерию, которая, как будет видно дальше, со своей задачей вполне справилась.

б) Русские позиции
(Схема 10)

К началу кампании 1916 г. русские позиции значительно уступали как по силе, так и по бытовым условиям австрийским укреплениям. Но все же русская армия располагала на своем фронте рядом укрепленных позиций, способных оказать упорное сопротивление при наступлении противника.

Позиции русских, как правило, состояли из 3—4 линий окопов, усиленных проволокой в две и даже три полосы по 4—6 рядов каждая. В местах, богатых лесом, наряду с проволочными заграждениями были устроены и засеки. Линии окопов располагались в 200—400 шагов одна от другой и соединялись широкой сетью ходов сообщения, приспособленных к стрельбе в качестве отсеков, правда, не во всех армиях.

Наиболее полно была оборудована первая линия окопов. Вторая и третья линии требовали еще много работы для усовершенствования. Окопы были оборудованы козырьками, обеспечивающими стрелков от шрапнельных пуль, пулеметными гнездами и легкими блиндажами-землянками, но тяжелых блиндажей имелось чрезвычайно мало. Степень готовности русских позиций колебалась от 25 до 65%.

Хуже всех была подготовлена позиция 9-й армии, на фронте которой окопы представляли собой обыкновенные канавы с нагромождениями земли с обеих сторон вместо брустверов.

Как правило, окопы были без одежды, в большинстве без бойниц и без козырьков. Если местами и имелись бойницы, то они одеты были жестянками или кирпичами. Блиндажей не было. Вместо блиндажей имелись малые землянки, оставшиеся от зимы, с отверстиями, закрытыми полотнищами и обращенными в сторону огня противника.

Искусственные препятствия были развиты чрезвычайно слабо, и войска считали австрийские заграждения как бы своими[2].

В общем русская укрепленная полоса весной 1916 г. производила неблагоприятное впечатление. Таяние снега разрушало окопы, козырьки и проволочные заграждения. Глинистая почва долго не просыхала, и окопы утопали в грязи.

Такое положение вызвало целую серию категорических директив ген. Брусилова, требующих быстрого доведения укреплений позиций

---

[1] Брошюра штаба Юго-западного фронта, стр. 1—20, ЦВИА, фонд 2080, дело 128.

[2] ЦВИА, фонд 2067, дело 2030, лл. 143—144, 147—148, 152—155.

до нормальной боеспособности. На совещании в Волочиске 5 (18) апреля 1916 г. ген. Брусилов еще раз потребовал быстрейшего исправления окопов, к чему войска и приступили.

4. Указания главнокомандующего Юго-западным фронтом ген. Брусилова о подготовке наступления

По возвращении из Ставки ген. Брусилов собрал 5 (18) апреля 1916 г. командующих армиями с их начальниками штабов в г. Волочиске для выработки плана предстоящей операции.

Свой оперативный план ген. Брусилов строил на опыте Горлицкой операции в 1915 г., последних операций во Франции и мартовской операции на Северном и Западном фронтах в 1916 г.

В основу операции ген. Брусилов вложил идею «тарана», примененную немцами под Горлицей в 1915 г., с огромными артиллерийскими группами различных калибров и сильными пехотными частями, которые сосредоточивались на избранном боевом участке для прорыва фронта противника. «Подготовка такой атаки, — пишет ген. Брусилов, — должна была начаться сильнейшим артиллерийским огнем, который должен был смести проволочные заграждения и уничтожить неприятельские укрепления с их защитниками. И затем атака пехоты, поддержанная артиллерийским огнем, должна неизменно увенчаться прорывом фронта и в дальнейшем уширением прорванного фронта»[1].

При этом он считал, что подготовка такого прорыва в условиях 1916 г. при наличии достаточных средств разведки секретной быть не может.

Следовательно, одновременно с подготовкой прорыва со стороны русских армий противник может принять соответствующие меры для парирования удара, и поэтому ген. Брусилов предлагал подготовить в каждой армии и корпусах по одному ударному участку и этим лишить противника возможности установить истинное направление главного удара.

Для нанесения главного удара предназначалась усиленная 8-я армия, как ближайшая к Западному фронту и, следовательно, имеющая возможность быстрее других армий содействовать операции Западного фронта. «Кроме того, — пишет Брусилов, — движением 46-го армейского корпуса вдоль полотна железной дороги на Маневичи, Ковель, а ударной группой от Луцка на Ковель же... противник легко будет захвачен в клещи, и тогда все войска противника, расположенные у Пинска и севернее, должны будут без боя очистить эти места»[2].

Остальные армии фронта должны были «атаковать находящегося перед ними противника, нанося удары в районы, избранные коман-

---

1 Брусилов, Мои воспоминания, стр. 169.
2 Там же, стр. 171.

дующими армиями. Вести эти удары накоротке, стремясь прежде всего нанести поражение живой силе противника»[1].

6 (19) апреля 1916 г. последовала директива ген. Брусилова (№ 1039 — см. приложение 2) с подробными указаниями по подготовке и производству самой атаки. На другой день была отдана предварительная директива (№ 1048), которая подкрепляла указания, данные им на совещании в Волочиске, и намечала ряд перегруппировок для будущей операции.

По этой директиве ближайшей целью наступления ставилось разбить живую силу противника и овладеть его позициями.

8-я армия, как наносящая главный удар, усиливалась 46-м армейским корпусом, 12-й кавалерийской дивизией и 24 орудиями тяжелой артиллерии.

17-й корпус в ночь с 9 на 10 (22—23) апреля передавался из 8-й в 11-ю армию, в соответствии с чем устанавливалась новая разгранлиния между армиями, проходящая через Радзихов, Теслугов, Детиничи, Чернявка, р. Горынь, — все для 8-й армии.

Подготовка предстоящей операции должна была быть полностью закончена к 28 апреля (11 мая). При этом рекомендовалось заблаговременно не сосредоточивать войск к пунктам атаки, чтобы не обнаружить своих планов, оставляя для окончательного сосредоточения недельный срок.

5. Оперативный план 8-й армии

(Схема 11)

15 (28) апреля командующий 8-й армией представил разработанный им оперативный план на утверждение ген. Брусилова.

По этому плану армия ставила себе задачу, нанося главный удар на Луцк, овладеть линией р. Стырь, с ближайшей целью занять позиции противника на участке Ставок, Дерно, Корыто. Для выполнения этого войска получали следующие задачи:

1. *4-й кавалерийский корпус* (2-я сводная казачья дивизия, 16-я кавалерийская и 77-я пехотная дивизии) — охранять правый фланг армии на фронте Островск, Чарторийск.

2. *Группа ген. Зайончковского* в составе 5-го кавалерийского корпуса (Оренбургская казачья и 11-я кавалерийская дивизии) и 30-й армейский корпус (71-я и 80-я пехотные дивизии) должны были обеспечивать правый фланг корпусов, атакующих на фронте Дидичи, Корыто и воспрепятствовать переброске войск по дороге из Колки на Цумань.

3. *39-й армейский корпус* (102-я и 125-я пехотные дивизии и приданные артиллерийские части) — «прочно удерживая позиции на участке Богуславка, Луцкое шоссе, овладеть позициями австрийцев на участке Ставок, Дерно».

---

[1] Мировая война в 1914—1918 гг., Луцкий прорыв. Труды и материалы к операции Юго-западного фронта 1916 г., изд. ВСРС 1924 г., стр. 236—239.

4. *40-й армейский корпус* (2-я и 4-я стрелковые дивизии, полк 4-й Финляндской дивизии и приданные артиллерийские части) — «овладеть позициями австрийцев на участке Дерно, Заболотцы».

5. *8-й армейский корпус* (14-я и 15-я пехотные, 4-я Финляндская стрелковая дивизии и приданные артиллерийские части) — овладеть позициями австрийцев на участке Заболотцы, высота 1 *км* севернее Корыто.

6. *32-й армейский корпус* (101-я и 105-я пехотные дивизии с приданными артиллерийскими частями) — «прочно обеспечивая дубноровненское направление на участке Корыто, Детиничи, овладеть позициями австрийцев на участке высота 1 *км* севернее Корыто» [1].

7. *Армейский резерв* состоял из 100-й пехотной дивизии, располагавшейся за правым флангом армии в районе Городец, Степань, 7-й кавалерийской дивизии в районе Постойно, Деражно и 12-й кавалерийской дивизии, располагавшейся за левым флангом армии в районе Корчин.

Таким образом, главный удар 8-й армии намечался на фронте Дубище, Корыто частями 39, 40, 8-го и одной дивизией 32-го армейских корпусов. При этом фланги армии должны были оставаться на месте, видимо, не рассчитывая на широкие действия.

Представленный план 8-й армии вызвал со стороны Ставки и ген. Брусилова возражение относительно пассивности 30-го армейского и особенно 4-го кавалерийского корпусов. Ген. Брусилов потребовал от них активных действий на Ковель.

Для этого 4-й кавалерийский корпус усиливался 3-й Кавказской казачьей и 7-й кавалерийской дивизиями. Корпус получил задачу «прорваться в общем направлении на Ковель с целью разгромить тыл противника, уничтожая его запасы, склады, железные дороги, внося беспорядок в его тыл и тем способствуя продвижению 8-й армии и большему разгрому живой силы противника» [2].

В остальном план 8-й армии был утвержден ген. Брусиловым, и войска приступили к подготовке наступления.

Резюмируя план наступательной операции 8-й армии, необходимо отметить ту узкую цель, которую поставил себе командующий армией. Эта цель не соответствовала роли, выпавшей на долю этой армии. Все планирование операции ограничивалось только захватом неприятельских позиций, без перспективы дальнейшего развития наступления.

Конницу, которой в армии было достаточное количество, командующий армией не сумел использовать как оперативный резерв армии, а назначил ее для прорыва укрепленной полосы австрийцев в болотисто-лесистой местности.

Соотношение сил на участке главного удара давало значительное превосходство (2,5 : 1) для русских войск, и это обеспечивало безусловный успех при прорыве тактической обороны австрийцев.

---

[1] Приказ 8-й армии № 112 от 16 (29) мая 1916 г., ЦВИА, фонд 2003, дело 2302, лл. 99—100.

[2] ЦВИА, фонд 2003, дело 513, л. 182.

Общее соотношение сил по плану 8-й армии на прорыв

Корпуса	Пехотные дивизии		Кавалерийские дивизии		Батальоны		Эскадроны и сотни		Штыки (числитель), сабли (знаменатель)		Орудия легкие		Орудия тяжелые	
	русские	австрийцы	русские	австрийцы	русские	австрийцы	русские	австрийцы	русские	австрийцы	русские	австрийцы	русские	австрийцы
4-й кавалерийский корпус	1	$2\frac{1}{2}$	2	3	18	40	66	68	14 400 / 6 526	27 500 / 9 700	81	Нет данных	—	Нет данных
Группа Зайончковского	2	$1\frac{1}{2}$	2	—	34	20	48	—	30 247 / 6 530	15 000	118		—	
39-й армейский корпус	2	2	—	—	32	25	2	—	28 981 / 497	17 700	80		20	
40-й армейский корпус	$2\frac{1}{4}$	1	—	—	36	13	2	—	32 472 / 487	10 000	91		32	
8-й армейский корпус	$2\frac{3}{4}$	1	—	—	44	13	4	—	39 773 / 961	12 000	110		24	
32-й армейский корпус	2	$2\frac{1}{2}$	—	—	32	40	2	—	28 800 / 416	32 500	102		—	
Резерв армии	2	3	2	—	24	32	24	—	27 452 / 4 052	25 700	24		—	
Всего в армии	14	$13\frac{1}{2}$	6	3	220	183	148	68	202 125 / 19 469	140 400 / 9 700	606		76	

Примечание. Данные соотношения сил составлены по состоянию на 16 (29) мая 1916 г. Численность австрийской армии взята по данным разведывательного отдела штаба 8-й армии [1].

6. Оперативный план 11-й армии

(Схема 12)

14 (27) апреля командующий 11-й армией ген. Сахаров представил на утверждение командования Юго-западного фронта оперативный план предстоящих действий. Оценивая соотношение сил на 126-*км* фронте не в пользу 11-й армии (149—152 батальона и 32 эскадрона австрийцев против 134 батальонов и 20 сотен русских), а также учитывая недостаточное количество тяжелой артиллерии и сильно укрепленный фронт противника, ген. Сахаров считал неизбежным ограничить наступление армии довольно узкими задачами.

Все наступление, как докладывал он, должно ограничиться прорывом «на относительно узком участке укрепленного фронта про-

[1] ЦВИА, фонд 2003, дело 2302, лл. 99—100.

тивника, а затем, развивая до возможного предела успех, нанести частное поражение его живой силе»[1].

Таким образом, командующий 11-й армией в основу своего оперативного плана положил цель, ограниченную тактическими рамками. Он решает нанести австрийцам двойной удар в районе Верещакского леса частями 7-го армейского корпуса и в районе Дитковце частями 6-го армейского корпуса.

Основной замысел операций заключался в том, чтобы концентрическим наступлением этих двух корпусов на Заложце отрезать австрийцев от переправ на р. Серет.

17-й армейский корпус должен был содействовать главному удару и привлекать на себя резервы противника атакой на м. Н. Почаев. На остальном фронте армии корпуса имели задачу организовать энергичные поиски разведывательных партий с целью сковать противника на своих участках.

Армейская конница — Заамурская конная дивизия — должна была развивать прорыв в направлении на Подкамень и действовать в тылу австрийцев.

Ген. Брусилов, получив доклад командующего 11-й армией, считал организацию двух слабых ударов нецелесообразной и малообещающей успех и потребовал усиления ударной группы 7-го армейского корпуса на 8—12 батальонов за счет 6-го корпуса.

Однако командующий 11-й армией категорически возражал против нанесения удара из одного района, считая, что таковой не может иметь успеха при наличии общей растянутости фронта 7-го армейского корпуса и его ограниченных средствах. Ослаблять же другие участки фронта он считал нецелесообразным и опасным ввиду угрозы наступления противника. Все же после получения дополнительных указаний от штаба фронта ген. Сахаров 25 апреля (8 мая) отказывается от своего первоначального плана и переносит главный удар на фронт 6-го армейского корпуса в район Глядки, шоссе Тарнополь, Езерна[2].

По новому плану операции, ближайшей задачей действий 11-й армии ставилось «атаковать противостоящего противника, опрокинуть его и возможно глубже овладеть занимаемым им районом»[3].

6-й армейский корпус с тяжелой артиллерией наносил удар на фронте Янковце, шоссе Тарнополь, Езерна (протяжение фронта 11 *км*), с задачей овладеть районом Чернехув, Йсиповце, западнее и юго-западнее Глядки, Цебров. Для содействия удару 6-го армейского корпуса правофланговый 17-й армейский корпус должен был атакой своей ударной группы (не менее трех полков) притянуть на себя резервы противника и не допустить их переброски к месту главного удара.

С той же целью 7-й армейский корпус, развернувшись на фронте Поповцы, Янковце, и 18-й армейский корпус на фронте шоссе Тарнополь — Езерна, Людвикувка должны были вести ограничен-

[1] ЦВИА, фонд 2037, дело 5286, лл. 194—197.
[2] ЦВИА, фонд 2212, дело 251, л. 1013.
[3] Приказ 11-й армии № 47, ЦВИА, фонд 2212, дело 251, л. 1127.

ные наступательные бои и производить поиски сильными разведывательными партиями.

Армейская конница — Заамурская кавалерийская дивизия — имела задачу развивать прорыв на фронте 6-го армейского корпуса «в общем направлении на Зборов, Злочев и далее на участок железной дороги Броды, Красне с захватом этих пунктов, действуя по обстоятельствам в тылу противника»[1].

Вся подготовительная работа и перегруппировка сил должны были быть закончены к утру 18 (31) мая. Задачи корпусам при прорыве в окончательном виде были поставлены в приказе по армии от 17 (30) мая 1916 г. за № 47 (см. приложение 3).

Общее соотношение сил по плану 11-й армии на прорыв

Корпуса	Пехотные дивизии		Кавалерийские дивизии		Батальоны		Эскадроны		Штыки (числитель) и сабли (знаменатель)		Легкие орудия		Тяжелые орудия	
	русские	австрийцы	русские	австрийцы	русские	австрийцы	русские	австрийцы	русские	австрийцы	русские	австрийцы	русские	австрийцы
17-й армейский корпус	2	1	—	1½	32	34	7	36	29 372 / 692	26 000 / 4 000	99	Нет данных	—	Нет данных
7-й армейский корпус	2½	2	—	—	38	30	7	—	36 480 / 994	22 000	85		—	
6-й армейский корпус	2	3	—	—	32	44	7	—	29 369 / 772	35 000	86		22	
18-й армейский корпус	2	2	—	—	32	35	7	—	29 486 / 904	25 000	80		—	
Резерв армии	—	2	1	½	—	31	21	12	— / 2 552	24 000 / 1 000	10		—	
Всего	8½	10	1	2	134	174	49	48	124 707 / 5 914	132 000 / 5 000	360		22	

Примечание. Данные соотношения сил составлены по состоянию на 18 мая 1916 г. Численность австрийской армии взята по данным разведывательного отдела штаба 11-й армии.

Анализ соотношения сил на фронте 11-й армии дает основание сделать заключение, что план армии не мог рассчитывать на какие-либо крупные оперативные успехи.

Помимо того, что соотношение сил было не в пользу русских, командование 11-й армии еще более усугубляет тяжесть своих действий, распыляя усилия на широком фронте.

[1] Приказ 11-й армии № 47, ЦВИА, фонд 2212, дело 251, л. 1127.

План 11-й армии предусматривал прорыв фронта австрийцев в двух направлениях, удаленных друг от друга на 35—40 *км*, что при тех скудных средствах, которыми располагала армия, исключало какое бы то ни было взаимодействие между войсками, действующими на этих направлениях.

К тому же удар вдоль железной дороги Тарнополь, Злочев приходился по наиболее укрепленному участку австрийских позиций, и поэтому особых успехов ожидать не приходилось даже при двойном превосходстве в силах.

Было бы более целесообразным оставить в действии первоначальный план ген. Сахарова, намечавший двойной удар в направлении на Заложце. В этом случае две ударные группы армии, имея оперативную связь и превосходство в силах над австрийцами, могли рассчитывать на успешный прорыв фронта противника с тем, чтобы затем искать оперативного взаимодействия с ударной группой соседней армии.

Но командующий 11-й армией, обескураженный замечанием ген. Брусилова, принимает наиболее тяжелую форму ведения операции, выделив для активных действий только 50% всей пехоты и 64% артиллерии. Остальными силами он намеревался охранять фланги и производить демонстрации.

Оперативный резерв армии составлял всего 6% от всей пехоты (4 батальона), и поэтому ген. Сахаров лишил себя возможности влиять на ход операции.

В руках командования 11-й армии в качестве оперативного резерва имелась 1 кавалерийская дивизия, но она не могла выполнить сложную и при этом неопределенную задачу в глубоком тылу австрийцев, поставленную ей приказом армии.

Даже при условии получения возможности ввести ее в прорыв, в оперативной глубине, изолированная в своих действиях, эта кавалерийская дивизия безусловно была бы разгромлена резервами противника.

Ход дальнейших действий, как будет видно дальше, в корне изменил намеченный план 11-й армии и косвенно подтвердил вышесказанное.

7. Оперативный план 7-й армии

(Схема 13)

13 апреля командующий 7-й армией представил в штаб Юго-западного фронта свои соображения о переходе в наступление.

Оперативный план 7-й армии состоял из чисто тактического прорыва фронта противника. Свои соображения командующий 7-й армией обосновывал тем, что сильная укрепленная позиция австрийцев приведет к борьбе главным образом на первой укрепленной позиции, глубиною 3—5 *км*, поэтому он стремился заставить австрийцев покинуть свои прочные позиции по линии р. Стрыпа.

Из этого делался вывод, что «ранее прорыва этой полосы, куда противник, несомненно, сосредоточит все, что в данное время бу-

дет в его силах и средствах, *трудно задаваться отдельными планами в смысле направления дальнейших действий»* [1].

Для атаки был выбран участок австрийской позиции от Трибуховце до Язловец. Таким образом, основные действия русских должны были развернуться на фронте 2-го армейского корпуса, с нанесением главного удара между шоссе Дзурин, Трибуховце и Гипсарка.

Основанием для такого выбора направления главного удара послужило наличие менее развитых, чем на других участках, укреплений и проволочных заграждений противника.

К тому же этот участок занимала 36-я австрийская дивизия, имевшая в своем составе до 80% славянских народностей и не отличавшаяся боевой устойчивостью.

После детальных рекогносцировок всего фронта корпуса офицерами генерального штаба и инженерами намеченный участок прорыва был несколько изменен. Для атаки был окончательно выбран исходящий угол австрийских позиций перед Язловец с одновременной атакой передовых укреплений у Гипсарка и выступа у Новоселка. Этот участок главного удара являлся исключительно благоприятным. Он допускал полный обзор с русской стороны самого выступа и ближайшего тыла и давал возможность сосредоточения артиллерийского огня и резервов.

Для сосредоточения возможно больших сил к месту главного удара командующий армией приказал 22-му армейскому корпусу в ночь с 25 на 26 апреля сменить правофланговый полк 16-го армейского корпуса, а последнему предлагалось сменить правофланговый полк 2-го армейского корпуса. Таким образом, для 2-го армейского корпуса предоставлялся фронт в 18 *км* (до р. Днестр). Кроме того, в состав корпуса из армейского резерва включалась 3-я Туркестанская дивизия.

22-й и 16-й армейские корпуса должны были сковать противостоящих на их фронте австрийцев, подготовляя атаку на участках, избранных ими.

Задачей этих корпусов являлось разрушить препятствия, уничтожить фугасы, устроить проходы в проволочных заграждениях, а при благоприятных условиях овладеть частью позиций австрийцев.

Кавалерийский корпус составлял подвижный резерв командующего армией и сосредоточивался в районе Муховка, Лисовце, Глашковце.

Заключение по плану 7-й армии

При выработке плана операции, очевидно, сказалось неверие самого командующего армией в ее успешное разрешение. Иначе нельзя ничем объяснить отсутствие планирования операции по глубине и постановку задач корпусам без необходимой согласованности в действиях ударной и вспомогательной групп.

Имея 2-й кавалерийский корпус в качестве резерва, командующий армией не сумел использовать его для оперативного развития успеха и ограничился узкой задачей выхода на р. Стрыпа.

---

[1] ЦВИА, фонд 2067, дело 5286, лл. 98—99.

Общее соотношение сил по плану 7-й армии на прорыв

Корпуса	Пехотные дивизии		Кавалерийские дивизии		Батальоны		Эскадроны		Штыки (числитель) и сабли (знаменатель)		Орудия легкие		Орудия тяжелые	
	русские	австрийцы	русские	австрийцы	русские	австрийцы	русские	австрийцы	русские	австрийцы	русские	австрийцы	русские	австрийцы
22-й армейский корпус	2	1½	—	—	32	28	7	—	28 300/991	22 600	95	Нет данных	—	Нет данных
16-й армейский корпус	2	3	—	—	32	48	5	—	28 536/477	41 400	39		—	
2-й армейский корпус	3	2	1	1	48	19	37	30	44 245/4 251	18 500/3 000	124		23	
2-й кавалерийский корпус	—	—	2	—	—	—	50	—	—/6 554	—	20		—	
Всего на фронте армии	7	6½	3	1	112	95	99	30	101 081/12 273	82 500/3 000	278		23	

Главный удар наносил 2-й армейский корпус, имевший более чем двойное превосходство сил. Однако он делал это изолированно, без поддержки соседних 16-го и 22-го армейских корпусов, хотя обстановка настоятельно требовала организации вспомогательного удара 22-м армейским корпусом.

Как будет видно дальше, австро-германское командование перед фронтом 22-го армейского корпуса сосредоточивало свой оперативный резерв — 48-ю германскую резервную дивизию. При пассивных действиях 16-го и 22-го армейских корпусов эта германская дивизия могла свести к ничтожным результатам успех 2-го армейского корпуса.

Итак, отказ от глубокой операции и изолированные действия ударной группы неминуемо должны были свести всю операцию 7-й армии к ограниченному тактическому успеху.

Дальнейшие события на фронте армии полностью это подтвердили.

8. Оперативный план 9-й армии

(Схема 14)

14 (27) апреля после тщательной рекогносцировки местности и позиций австрийцев был представлен в штаб фронта очень подробный план действий 9-й армии.

Командование армии пришло к выводу, что с точки зрения оперативных выгод главный удар более целесообразно наносить южнее р. Днестр, где даже небольшое продвижение русских войск

в глубь расположения противника могло угрожать важнейшему железнодорожному узлу Черновцы.

К тому же успех на левом крыле фронта мог заставить Румынию выступить на стороне Антанты.

Наступление же севернее р. Днестр, как докладывал ген. Лечицкий, не обещало каких-либо выгод, во-первых, потому, что сил для оперативного успеха на этом фронте у русских не было, и, во-вторых, потому, что на этом направлении пришлось бы прорывать австрийские позиции в крайне неблагоприятных условиях местности. Действительно, наличие р. Днестр и ее притоков к востоку от нее, а также сильного укрепленного района австрийцев у Залещика усложняло прорыв и вынуждало командование 9-й армии искать решение задачи южнее р. Днестр.

Командующий армией, строя план операции, не задавался широкими оперативно-стратегическими целями, учитывая почти равные силы и наличие сильно укрепленных полос у австрийцев.

«Вряд ли представится возможным, — докладывал командующий 9-й армией в штаб фронта, — нанести противнику такой удар, который имел бы серьезное стратегическое значение; вернее, мы можем рассчитывать лишь на некоторый тактический успех. Ввиду этого пункт для удара приходится выбирать такой, который при успехе давал бы только тактические выгоды»[1].

В этом отношении наиболее удобным для наступления оказался фронт Миткеу, Онут, Доброновце, где, отбросив противника за линию Зазулинце, Юркутц, Хорошовце, можно было угрожать сообщениям австрийцев на левом берегу Днестра и заставить их оттянуть свои силы на правый берег.

Для нанесения главного удара намечались 11-й армейский корпус, 19-я пехотная дивизия 12-го армейского корпуса, 41-й армейский корпус, 1-я Донская казачья дивизия и тяжелая артиллерия. Чтобы отвлечь внимание австрийцев от фронта главной атаки, остальные корпуса армии должны были «проявить полную активность, с атакой наиболее выгодных пунктов»[2].

После соответствующих перегруппировок *41-й армейский корпус* (3-я Заамурская дивизия и два полка 74-й пехотной дивизии) получил задачу прорвать укрепленную позицию на фронте Миткеу, Онут и развивать успех в общем направлении на Окна.

11-й армейский корпус (11-я и 32-я пехотные дивизии) и 19-я пехотная дивизия 12-го армейского корпуса, нанося удар южнее Днестра, должны были прорвать укрепленную позицию на фронте Онут, Доброновце и овладеть высотами Доброновце, Юркутц и Хорошовце.

33-й армейский корпус должен был содействовать наступлению 41-го армейского корпуса, атакуя австрийцев на участке по усмотрению командира корпуса. *Сводный корпус* имел задачу содействовать наступлению 11-го армейского корпуса решительными действиями своего правого фланга.

---

[1] ЦВИА, фонд 2067, дело 5286, лл. 176—181.

[2] Там же.

3-й кавалерийский корпус должен был удерживать занимавшиеся им позиции на восточном берегу р. Днестр.

Армейский резерв составляли бригада 74-й пехотной дивизии в Кшивце и бригада 12-й пехотной дивизии в районе Должок.

Наличие таких слабых армейских резервов лишний раз доказывало, что план командующего 9-й армией предусматривал только тактический прорыв, без стремления развить его в оперативный.

Общее соотношение сил по плану 9-й армии на прорыв

Корпуса	Пехотные дивизии		Кавалерийские дивизии		Батальоны		Эскадроны		Штыки (числитель) и сабли (знаменатель)		Орудия легкие		Орудия тяжелые	
	русские	австрийцы	русские	австрийцы	русские	австрийцы	русские	австрийцы	русские	австрийцы	русские	австрийцы	русские	австрийцы
33-й армейский корпус	2	2	1	1	32	Нет данных	27	Нет данных	28 912 / 4 620	22 000 / 3 000	83	Нет данных	—	Нет данных
41-й армейский корпус	2	1	—	2	32		4		28 872 / 691	20 000 / 3 000	62		8	
11-й армейский корпус	3	4 (на 11-й, Сводный и 3-й кав. корпуса)	1	1 (на 11-й, Сводный и 3-й кав. корпуса)	48		34		43 492 / 5 474	38 000 / 3 000 (на 11-й, Сводный и 3-й кав. корпуса)	175		35	
Сводный корпус .	2		—		32		2		29 700 / 231		90		4	
3-й кавалерийский корпус . .	—		2		—		49		— / 7 150		20		—	
Резерв армии . .	1	2	—	—	16		12		14 418 / 864	21 000 / 1 000	18		—	
Всего на фронте армии .	10	9	4	4	160		128		145 394 / 19 030	101 000 / 10 000	448		47	

Примечание. Данные соотношения сил составлены по состоянию на май месяц 1916 г.

Выводы по плану 9-й армии

Имея только полуторное превосходство в силах над австрийцами, командование 9-й армии сумело обеспечить на участке прорыва двойное превосходство, сосредоточив на фронте только одного 11-го армейского корпуса до 35% общего числа тяжелой артиллерии.

Но одновременно операция строилась без достаточных оперативных резервов и без надежды их выделить в дальнейшем.

Операция готовилась с ограниченными целями, без соображений по планированию ее на всю оперативную глубину противника.

Поэтому такое мощное средство оперативного резерва, как 3-й кавалерийский корпус, было предназначено для обороны

участка, удаленного на 30 *км* от района прорыва. В силу этого он был лишен возможности своевременно прибыть для участия в оперативном развитии прорыва. В общем удачный выбор района прорыва, отличная и длительная подготовка наступления бесспорно обещали армии крупный тактический успех при первоначальных действиях, но имелись большие затруднения при превращении его в успех оперативный.

9. Оперативно-тактическая подготовка прорыва

Оперативно-тактическая подготовка прорыва началась сразу же после совещания в Волочиске. Ген. Брусилов потребовал самой тщательной, предусматривавшей все до мелочей, разработки операции, исключающей какую-либо случайность. Был учтен весь опыт предшествующих операций, и на основании их составлено большое количество указаний по подготовке атаки укрепленных позиций противника и о характере действий различных родов войск при прорыве. Все эти указания и инструкции сводились к требованию, чтобы каждая армия фронта приступала:

а) к тщательному изучению начальствующим составом местности, на которой их частям придется действовать;

б) к инженерной подготовке участков атаки;

в) к разработке плана действий артиллерии;

г) к обучению войск техническим приемам атаки.

Командирская разведка охватила изучение местности русских и австрийских позиций на предполагаемом для атаки участке.

Весь фронт атаки был разбит на участки и разделен между офицерами генерального штаба корпусов и дивизий, на обязанности которых была сводка, проверка и нанесение на схемы всего обнаруженного войсковой разведкой.

Не менее двух раз в неделю командировались офицеры генерального штаба армий и фронта для сбора на месте дополнительных сведений о местности и укреплениях противника. Все рекогносцировки дополнялись аэрофотосъемками с «муромцев» и давали возможность более точно нанести на карту атакуемый и смежные участки позиции австрийцев со всеми пулеметными точками.

Точные схемы атакуемых участков позиции австрийцев в масштабе 250 сажен в 1 дм., с нанесенными на них целями, получил весь командный состав, до командиров рот включительно.

Задачи по инженерной подготовке сводились к следующему:

1. Организация инженерной разведки австрийских позиций.
2. Создание прочного исходного положения на участках атаки.
3. Подготовка плацдармов для атакующих частей.
4. Принятие мер к уничтожению технических средств обороны австрийцев.
5 Снабжение войск всем необходимым для достижения и закрепления успехов.

Инженерная разведка производилась особыми саперными командами под начальством саперных офицеров, которые получали зада-

ния от руководителя работами. Полученные данные по обработке их руководителем излагались в общих сводках и сообщались всем войсковым начальникам, до ротных командиров включительно.

Особое внимание было обращено на обеспечение исходного положения и укрепление русских позиций на участках атаки. С этой целью одновременно по всему фронту началось выдвижение русских окопов вперед. Сперва делались небольшие окопы для сторожевого охранения, а в следующие ночи они развивались и по мере усовершенствования их занимались войсками. Эти параллели связывались ходами сообщения, укреплялись сначала рогатками, а затем, где позволял огонь, и проволочной сетью. Уже к 15 (28) мая наибольшее расстояние между окопами обеих сторон не превышало 400 шагов, а местами уменьшилось до 75 шагов.

Идея создания плацдармов (см. схему 15) была перенесена с западноевропейского фронта и по смыслу должна была удовлетворять следующим целям:

1) скрытно подвести и развернуть части войск на участках удара;

2) дать возможность войскам непосредственно с исходных позиций итти на штурм одним броском;

3) обеспечить скрытный подход свежих сил на усиление атакующих частей;

4) иметь при батареях пороховые погреба и убежища для того, чтобы обеспечить хранение боевых запасов.

Боевые плацдармы имели вид параллельных щелей глубиной 4—4½ аршина и шириной по дну рва 1½ аршина, с расчетом размещения двух шеренг.

Все траншеи соединялись ходами сообщения, имели ступенчатые выходы и были перекрыты мостками для свободного движения войск.

Ложные плацдармы при такой же трассировке устраивались в виде неглубокой отрывки (½—¾ аршина).

В тылу были устроены дороги для артиллерии и разработаны колонные пути, преимущественно по лощинам.

Все дороги и траншеи плацдармов имели хорошо заметные указатели. Были также устроены блиндированные наблюдательные пункты для начальствующих лиц и артиллерии, блиндажи и укрытия для центральных телефонных станций.

Пулеметам, предназначавшимся для разрушения проволоки противника, устраивались блиндированные гнезда. Для уничтожения технических средств обороны австрийцев привлекались саперы и войсковые разведчики, которые уничтожали фугасы перед неприятельской позицией. С началом наступления для подрывания проволочных заграждений были организованы команды (по две на головную роту) подрывников из трех человек с пудовым зарядом.

Таким образом, в инженерном отношении делалось все возможное, чтобы обеспечить успех малой кровью.

Но все же, как показал опыт операции, плацдармы имели и ряд отрицательных моментов, снижающих их значение.

Так, например, возведение их требовало выемки массы земли, и

австрийцы быстро выявляли эти районы, открывая по ним сильный огонь и нанося большие потери русским частям.

В этих случаях войска предпочитали размещаться в пределах первой оборонительной полосы.

Техническая подготовка артиллерии выразилась в тщательном выборе и оборудовании огневых позиций, наблюдательных пунктов и в заблаговременно точной пристрелке батарей по намеченным целям.

Соответственно данным артиллерии задачам и на основании подробного изучения артиллерийскими начальниками выбранного для атаки участка были расположены батареи и устроены наблюдательные пункты.

Легкие и пушечные батареи располагались в 2 *км*, а гаубичные и тяжелые — не далее 3—4 *км* от первой линии окопов противника.

Весь фронт позиции австрийцев был разбит на участки, и каждая батарея получила сектор обстрела.

Проделывание проходов в проволочных заграждениях было поручено легким и горным батареям, а разрушение окопов и фланкирующих бетонных построек возложено на тяжелые и гаубичные батареи.

План стрельбы был разработан детально. На все периоды боя каждой батарее были известны все цели, которые она могла обстреливать. При дальнейшем продвижении пехоты обнаруженные цели наносились на карты или схемы, которыми снабжались все начальники, до командиров рот включительно.

Были произведены опытные разрушения гранатами проволочных заграждений австрийцев.

Особо серьезное внимание обращалось на управление артиллерией и на связь между пехотой и артиллерией.

В целях лучшего управления артиллерией создавались артиллерийские группы под командой инспектора артиллерии корпуса, при котором находился штаб. Часть артиллерии передавалась пехотным участкам.

Телефонная связь была всюду двухпроводной и уложена на особых стойках в стенках ходов сообщения. Наблюдательные пункты командиров подгрупп связывались с наблюдательным пунктом инспектора артиллерии и между собой. Наблюдательные пункты батарей были все вынесены на передовую линию основных русских позиций, а частью и в окопы сторожевого охранения. Как правило, каждому пехотному батальону придавался артиллерист со средствами связи, что давало возможность корректировать огонь и осуществить поддержку наступающей пехоты.

Обучение войск происходило в тылу, где были построены участки позиций, подобные австрийским, на которых пехота и артиллерия тренировались в технике совместных действий при прорыве. Пехота обучалась бросанию ручных гранат, преодолению проволочных заграждений и захвату отдельных участков позиций.

Для прорыва атакующие корпуса строились в виде глубоко эшелонированных волн. Каждая часть строилась в несколько линий,

впереди которых шли редкие цепи разведчиков. С головными ротами двигались команды сапер и гренадеры с ручными гранатами (схема 16).

Атака производилась несколькими волнами цепей с расстоянием в 150—200 шагов между ними. Передовые волны одним броском должны были захватить две линии окопов.

Артиллерия тренировалась в уничтожении проволочных заграждений и окопов, а при движении пехоты в атаку должна была сопровождать ее огневым валом или создавать на определенных участках неподвижный заградительный огонь.

Меры скрытности подготовки принимались попутно с остальными мероприятиями. План прорыва хранился в строжайшей тайне и был сообщен только командующим армиями для их личного сведения.

Для обеспечения тайны операции главнейшие распоряжения и указания передавались при свиданиях лично командующим армией командирам корпусов. До последнего момента подготовки телеграммы, даже зашифрованные, не посылались. Все сношения велись исключительно через специально командируемых офицеров генерального штаба.

Пополнения, прибывающие в армии Юго-западного фронта, как правило, задерживались на линии армейских резервов. Рекогносцировка производилась отдельными офицерами, крупными же партиями таковую производить воспрещалось. Перегруппировки разрешалось производить только в течение последней недели перед атакой. Артиллерия располагалась на подготовленные заранее огневые позиции лишь в последнюю ночь перед атакой.

В целях маскировки инженерная подготовка и артиллерийская пристрелка производились на широком фронте, а не только в районах главного удара армий и корпусов. Офицеры и солдаты получали отпуск без объявления в приказах и прибывали за неделю до атаки.

Применялся роспуск ложных слухов с целью введения в заблуждение агентурной разведки противника.

Этот прием особенно успешно был применен штабом 7-й армии, который 14 (27) мая послал во 2-й армейский корпус телеграмму следующего содержания: «Ввиду предполагаемой перевозки корпуса на другой фронт прошу подготовить к 20 мая расчеты посадки на станциях Чертков, Выгнанка, Копычинцы».

Сведения о перевозке через телефонистов, обозы и санитарные учреждения быстро распространялись по всему тылу армии. Поэтому происходившие в это время передвижения 3-й Туркестанской дивизии для всех непосвященных являлись простым движением для смены 2-го армейского корпуса. Эта мера оказалась настолько удачной, что в разведывательных сводках австрийцев упоминалось, что взятые пленные сообщали о переброске 2-го корпуса на другой фронт после смены его 3-й Туркестанской дивизией. Но все же нужно отметить, что все эти мероприятия скрытности не могли обеспечить полную внезапность атаки. Австрийцы не только знали подробную группировку русских, но даже и день

атаки. Путем подслушивания они узнали о прибытии в боевую линию 8-го армейского корпуса и о передаче 17-го армейского корпуса из 8-й в 11-ю армию. Австро-германская агентура в штабе фронта и штабах армий своевременно оповещала своих хозяев о мероприятиях русского командования и даже к 22 мая (4 июня) сумела передать в австрийскую главную квартиру приказ ген. Брусилова о наступлении. Но австро-германское командование полностью игнорировало назревавшую угрозу со стороны русской армии, считая ее неспособной к каким-либо активным действиям. Так, начальник штаба группы ген. Линзингена докладывал, что «численно русские не превосходят и обучение их недостаточно; наступление русских кончится безуспешно» [1].

Только беспечность австро-германского командования и его уверенность в отсутствии угрозы со стороны русских армий привели к напряженной обстановке для центральных держав.

Об этом весьма образно говорит и ген. Фалькенгайн, указывая, что неожиданно, «как гром из ясного неба, разразилась беда» [2].

10. Изменение оперативного плана русской Ставки

6 (19) мая австрийское командование приступило к выполнению своего оперативного плана по разгрому итальянской армии в Трентино. 1-я итальянская армия, занимавшая позиции в Трентино и в течение года бездействовавшая, была атакована австрийцами и потерпела крупную неудачу, потеряв при этом до 16 тыс. одними пленными и 80 орудий.

Среди высшего итальянского командования проявляется растерянность и отсутствие готовности искать выхода из создавшегося положения своими средствами, хотя превосходство в силах было еще на стороне итальянской армии.

Итальянская главная квартира выдвигает требование к русской армии оказать ей содействие путем немедленного перехода в наступление по крайней мере частями Юго-западного фронта.

Внутри страны итальянская печать поднимает агитацию с целью создать впечатление, что только немедленный переход в наступление русской армии является единственным средством изменить создавшееся положение.

Главнокомандующий итальянской армией ген. Кадорна обращается к ген. Жоффру с просьбой повлиять на русское высшее командование и заставить его немедленно организовать наступление. Подобное же требование шло через русского военного агента в Италии и лично от итальянского короля. В дальнейшем итальянцы свои просьбы подкрепляют требованиями и даже угрозой лишить союзников участия итальянской армии в общем наступлении на Изонцо.

Через своего военного представителя они писали: «Итальянская

---

[1] Рейхсархив, т. X.

[2] Фалькенгайн, Верховное командование, стр. 223.

главная квартира самым энергичным образом настаивает на том, чтобы *русская армия немедленно начала наступление* на австрийском фронте, и утверждает, что нынешнее затишье в действиях русских армий создает весьма серьезную опасность для союзников. Если энергичное наступление австрийцев продолжится, то не только будет исключена всякая возможность наступления итальянцев на Изонцо, но в недалеком будущем предвидится необходимость для итальянцев быть вынужденными оставить эту линию. Если Россия будет продолжать настаивать на том, что она в настоящее время не может перейти в решительное наступление, то необходимо, чтобы она по крайней мере теперь же произвела демонстративное наступление с целью удержать против себя силы австрийцев и оттянуть те силы, которые вероятно находятся в пути на итальянский фронт»[1].

Настойчивые требования итальянцев вызвали обильную переписку русской Ставки с ген. Жоффром и с итальянской главной квартирой.

Ген. Жоффр, заинтересованный оттянуть наступление русской армии до окончания подготовки операции на Сомме, сообщил в Ставку, что, по его мнению, «положение, в котором находится в настоящее время итальянская армия, нисколько не изменяет нашего образа действий и что оно не повлияет на ожидаемые результаты, если мы сообщим нашему наступлению необходимую мощность, полноту и настойчивость.

Необходимо, чтобы русское наступление началось около 15 июня (по новому стилю) или несколькими днями раньше, если подготовка его закончена. Преждевременный переход в наступление армии ген. Брусилова сам по себе нежелателен, однако на Юго-западном фронте могли бы быть произведены демонстрации с целью поднять моральное состояние итальянского верховного командования и народа.

Я просил ген. Кадорна твердо держаться на своих позициях, пока влияние русского наступления не даст себя почувствовать»[2].

Эта переписка с ген. Жоффром склонила главное командование русской армии согласиться на наступление Юго-западного фронта ранее намеченного срока. С этой целью Ставка запрашивает мнение ген. Брусилова о его готовности к наступлению. Получив заверение ген. Брусилова о готовности Юго-западного фронта начать артиллерийскую подготовку 19 мая (1 июня), начальник штаба верховного главнокомандующего обращается к царю за разрешением начать наступление в двадцатых числах мая (по старому стилю). Разрешение на это последовало, и 18 (31) мая 1916 г. войскам была дана директива (№ 2703) для наступления.

Согласно этой директиве, хотя задачи фронтам в основном и оставались прежними, но почин в наступлении был передан Юго-западному фронту, который должен был начать атаку 22 мая (4 июня).

---

1 ЦВИА, фонд 2003, дело 1105, л. 229.
2 ЦВИА, фонд 2003, дело 1105, л. 351.

Главный удар попрежнему наносил Западный фронт 28 или 29 мая (10—11 июня).

Юго-западный фронт должен был наносить вспомогательный, но сильный удар австрийцам, для чего состав фронта усиливался 5-м Сибирским корпусом, переданным с Северного фронта, и 3-й Кавказской кавалерийской дивизией за счет Западного фронта.

Северный фронт, надежно обеспечивая пути на Петроград, Полоцк и правый фланг Западного фронта, имел задачу произвести демонстративные действия в Рижском районе и перейти к решительным действиям только при благоприятной обстановке.

Одновременно Северному фронту приказывалось выделить один корпус в распоряжение верховного главнокомандующего. Той же директивой особо подчеркивалась необходимость использования 4-го кавалерийского корпуса в направлении на Ковель для развития успеха 8-й армии.

Таким образом, задуманная русскими операция на этот раз должна была спасти итальянскую корону.

Начальник штаба верховного главнокомандующего писал русскому военному агенту ген. Жилинскому, что «настойчивые просьбы итальянцев, до личного обращения короля к государю, вынудили нас принять решение начать атаку армиями Брусилова 22 мая: главный удар — в направлении на Луцк.

Главнейшая побудительная причина ускорить нашу атаку — дать итальянцам нравственное сознание помощи и опоры» [1].

Командующий Юго-западным фронтом свое последнее распоряжение на прорыв отдал в виде приказания начальника штаба фронта за № 1404 от 12 (25) мая (см. схему 17), в котором говорилось: «Австрийцы, перевезя часть сил с нашего фронта, повели наступление против итальянцев.

Дабы воспрепятствовать их дальнейшему усилению на итальянском фронте, главнокомандующий приказал перейти в наступление, согласно разработанных в армиях планов. *Главный удар наносит 8-я армия* — 39, 40, 8 и 32-м корпусам на фронте Дубище, Корыто. 100-я пехотная, 4-я Финляндская стрелковая и 12-я кавалерийская дивизии поступают в распоряжение командующего 8-й армией.

11, 7 и 9-я армии наносят энергичные частные удары:

11-я армия —на фронте Глядки, Цебров, шоссе Езерна, Тарнополь 6-м корпусом;

7-я армия — на фронте Гипсарка, Новоселка 2-м корпусом, усиленным 3-й Туркестанской стрелковой дивизией;

9-я армия — на фронте Миткеу, Онут, Доброновце 12-м и 11-м корпусами» [2].

Резерв главнокомандующего Юго-западным фронтом состоял из 126-й пехотной дивизии, располагавшейся в районе Ровно, и 12-й пехотной дивизии в районе Должок.

---

1 ЦВИА, фонд 2003, дела 1317 и 112, лл. 232—233 и 17.

2 ЦВИА, фонд 2003, дело 513, л. 179.

2-я Финляндская дивизия из фронтового резерва передавалась в распоряжение командующего 8-й армией и переходила в район Ровно.

Предполагалось с прибытием 5-го Сибирского корпуса с Северного фронта передать 126-ю пехотную дивизию в распоряжение командующего 8-й армией и 12-ю пехотную дивизию — в 9-ю армию.

21 мая (3 июня) в дополнение к этому распоряжению состоялся разговор по прямому проводу ген. Брусилова с командующим 8-й армией ген. Калединым, во время которого еще раз была подчеркнута необходимость рейда 4-го кавалерийского корпуса в составе 5 кавалерийских дивизий на Ковель. «По нашим сведениям, — говорил ген. Брусилов, — против Гилленшмидта войск очень мало, тонкая линия, и если прорыв значительными конными силами будет произведен, то, очевидно, тут удерживаться противник не может» [1].

В это же время прибывший штаб 46-го армейского корпуса должен был объединить управление 77-й и 100-й пехотными дивизиями на фронте Галузия, Чарторийск для удара в общем направлении на Ковель.

11. Группировка войск на Юго-западном фронте к началу прорыва

К 19 мая (1 июня) были отданы все распоряжения, и войска заняли исходное положение для наступления.

В 8-й армии корпуса располагались следующим образом (схема 22):

4-й кавалерийский корпус в составе 16-й кавалерийской, 2-й сводной казачьей, 7-й кавалерийской и 3-й Кавказской казачьей дивизий располагался на фронте Островск, восточнее Езерцы, западнее Вулька-Галузийская, севернее Костюхновка.

46-й армейский корпус в составе 77-й и 100-й дивизий — на фронте южнее Вараш, западнее Полонное, Остров, Козлиничи, Чарторийск.

Группа ген. Зайончковского, состоявшая из 5-го кавалерийского и 30-го армейского корпусов, занимала фронт восточнее Новоселки, западнее Куликовичи, западнее Кошице, восточнее Черныж, западнее Селище, восточнее Берестяны, восточнее Богуславка.

39-й армейский корпус в составе 125-й и 102-й пехотных дивизий занимал фронт юго-восточнее Богуславка, западнее Карпиловка, Дубище, восточнее Ставок, западнее Хромяково, северная окраина Дидичи.

40-й армейский корпус с 16-м Финляндским полком находился на фронте северная окраина Дидичи, западнее Олыка, юго-восточнее Носовичи.

---

1 ЦВИА, фонд 2067, I, дело 5314, лл. 1—5.

8-й армейский корпус в составе 15-й и 14-й пехотных дивизий и 3 полков 4-й Финляндской дивизии занимал фронт юго-западнее Носовичи, восточнее Пелжа, Терешово.

32-й армейский корпус в составе 101-й и 105-й пехотных дивизий располагался на фронте западнее Корыто, Дорогостайщина, Муравица, Млынов, Подгайцы, Иванье, Детиничи.

В резерве командующего армией находилась 2-я Финляндская дивизия в районе Озеряны, Мизочь, Здолбуново и 12-я кавалерийская дивизия в районе Ивачково, Плоска.

В резерве командующего Юго-западным фронтом имелась 126-я пехотная дивизия в районе Ровно, Квасилов, Б. Житин.

Штаб армии располагался в Ровно.

Корпуса *11-й армии* занимали следующее положение (схема 23):

17-й армейский корпус в составе 3-й и 35-й пехотных дивизий располагался на фронте Клюки, по восточному берегу р. Иква и впереди Сопанова до Хотовка, по западному берегу р. Иква и далее Бережцы, Поповцы.

7-й армейский корпус в составе отряда ген. Лихачева, 13-й и 34-й пехотных дивизий занимал фронт Поповцы, высоты в 2 *км* северо-западнее Ростоки, высоты в 1 *км* юго-западнее Н. Олексинец, Янковце.

6-й армейский корпус в составе 4-й и 16-й пехотных дивизий располагался от Янковце через Глядки и Воробьевка до высоты, что в 3 *км* восточнее Покропивна.

18-й армейский корпус в составе 37-й и 23-й пехотных дивизий располагался от шоссе Тарнополь, Зборов до Людвикувка, имея сторожевое охранение западнее линии Видна, Юзефовка.

В армейском резерве находилась Заамурская кавалерийская дивизия в районе Колодно и 89-й пехотный полк в районе Кутковце.

Штаб армии располагался в Волочиске.

7-я армия (схема 24) располагалась на исходном положении для наступления в следующем порядке: 22-й армейский корпус в составе 1-й и 3-й Финляндских дивизий занимал фронт восточнее Бенява, восточнее Выснювчик.

16-й армейский корпус в составе 47-й и 41-й пехотных дивизий располагался на фронте восточнее Выснювчик, восточнее Зелена, восточнее Трибуховце.

2-й армейский корпус в составе 26-й и 43-й пехотных, 3-й Туркестанской стрелковой и 6-й Донской казачьей дивизий находился восточнее Трибуховце, восточнее Язловец, Хмелева, Латач.

Армейский резерв состоял из 2-го кавалерийского корпуса (сводная и 9-я кавалерийские дивизии) и находился в районе Чортков.

Штаб армии располагался в Гусятине.

В *9-й армии* (схема 25) корпуса занимали следующее положение:

33-й армейский корпус в составе бригады туземной кавалерийской дивизии, 1-й и 2-й Заамурских пограничных пехотных диви-

зий располагался на фронте Латач, Усечко, Дзвиняч, восточнее Выгода.

41-й армейский корпус в составе 74-й и 3-й Заамурской пограничных пехотных дивизий занимал фронт восточнее Выгода, Онут.

11-й армейский корпус в составе 11, 32 и 19-й пехотных дивизий находился на фронте Онут, Черный Поток, западнее Ржавенцы, юго-восточнее Доброновце.

Сводный корпус в составе 82-й и 103-й пехотных дивизий занимал фронт юго-восточнее Доброновце, Топоровце, Боян.

3-й кавалерийский корпус в составе 10-й кавалерийской и 1-й льготной Терской казачьей дивизий находился в районе Боян, румынская граница.

В армейском резерве состояли: 1-я Донская казачья дивизия — в районе Баламутовка, Ржавенцы и 12-я пехотная дивизия — в районе Должок, Круглик. Штаб располагался в Каменец-Подольске [1].

12. Соотношение сил на Юго-западном фронте к началу прорыва

Картину общего соотношения сил на Юго-западном фронте к 22 мая (4 июня) 1916 г. дает следующая таблица [2]:

Армии	Пехотные дивизии		Кавалерийские дивизии		Батальоны		Эскадроны		Штыки (числитель) и сабли (знаменатель)		Орудия легкие		Орудия тяжелые	
	русские	австрийцы	русские	австрийцы	русские	австрийцы	русские	австрийцы	русские	австрийцы	русские	австрийцы	русские	австрийцы
8-я	15	13	7	3	224	180	171	68	202 125 / 22 819	137 600 / 9 700	640	375	76	174
11-я	8½	10	1	2	134	171	49	48	124 707 / 5 914	128 000 / 4 600	360	312	22	159
7-я	7	7	3	1	112	92	99	24	101 081 / 12 273	81 540 / 3 000	322	264	23	62
9-я	10	9	4	4	160	131	128	92	145 394 / 19 030	101 000 / 10 000	448	350	47	150
Всего	40½	39	15	10	630	574	447	232	573 307 / 60 036	448 140 / 27 300	1 770	1 301	168	545

---

[1] ЦВИА, фонд 2067, I, дело 5314, лл. 59—60.
[2] ЦВИА, фонд 2003, дело 2404, лл. 49—57 и Рейхсархив, т. X.

Соотношение сил на участках главного удара составляло [1]:

Фронт главного удара	Пехотные дивизии		Кавалерийские дивизии		Батальоны и эскадроны		Штыки и сабли		Орудия легкие		Орудия тяжелые		Пулеметы	
	русские	австрийцы	русские	австрийцы	русские	австрийцы	русские	австрийцы	русские	австрийцы	русские	австрийцы	русские	австрийцы
8-я армия							(приблизительно)							
Дубище, Корыто—20 *км*	8	5	1	—	128/24	55	106 000	40 000—45 000	286	180—200	118	50	85—90	—
11-я армия														
Участок Глядки, шоссе Тарнополь, Езерна—10 *км*	2	1	1	—	32/21	16	29 365	13 000	74	—	34	—	127	—
7-я армия														
Участок Гипсарка, Новоселка—13 *км*	3	2	2	1	48/48	21/31	44 245/10 669	21 540/3 000	152	89	23	12	206	193
9-я армия														
Миткеу, Доброновце — 15 *км*	3	2,5	2	—	48/48	29	46 000	20 000	205	145	43	20	250	150

Соотношение сил на участках главного удара вычислено с учетом как первых эшелонов, так и ближайших армейских резервов австрийцев. Это необходимо было сделать в силу трудности отделить оперативные резервы от частных войсковых, ибо их удаление не выходило из границ глубины тактической обороны и русским частям в первый же момент атаки пришлось иметь с ними боевые действия.

Если взять участок главного удара 8-й армии, где главным образом имелись армейские резервы австрийцев, получается, что в первом эшелоне австрийцы имели всего 2½ пехотные дивизии (часть 37-й, 2-ю и 70-ю пехотные дивизии) (см. схему 11), и тогда плотность обороны их первой линии была 1 пехотная дивизия на 8 *км* фронта.

Анализируя общее соотношение сил сторон, нетрудно заметить, что в целом Юго-западный фронт имел к началу прорыва незначительное превосходство над противником: в пехоте в 1,3 раза, а в артиллерии — всего в 1,1 раза.

Что же касается соотношения сил на участках главного удара, то русские имели превосходство над противником в пехоте в 2—2,5 раза

[1] Числитель—батальоны и штыки; знаменатель—эскадроны и сабли.

и в артиллерии — всего в 1,5—1,7 раза, что являлось крайне недостаточным для прорыва укрепленной полосы и, естественно, должно было снизить темпы операции, особенно при прорыве тактической глубины обороны.

13. Материальное обеспечение операции войск Юго-западного фронта в мае 1916 г.[1]

1) ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ АРТИЛЛЕРИЙСКОГО И ПРОДОВОЛЬСТВЕННОГО СНАБЖЕНИЯ И САНИТАРНОЙ ЭВАКУАЦИИ НА ЮГО-ЗАПАДНОМ ФРОНТЕ

а) Артиллерийское снабжение

Тыловым районом Юго-западного фронта являлась значительная часть территории Киевского и частично Московского военных округов со всеми учреждениями, расположенными в них. Организация фронтового и армейского тыла на театре военных действий определялась положением о полевом управлении в военное время, изданным в 1914 г. и затем уточнявшимся в течение войны.

Дополнения к этому положению касались главным образом артиллерийского снабжения, имея целью установить единство схемы снабжения.

31 января 1916 г. был уточнен порядок артиллерийского снабжения[2].

Центральным учреждением, ведающим артиллерийским снабжением, являлось ГАУ (Главное артиллерийское управление), с которым могло сноситься и давать заявки на пополнение артиллерийским имуществом и боеприпасами только управление полевого генерал-инспектора артиллерии при верховном главнокомандующем. Полевое управление генерал-инспектора, по требованию начальников артиллерийского снабжения фронтов, производило пополнение передовых и тыловых артиллерийских запасов армий и фронта.

Тыловой артиллерийский запас формировался по одному на каждый фронт и для Юго-западного фронта располагался в Киеве.

В распоряжении заведующих артиллерийской частью этапно-хозяйственных отделов штабов армий находился подвижный армейский артиллерийский запас, размещавшийся в 18 вагонах.

Пополнение подвижных армейских артиллерийских складов производилось начальниками артиллерийского снабжения фронта. Исключение составлял только Юго-западный фронт, где ген. Брусилов взял руководство подвозом огнеприпасов лично на себя, ука-

---

[1] Крайняя ограниченность архивного материала не позволяет более широко показать картину организации тыла Юго-западного фронта к началу прорыва. Скудный архивный материал позволил дать только общую схему материального обеспечения войск, без подробного анализа обеспеченности запасами всех армий. Но этого материала, как нам кажется, будет вполне достаточно для представления о том, как организован был армейский тыл в 1916 г., тем более, что данные схемы по 8-й и 11-й армиям являлись аналогичными почти для всех армий Юго-западного фронта.

[2] Приказ начальника штаба верховного главнокомандующего от 31 января 1916 г. № 122

зывая, какой армии, когда и сколько подать огнеприпасов. Подвижные армейские артиллерийские склады выделяли передовой артиллерийский запас и корпусные склады боевых припасов, располагавшиеся на железнодорожных станциях, ближайших к корпусам.

Подача огнеприпасов от передового артиллерийского склада до корпусных складов производилась средствами армейского транспорта, а далее к войскам — средствами войсковых частей.

В некоторых армейских складах Юго-западного фронта были образованы запасы трофейного оружия и патронов. Для ремонта винтовок и пулеметов во всех армиях и в некоторых корпусах были организованы ружейно-ремонтные мастерские.

Носимый запас солдата составлял 200 и более патронов вместо 255 патронов положенных, но и это число настолько обременяло солдата, что нередко он на походе выбрасывал их.

Юго-западный фронт на 19 мая (1 июня) был обеспечен боевыми припасами на каждую единицу оружия:

Армии	На винтовку		На пулемет	Снарядов на легкое орудие		На горное орудие		На мортиру	На гаубицу 6-дм.		На 42-линейную пушку		Примечание
	патронов русских	патронов австрийских		русских	австрийских	образца 1909 г.	образца 1907 г.		полевую	крепостную	полевую	крепостную	
8-я	246	352	12 000	1 002	1 075	725	—	623	698	—	634	476	По горной и тяжелой артиллерии австрийцев данных не имеется
11-я	254	—	12 000	882	—	817	—	511	1 000	616	603	—	
7-я	245	293	11 200	878	—	670	—	475	974	—	559	—	
9-я	243	524	12 000	895	1 015	457	—	396	1 105	—	566	—	

Кроме того, в запасе Юго-западного фронта имелось: 8,3 млн. русских и 47,3 млн. австрийских ружейных патронов, 759 900 русских и 129 600 австрийских снарядов для легкой артиллерии, 101 200 снарядов для горных орудий образца 1909 г. и 4 400 снарядов для горных орудий образца 1907 г., 10 000 мортирных снарядов, 7 200 снарядов для 6-дюймовых полевых гаубиц, 31 800 снарядов для 42-линейных полевых и 1 438 снарядов для 42-линейных крепостных пушек[1].

б) Санитарная эвакуация

Санитарное обслуживание войск Юго-западного фронта шло по линии санитарных учреждений военного ведомства, лечебных заведений Красного Креста, а также и других организаций.

Больной, попав в передовой отряд Красного Креста или дивизионный лазарет, в зависимости от необходимости, отправлялся в полевой подвижный госпиталь или в лазарет Красного Креста,

[1] ЦВИА, фонд 2003, дело 2404, л. 91.

откуда он мог быть отправлен в более глубокий тыл через эвакопункты фронта.

Следующая таблица показывает перечень эвакуационных пунктов и распределение военно-санитарных поездов с указанием районов их обращения на всем Юго-западном фронте во время прорыва [1]:

Наименование пунктов приписки и номера эвакуационных пунктов	Санитарные поезда			Рейс обращения
	полевые	тыловые	заразные	
Одесса, № 51	180, 1017, 1039, 2212, 2215, 2227, 2239	11	246, 1007	Одесса, Помощная, Знаменка, Користовка, Екатеринослав
Подволочиск, № 52	76, 77, 78, 79, 80, 94, 158, 162, 165, 170, 172	—	241	Подволочиск, Жмеринка, Вапнярка, Бобринская, Черкассы
Проскуров, № 53	153, 161, 163, 164, 179, 196, 198, 199, 200, 1034, 1038, 2225, 2240, 151, 175	—	242, 1005	Каменец-Подольск, Проскуров, Жмеринка, Слободка, Бирзула, Одесса, Гусятин, Ярмолинцы, Проскуров, Жмеринка, Одесса
Шепетовка, № 54	95, 96, 98, 110, 129, 139, 143, 155, 159, 169, 189, 230, 1028, 2201	—	197, 247	Киверцы, Клевань, Ровно, Казатин, Киев. Дубно, Здолбуново, Казатин, Киев
Окница, № 55	128, 2234	—	243	Новоселица, Слободка, Бирзула, Знаменка, Кременчуг, Полтава
Черкассы, № 56	132, 1009	47, 49	245	Черкассы, Харьков
Киев, № 57	116, 135, 220, 2206, 2213, 2222, 2223, 3004, 105, 1004, 1016, 2229	15, 51, 91, 92, 93	—	Киев, Курск. Для узкоколейной железной дороги — Круты, Чернигов
Полтава, № 58	108, 2202, 2230	—	—	Полтава, Харьков; Кременчуг, Харьков
Сарны, № 59	131, 2235	—	—	Сарны, Киев

Примечания:

1. В случае недостатка мест в Курском распределителе поезда из Киева отправлялись в Москву. Поезда с больными и ранеными военнопленными направлялись также в Москву.

2. В случае переполнения госпиталей в Черкассах поезда подволочискской приписки отправлялись в Киев.

[1] ЦВИА, фонд 2070, дело 2009, лл. 36—37.

Таким образом, широкая сеть санитарно-лечебных учреждений позволяла сравнительно легко справиться с большим потоком больных и раненых, направляя их во все концы России.

в) Продовольственное снабжение[1]

По докладу главного начальника снабжения Юго-западного фронта продовольствием и фуражом части были обеспечены достаточно. Запасы составляли: продовольствия на 2 месяца, зернового фуража на 46 дней и сена на 31 день[2].

Снабжение продовольствием и фуражом войск шло из Киевского и Черкасского базисных районов.

Киевский базисный район включал в себя значительную территорию, имея продовольственные магазины в Киеве, Дарнице, Жулены, Фастове, Бердичеве, Казатине, Житомире, Полонное, Новоград-Волынске, Староконстантинове, Коростене. Кроме того, в Дарнице имелся холодильник.

В Черкасском базисном районе располагались продовольственные магазины в Черкассах, Могилев-Подольске, Виннице, Вапнярке, Жмеринке, Липовцах, Кременчуге и Рахны.

Из продовольственных магазинов базисных районов продфураж поступал в магазины фронта, откуда направлялся в армейские расходные продовольственные магазины и далее на станции снабжения корпусов. Фронтовые продовольственные магазины располагались в Черном Острове, Волочиске, Окнице, Больших Пузырьках, Четырбоках, Войтовцах, Красилове, Базалии, Изяславле, Деражне, Липовцах, Бирзуле и Проскурове[3].

2) ОРГАНИЗАЦИЯ АРТИЛЛЕРИЙСКОГО И ПРОДФУРАЖНОГО СНАБЖЕНИЯ И САНИТАРНОЙ ЭВАКУАЦИИ В АРМИЯХ ЮГО-ЗАПАДНОГО ФРОНТА

а) Организация тыла 8-й армии

Артиллерийское снабжение (схема 18) шло из армейского склада в головные местные артиллерийские парки, располагавшиеся на станциях снабжения.

Войска обслуживались: 4-й и 5-й кавалерийские и 46-й армейский корпуса — половиной 82-го местного парка со ст. Антоновка; 30-й армейский корпус — половиной 82-го местного парка со ст. Брусилово; 39-й армейский корпус — половиной 12-го местного парка со ст. Клевань; 40-й и 8-й армейские корпуса — местным парком со ст. Ровно; 32-й армейский корпус получал боеприпасы, доставляемые местным парком со ст. Озеряны.

---

1 Рекомендуется пользоваться 10-верстной картой.
2 ЦВИА, дело 278—525, л. 214.
3 ЦВИА, фонд 2070, дело 1668, л. 28.

Передовой артиллерийский запас располагался на ст. Ровно. Резерв боевых припасов находился на ст. Здолбуново. Запас боевых припасов в войсках и местных парках 8-й армии составлял на 19 мая 1916 г.: винтовочных австрийских патронов 6,4 млн.; снарядов легких русских 156 900 и японских 52 000; снарядов горных для пушек образца 1909 г. 21 900; снарядов мортирных 14 400; снарядов 6-дюймовых крепостных 13 800; снарядов 42-линейных полевых 2 900 и крепостных 3 500.

Ощущался острый недостаток винтовочных русских патронов, некомплект которых достигал в войсках и войсковых парках до 2,9 млн. штук [1].

Продфуражное снабжение (схема 18) шло из армейских продовольственных магазинов, располагавшихся на станциях Сарны, Оженин, Кривин, Славута и Шепетовка.

Отсюда продфураж подвозился к станциям снабжения корпусов: 4-му кавалерийскому и 46-му армейскому корпусам на ст. Ровно; 39-му армейскому корпусу на ст. Здолбуново и 32-му армейскому корпусу на ст. Озеряны.

Со станций снабжения продфураж подвозился армейскими транспортами на корпусные обменные пункты и далее в части средствами войск.

Ежедневно 8-я армия получала 246 вагонов продовольствия и фуража [2].

Санитарное обслуживание [3] (схема 19) войск 8-й армии к началу прорыва происходило по линии санитарных учреждений, входящих в состав военного ведомства, и по линии гражданских учреждений Красного Креста.

Расположение лечебных заведений военного ведомства было следующее:

1. Лечебные заведения, приданные войскам

Перевязочные отряды при дивизиях:

4-го	кавалерийского	корпуса	и 77-й	пехотной	дивизии	в Полицы
			71-й	"	"	в Знамеровка
30-го	армейского	"	и 80-й	"	"	в Ничеговка
39-го	"	"	" 102-й	"	"	в Рубечка
			125-й	"		на высоте 92,2 (сев.-зап. Цумань)
40-го	"	"	и 2-й	стрелковой	"	на ст. Жуковка
			4-й	"	"	в Летчаны
32-го	"	"	и 101-й	пехотной	"	в Новины
			105-й	"	"	в Мирогощи
			14-й	"	"	в Городище

---

1 ЦВИА, фонд 2003, дело 2404, л. 91.
2 ЦВИА, дело 391—058, л. 118.
3 ЦВИА, фонд 2134, дело 419, л. 178.

8-го армейского корпуса и 15-й пехотной дивизии		в Дядкивичи
4-й Финляндской стрелковой дивизии		в Белая Криница

Дезинфекционные отряды при дивизиях:

77-й	пехотной	дивизии,	отряд	№ 111 в Полицы
71-й	"	"	"	№ 105 в Холоневичи
80-й	"	"	"	№ 114 в Ничеговка
102-й	"	"	"	№ 126 в Рубечка
125-й	"	"	"	№ 152 на выс. 92,2 (сев.-зап. Цумань)
2-й	стрелковой	"	"	№ 75 на ст. Жуков
4-й	"	"	"	№ 77 в Летчаны
101-й	пехотной	"	"	№ 125 в Косарево
105-й	"	"	"	№ 130 в Мирогощи
14-й	"	"	"	№ 21 в Городище
15-й	"	"	"	№ 22 в Грушевица
4-й	"	"	"	— в Белая Криница

Лазареты при дивизиях:

77-й	пехотной	дивизии	1-й в Любахи, 2-й во Владимирец
71-й	"	"	1-й в Мицк Б., 2-й в Яловица
80-й	"	"	1-й в Майданок, 2-й в Оссова
102-й	"	"	1-й в Броники, 2-й в Клевань
125-й	"	"	1-й в Оржево, 2-й в Олычка
2-й	стрелковой	"	1-й в Ядвиполь
4-й	"	"	1-й в Макатертах
101-й	пехотной	"	1-й в Божкевичи, 2-й в Косарево
105-й	"	"	1-й в Варковичи, 2-й в Мокрое
14-й	"	"	1-й в Городище, 2-й в Расники
15-й	"	"	1-й в Шпакове, 2-й в Омеляны
4-й	"	"	1-й в Бабин, 2-й в Ильин

Санитарно-гигиенические отряды:

№ 43 при 30-м армейском корпусе в Липно; № 54 при 39-м армейском корпусе в Клевань; № 55 при 40-м армейском корпусе в Сатиеве; № 47 при 32-м армейском корпусе в Млодава; № 10 при 8-м армейском корпусе в Ровно.

2. Лечебные заведения, не приданные войскам

Полевые подвижные госпитали:

№ 320, 372, 379, 380, 425, 448, 478 в Ровно; № 374 в Костополь; № 363 в Клевань; № 373 в Шпакове; № 336 в Здолбуново; № 385 в Дермане; № 361 в Шубков; № 504 в Белая Криница; № 35 в Острог; № 387 в Суск.

Полевые запасные госпитали:

№ 328, 270, 281 в Славута; № 301 в Острог; № 105 в Шубков; № 286 в Гоща.

Военно-санитарные транспорты:

№ 53, 323, 328 в Ровно; № 306 в Оссова; № 307 в Знамеровка; № 89 в Клевань; № 317 в Божкевичи; № 314 и 39 в Острог; № 325 в Куневе; № 333 в Шумск.

Автомобильно-санитарные отряды:

№ 12 в Клевань; № 8 на пути в Ровно.

Летучие санитарно-дезинфекционные отряды:

№ 3 при 39-м армейском корпусе в Клевань; № 13 при 361-м подвижном госпитале в Шубков; № 20 при 32-м армейском корпусе в Млодава; № 22 при 8-м армейском корпусе в Ровно; № 25 при 372-м подвижном госпитале в Ровно.

Отделения полевой аптеки:

Штатное подвижное отделение в Ровно; нештатное подвижное отделение в Здолбуново.

Эвакуационный пункт армии в Ровно.

Расположение лечебных заведений Красного Креста и других организаций см. схему 19.

Ветеринарное обслуживание (схема 19). Больные и раненые лошади после оказания первой помощи направлялись в этапные ветеринарные лазареты корпусов, откуда по мере необходимости эвакуировались в армейский дезинфекционный отряд (Ровно) или непосредственно в армейский этапный ветеринарный лазарет (ст. Казатин).

Корпусные ветеринарные этапные лазареты располагались: 4-го кавалерийского и 46-го армейского корпусов в Домбровица; 30-го и 39-го армейских корпусов в Ровно; 40-го армейского корпуса в Б. Омеляны; 8-го армейского корпуса в Здолбуново и 32-го армейского корпуса в Цуркове.

б) Организация тыла 11-й армии

(схемы 20 и 21)

Организация артиллерийского и продфуражного снабжения, а также санитарной и ветеринарной службы в 11-й армии показана на схемах 20 и 21. Только в 17-м армейском корпусе станции снабжения были удалены на 110—115 *км* (ст. Кривин и ст. Шепетовка). Это обстоятельство создавало трудности с подвозом всего необходимого частям 17-го армейского корпуса.

в) Организация тыла 9-й армии

9-я армия базировалась на железные дороги от Проскурова до Каменец-Подольска и от Окницы до Новоселицы, которые вполне справлялись с подвозом.

Станциями снабжения армии являлись: разрушенная ст. Новоселица, затем ст.ст. Мамалыга и Каменец-Подольск. 33-й и 41-й армейские корпуса базировались на ст. Каменец-Подольск, имея растяжку тыла до 50 *км*; 11-й и 12-й армейские корпуса базировались на ст.ст. Каменец-Подольск и Мамалыга, имея растяжку тыла до 50 *км*; сводный и 3-й кавалерийский корпуса базировались на ст. Новоселица, имея растяжку тыла до 20—30 *км* от линии фронта. Боеприпасами армия была обеспечена достаточно, имея в батареях, войсковых и местных парках следующее количество снарядов: легких — 87 тыс.; легких японских —15 тыс.; горных (для орудий обр. 1909 г.)—12 тыс.; мортирных —2 100; полевых 6-дюймовых — 6 700; полевых 42-линейных — 1 400. Нехватало винтовочных русских патронов. В 9-й армии некомплект русских патронов составлял 3 млн. штук, но он компенсировался наличием австрийских винтовочных патронов, запасы которых в армии достигали 5 млн. штук.

Продовольствием армия была обеспечена полностью. Головные склады корпусов имели запасы хлеба, крупы и жиров на 12 суток, мяса в живом скоте на 3 суток, фуража на 3 суток. Кроме того, ежедневно подвозилось 147 вагонов продфуража [1].

г) Выводы об организации тыла

Подводя краткие итоги организации тыла 8, 11 и 9-й армий, следует отметить вполне нормальное, не превышающее 25—30 *км*, удаление выгрузочных станций от войск.

Это позволило при скудных войсковых и армейских транспортных средствах нормально питать войска боеприпасами и продфуражом не только в исходном для наступления положении, но и в процессе самого наступления.

Наличие же развернутой сети санитарных учреждений обеспечивало бесперебойную эвакуацию больных и раненых бойцов.

В общем обеспеченность и растяжка тылов армий способствовали успешному наступлению армий Юго-западного фронта, и, как показывают архивные материалы, начальники всех командных инстанций проявили особую заботу о бесперебойной работе тыла.

14. Выводы о плане командования Юго-западного фронта

В Брусиловской операции была впервые за время войны проведена большая и тщательная подготовка прорыва.

Ген. Брусилов 20 мая (2 июня) докладывал в Ставку по прямому проводу: «Войска воодушевлены и ждут наступления» [2].

Однако с таким докладом ген. Брусилова согласиться нельзя.

Солдаты знали тяжелое положение своих семей в тылу и, кроме того, благодаря работе коммунистической партии, они начинали понимать и причины возникновения империалистической войны.

---

[1] ЦВИА, дело 391—058, л. 118.
[2] ЦВИА, фонд 2003, II, дело 1105, л. 311.

Поэтому среди солдат все время росло возмущение против царизма, которое еще сдерживалось и подавлялось репрессиями со стороны военно-полевых судов.

Прорыв тактической обороны австрийцев намечался при наличии нижеследующей средней плотности на участках главного удара:

Армии	На одну дивизию приходилось фронта (в *км*)	На 1 *км* приходилось							
		батальонов		штыков		орудий легких		орудий тяжелых	
		русских	австрийцев	русских	австрийцев	русских	австрийцев	русских	австрийцев
8-я армия . .	2,5	6,0	2,7	5 300	2 200—3 000	14	9—10	6	2,5
11-я армия . .	5	3,5	1,6	2 940	1 300	7,4	—	3,4	—
7-я армия . .	4	3,5	около 2	3 480	1 600	11,5	около 7	около 2	1
9-я армия . .	5	3	2	3 000	1 330	13	9,5	около 3	1,5

При этом нужно учитывать, что на участках главного удара отдельных корпусов плотность значительно увеличивалась, так как каждая армия на своем участке главного удара имела участки, где было большее уплотнение сил.

Так, например, в 8-й армии на участке Носовичи, Корыто протяжением в 6—8 *км* было сосредоточено 48 батальонов, 90 легких орудий, 36 гаубиц и 8 тяжелых пушек.

В 11-й армии на участке в 2 *км* имелось 12 батальонов, 44 легких и 10 тяжелых орудий.

В 7-й армии на участке 2-го армейского корпуса было сосредоточено 48 батальонов и 175 орудий.

В 9-й армии на участке в 3 *км* находилось 16 батальонов, 104 легких и 55 тяжелых орудий.

Анализируя оперативную и тактическую плотность на участках прорыва, нужно признать ее недостаточной при прорыве укрепленной полосы. В среднем на одну пехотную дивизию приходилось от 2,5 до 5 *км*.

Правда, командование Юго-западного фронта пыталось создать бо́льшую плотность как в пехоте, так и в артиллерии, но достигло этой цели за счет крайнего и совершенно недопустимого сокращения ширины фронта главного удара (2—6 *км*).

Если на подготовку прорыва тактической обороны австро-германцев было обращено особое внимание, то планирование операции по глубине и расчет средств и сил для превращения тактического успеха в оперативный планом штаба Юго-западного фронта не были предусмотрены.

Командующий Юго-западным фронтом ген. Брусилов, разрабатывая план фронтовой операции, избирает направление главного удара на Луцк, Ковель и далее на Брест-Литовск, чтобы заставить немцев отойти перед Западным фронтом.

«Ковель, Брест — вот руководящая идея для Юго-западного фронта», говорил ген. Брусилов на публичном заседании Военно-исторической комиссии 27 августа 1920 г. Он добросовестно стремился выполнить эту второстепенную задачу, при этом совершенно не подозревая будущего саботажа главнокомандующего Западным фронтом ген. Эверта. Ген. Брусилов требует активизировать весь Юго-западный фронт, ломая этим самым старые оперативные формы ведения операции, занесенные из французской армии.

Свой оперативный план он строил оперативно нецелеустремленно, не увязывая удары армий между собой для достижения общей цели — разгрома противника.

Это было по существу чисто фронтальное сражение с нанесением ударов на широком фронте и с ограниченными целями разбить живую силу противника и овладеть его позициями.

Между тем наличных сил было вполне достаточно, чтобы создать оперативные резервы в руках командующих армиями и особенно в 8-й армии.

2 кавалерийских корпуса, 2 пехотные дивизии (126-я пехотная и 2-я Финляндская стрелковая дивизии) и вновь прибывающий 5-й Сибирский корпус могли бы служить крупным оперативным резервом в руках командующего фронтом.

Однако ген. Брусилов не сумел использовать сильную конницу в качестве оперативного резерва, а обратил ее в средство прорыва укрепленной позиции австрийцев в лесисто-болотистой местности.

Отсутствие четко выраженной идеи операции у главнокомандующего Юго-западным фронтом неизбежно должно было сказаться и на выработке планов армий.

Принцип ген. Брусилова — не вмешиваться в инициативу частных начальников — в этой операции был вреден, так как предоставление свободы в выборе направления главного удара в армиях приводило к рассредоточенности оперативных усилий и к отсутствию увязки этих ударов между собой.

Все это являлось, как будет видно в дальнейшем, одной из причин того, что первоначальный крупный оперативный успех не превратился в стратегически законченную операцию.

Глава четвертая

Прорыв тактической обороны австро-германцев

с 22 мая (4 июня) по 25 мая (7 июня)

1. Наступление 8-й армии

(Схема 22)

Бои 22 мая (4 июня). С наступлением теплого летнего утра началась небывалой силы методическая артиллерийская подготовка на всем фронте.

Главная сила артиллерийского огня была обращена на фронт 2-й и южный фланг 37-й пехотных дивизий австрийцев.

Тяжелая и мортирная артиллерия вели разрушение укрепленных пунктов, а легкая артиллерия делала проходы в проволочных заграждениях. Огонь русской артиллерии производил большие повреждения, разрушая бруствер, засыпая окопы и ходы сообщения.

В группе ген. Зайончковского около 17 час. пехота бросилась в атаку в районе Черныж, но, встреченная сильным огнем австрийцев из капониров, смогла преодолеть местами одну или две линии заграждений, понеся потери 1 900 рядовых и 29 офицеров.

В 39-м армейском корпусе ввиду слабого разрушения артиллерийским огнем проволоки войска выбросили несколько партий подрывников, которые прорезали в районе Хромяково первую и частью вторую линию проволочных заграждений.

К полудню первая линия окопов у Ставок была разрушена. Передовые части 102-й пехотной дивизии переправились через р. Путоловка в районе Хромяково и окопались в 250 *м* от проволочных заграждений.

В 40-м армейском корпусе артиллерийским огнем к полудню были разрушены окопы первой линии и проволочные заграждения. На одном лишь участке 2-й стрелковой дивизии было проделано 11 проходов. Сила артиллерийского огня была настолько велика, что местами австрийцы бросили первую линию окопов. Этим воспользовались русские разведчики и проникли в австрийские окопы,

южнее дороги Олыка, Покащево, где захватили брошенные противником стрелковые щиты, винтовки и ручные гранаты.

4-я стрелковая дивизия в 23 часа заняла Жарнище.

В 8-м армейском корпусе легкая артиллерия проделала 38 проходов в проволочных заграждениях, а тяжелая артиллерия разрушила почти всю первую линию окопов, местами сняв совершенно перекрытие в убежищах.

К вечеру артиллерия проделала 51 проход в заграждениях, обратив в груду камней окопы второй линии.

Австрийцы усиленно отвечали на огонь артиллерии 8-го корпуса и обстреливали расположение войск минами с удушливыми газами.

В 32-м армейском корпусе артиллерийский огонь достиг наибольшего эффекта только на правом фланге, где было проделано 9 проходов и разрушено 7 фланкирующих построек [1].

К 21 часу командиры корпусов донесли в штаб армии о том, что результаты артиллерийской подготовки позволяют начать атаку в 10 час. 23 мая (5 июня). Исходя из этого, командующий 8-й армией отдал директиву, по которой предполагалось с рассветом 23 мая продолжать артиллерийскую подготовку, имея в виду начать общую атаку частями 39, 40, 8 и 32-го корпусов в 9 час. Той же директивой 12-й кавалерийской дивизии предлагалось в ночь на 23 мая перейти в район Крилов, Варковичи, Княгинин.

Во исполнение этой директивы на участках 39, 40 и 8-го корпусов всю ночь поддерживался артиллерийский огонь, не позволявший австрийцам исправлять произведенные днем 22 мая разрушения. С рассветом возобновилась артиллерийская подготовка.

Австро-венгерское командование 4-й армии по артиллерийскому огню русских определило контуры наступления 8-й армии и считало, что главный удар русских последует в полосе между железной дорогой Сарны, Ковель и Корыто. Для обеспечения этого фронта штаб 4-й армии поднял по тревоге 10-ю кавалерийскую дивизию и направил ее через Владимир-Волынск в район Луцка.

С той же целью штаб 10-го австрийского корпуса пододвинул ко второй оборонительной позиции 26-ю стрелковую бригаду в Хорлупы и 22-ю пехотную бригаду в Острожец, поставив им задачей не допустить развития успеха русских.

Австро-венгерское командование было уверено в прочности своего фронта. Ген. Линзинген, отдавая вечером 22 мая оперативный приказ, писал: «Численность противника и сравнительно небольшие потери, нанесенные огнем его артиллерии, не обещают русским успеха. Наступление на 4-ю пехотную дивизию штаб группы рассматривает как простую демонстрацию» [2]. И далее он выражал надежду, что «предпринятое русскими для уравновешивания успехов в Тироле слабое наступление будет сломлено» [3].

---

1 ЦВИА, фонд 2003, II, дело 1128, лл. 250 и 272.

2 Рейхсархив, т. X.

3 «Последняя австро-венгерская война 1914—1918 гг.», изд. Австрийского министерства обороны и военного архива, т. IV, ч. 2.

Бои 23 мая (5 июня). В 9 час. началась общая атака 39, 40 и 8-го армейских корпусов и 101-й пехотной дивизии 32-го армейского корпуса.

В 39-м армейском корпусе удалось занять первую линию австрийских окопов между Ставок и Хромяково.

В 40-м армейском корпусе сильным артиллерийским огнем был оглушен гарнизон участка 2-й австрийской пехотной дивизии, который попрятался в лисьих норах и прикрытиях. Огонь русской артиллерии был, видимо, настолько «ужасающим», как пишут официальные австро-венгерские источники, что австрийские войска не успели выскочить из своих убежищ и были пленены или убиты ручными гранатами стрелков 40-го армейского корпуса. В результате дня 40-й армейский корпус преодолел всю первую укрепленную полосу противника от Хромяково до Носовичи, захватив 90 офицеров и 6 000 солдат, много орудий, пулеметов и бомбометов.

8-й армейский корпус овладел одной, а местами двумя линиями окопов, взяв свыше 2 000 пленных и пулеметы.

В 32-м армейском корпусе попытки прорвать австрийскую оборонительную полосу не увенчались успехом вследствие сильного перекрестного артиллерийского огня противника и разрозненности атак русских частей. Видя неудачные атаки, командование армии подкрепило корпус бригадой 2-й Финляндской стрелковой дивизии. Одновременно с атакой ударных корпусов пытался наступать 30-й армейский корпус в районе Черныж, но, понеся большие потери, остановился на австрийских заграждениях.

Таким образом, в первый же день атака центральных корпусов 8-й армии имела полный успех. Русские заняли на широком фронте первую укрепленную полосу противника, взяв до 15 000 пленных, орудия и много другого военного имущества. Поэтому командующий 8-й армией потребовал от всех корпусов армии «продолжать выполнение возложенных на них задач, а командирам 8-го и 32-го корпусов напрячь все усилия для самого энергичного наступления в указанных направлениях»[1].

Одновременно было отдано распоряжение о смене 4-го кавалерийского корпуса частями 46-го армейского корпуса. Последнему была поставлена задача прорвать расположение австрийцев и обеспечить ввод 4-го кавалерийского корпуса в прорыв в общем направлении на Ковель для содействия общему наступлению 8-й армии. 12-я кавалерийская дивизия получила задачу перейти в район Метельно, Летчаны, Суховец.

В тот же день командующий 8-й армией просил ген. Брусилова передать в его распоряжение 126-ю пехотную дивизию на случай непредвиденных осложнений и получил на это согласие, но с условием не вводить ее в бой до прибытия 5-го Сибирского корпуса.

Командующий 4-й австро-венгерской армией пытался контратаками частных резервов остановить наступление русских, но успеха не имел.

Артиллерийский огонь русских сильно парализовал действия ав-

---

1 ЦВИА, фонд 2003, II, дело 1128, л. 273.

стрийских частей и произвел довольно большие разрушения их позиций. 2-я и 70-я пехотные дивизии понесли большие потери. В частях 70-й пехотной дивизии потери достигали 5 450 человек из 12 200 человек, а в частях 2-й пехотной дивизии осталось: в 82-м пехотном полку из 5 330 человек всего 718, в 40-м пехотном полку из 5 000 человек 270 и в 18-м пехотном полку 140 человек. К вечеру командование 4-й австрийской армией находилось перед печальным фактом прорыва их позиций русскими на луцком направлении.

Войска противника понесли большие потери и отошли на вторую, менее подготовленную оборонительную полосу. Главная масса армейских резервов уже была израсходована по частям. Поэтому перспективы дальнейшей борьбы не предвещали успеха. Учтя все это, командование 10-го австрийского корпуса поставило вопрос о глубоком отходе луцкой группировки австрийцев на запад. Штаб группы Линзингена разрешения на отход не дал и пытался еще усилить луцкое направление, выделив 89-ю стрелковую бригаду 45-й дивизии из Колки в Пальча и направив туда же по железной дороге 5 германских батальонов 41-го резервного корпуса для формирования сводной дивизии.

24 мая (6 июня) части 8-й армии продолжали выполнение приказа командующего армией о развитии достигнутого успеха.

4-й кавалерийский и 46-й армейский корпуса всю ночь производили смену. К утру 4-й кавалерийский корпус был отведен в район Бельска-Воля, Собещица.

46-й армейский корпус с утра пытался атаковать австрийцев на фронте Вулька-Галузийская, Костюхновка, но успеха не имел, ограничившись местами захватом только первой полосы заграждений. На остальном фронте армии наступление развивалось более успешно.

Группа ген. Зайончковского овладела всей первой линией окопов австрийцев — от р. Стырь до Богуславка.

39-й армейский корпус, захватив 6 офицеров и около 1 200 солдат, орудия, пулеметы и бомбометы, к вечеру вышел на линию Сильно, Пальча.

40-й армейский корпус за этот день достиг наибольших результатов, с утра перейдя к преследованию противника.

Преодолевая контратаки австрийцев, он вышел на линию Зверов, Гаразджа, продвинувшись, таким образом, в глубину обороны противника на 17 *км*.

8-й армейский корпус с утра преследовал противника, который не оказывал почти никакого сопротивления, массами сдавался в плен и бросал военное имущество.

К вечеру этого же дня корпус вышел на линию Верховка, Острожец, продвинувшись, таким образом, за день на 6—8 *км* в глубину австрийской обороны.

32-й армейский корпус, усиленный 2-й Финляндской стрелковой дивизией, имел успех только на правом фланге, достигнув к вечеру рубежа Пьяне, Муравица. Левый же фланг корпуса продолжал оставаться в исходном для атаки положении.

В результате боев 24 мая для командующего 8-й армией было ясно, что австрийцы отходят перед центральной группой армии, о чем доносили и командиры корпусов, и поэтому он требует от частей с рассветом 25 мая (7 июня) продолжать преследование разбитого и дезорганизованного противника. «Требую, — писал он, — от всех крайнего напряжения сил, чтобы добить противника на Стыри и захватить переправы. 8-му корпусу держать свои резервы и тяжелую артиллерию за правым флангом для операции к Луцку. Раздельную линию между 8-м и 32-м корпусом назначаю от Пьяне на Крупы» [1].

В свою очередь, ген. Брусилов отдал приказание непосредственно командиру 4-го кавалерийского корпуса ген. Гилленшмидту с требованием решительных и быстрых действий. Он писал: «Обращаю Ваше усиленное внимание на необходимость проникновения в глубокий тыл и перехвата линии железных дорог Ковель, Сарны и в особенности Ковель, Луцк» [2].

12-я кавалерийская дивизия, сосредоточившаяся к ночи в Бакорин, получила задачу с рассветом преследовать австрийцев на фронте Чекно, Торговица.

День 24 мая (6 июня) был особенно тяжелым для 10-го австрийского корпуса и корпуса Шурмая. Все частные резервы были использованы, и больше не оставалось сил сдерживать наступление русских. Большинство австрийских частей было разбито, пленено, а остальные не внушали доверия к их оборонительным способностям.

Штаб 4-й австрийской армии должен был считаться с возможным рызрывом в стыке 10-го корпуса с корпусом Шурмая. Это открывало бы свободный путь на Луцк. Поэтому командующий 4-й армией приказал своему последнему резерву — группа ген. Бауэра, пешие отряды 10-й кавалерийской дивизии, усиленные артиллерией и пулеметами, 8-я кавалерийская бригада и остатки 40-го пехотного полка — занять Луцкое предмостное укрепление.

Одновременно был отдан приказ об уводе всех обозов за р. Стырь и поднят вопрос перед высшим командованием об отводе армии за ту же реку.

Между тем расстройство в войсках центральных австрийских корпусов возрастало. Части корпуса Шурмая бросились к р. Стырь, и только поздно вечером 7-й пехотной дивизии удалось занять переправы от Войница до Торговица. Севернее до Яловичи собирались части 70-й пехотной дивизии, а в Крупы сосредоточились остатки 208-й бригады.

Части 10-го корпуса (остатки 40-го пехотного полка — 600 штыков и группа ген. Бауэра) отошли на предмостные укрепленные позиции в районе Крупы, Потгайцы, остатки 13-й пехотной дивизии и 19-й бригады заняли оборону до Поддубцы, а остатки 37-й пехотной дивизии располагались до р. Конопелька.

2-й австрийский корпус отошел и перешел к обороне в лесисто-болотистом районе на фронте Гавчицы, Софиевка, Журавичи, Колки.

1 ЦВИА, фонд 2003, дело 1128, л. 303.
2 ЦВИА, фонд 2003, дело 513, л. 185.

89-я стрелковая бригада прибыла около полуночи к Киверцы. Главное австро-венгерское командование, обеспокоенное разгромом 4-й австрийской армии, решает принять меры по обеспечению луцкого направления и с этой целью стягивает в 4-ю армию все имеющиеся под рукой резервы. Для этой цели перебрасываются: 2-я кавалерийская бригада из группы Гронау, 28-я бригада из армейской группы Леопольда Баварского и 29-я пехотная дивизия из 2-й армии.

Все эти войска, а также 89-я стрелковая бригада должны были составить группу Бернарди.

Бои 25 мая (7 июня). В 46-м армейском корпусе наступление развивалось только частями 77-й пехотной дивизии на фронте Оптов, Костюхновка. Однако это наступление протекало крайне медленно, со значительными потерями, и дальше заграждений противника русские части не продвинулись.

В 30-м армейском корпусе на фронте от Стыри до Журавичи австрийцы были сбиты и отступали в направлении на Навоз, задержавшись лишь у Колки. Части 30-го армейского корпуса к исходу дня вышли на фронт: 2 *км* восточнее Колки, Журавичи, Софиевка, продвинувшись за день на 8—12 *км*.

39-й армейский корпус овладел линией Добрая, Гавчицы и с боем занял ст. Киверцы, продвинувшись за день на 10 *км*.

40-й армейский корпус вел наиболее сильные бои. Преодолев после ряда атак Луцкий тет-де-пон на фронте Киверцы, Терем, корпус сокрушительным ударом обратил австрийцев в бегство.

8-й армейский корпус после упорного боя овладел укрепленной позицией по линии Потгайцы, Крупы. К 20 час. части 15-й пехотной дивизии захватили г. Луцк.

В 32-м армейском корпусе частями 101-й пехотной дивизии была захвачена Торговица и частично совершена переправа на западный берег р. Иква.

На левом фланге корпуса был атакован тет-де-пон у Добрятина, откуда австрийцы бежали, предварительно взорвав все мосты на р. Иква. На остальном фронте корпуса положение оставалось без особых перемен.

12-я кавалерийская дивизия пыталась в районе Ярославичи переправиться через р. Стырь, но, встретив проволочные заграждения, успеха не имела.

126-я пехотная дивизия перешла в район Пальча, Олыка, находясь в армейском резерве.

К исходу этого же дня начали прибывать головные части 5-го Сибирского корпуса, высаживаясь на ст.ст. Клевань, Ровно и Здолбуново.

Подводя итоги боевых действий, необходимо отметить крупный успех, которого достигла 8-я армия, совершив прорыв австрийских позиций на фронте 70—80 *км* и продвинувшись в глубь расположения противника на 25—35 *км*.

Уже к 26 мая (8 июня) можно было констатировать полный разгром 4-й австрийской армии эрцгерцога Иосифа-Фердинанда в излучине р. Стырь. Офицерство было деморализовано и бросило свои

части на произвол судьбы. 4-я австрийская армия представляла собой в этот момент толпу безоружных людей, из которых одни бежали в панике через г. Луцк, бросая все на своем пути, а другие массами сдавались в плен.

Наибольшему разгрому подверглись 2, 13 и 11-я дивизии противника, численность которых теперь составляла 2 тыс. человек вместо 61 тыс., а остатки 37-й и 70-й дивизий были сведены в 5—6 слабых батальонов.

В период с 23 по 25 мая было взято в плен 922 офицера, 43 625 солдат и захвачено 66 орудий, 150 пулеметов, 21 миномет, много винтовок, патронов, целые склады снарядов и другого военного имущества[1].

В свою очередь, потери 8-й армии исчислялись довольно внушительными цифрами, достигая убитыми 6 тыс. человек, ранеными 26 тыс. человек и пропавшими без вести 1 000 человек солдат и офицеров, что составляло 15% от общего числа армии.

Несмотря на такие тяжелые потери, 8-я армия продолжала оставаться вполне боеспособной армией для развития успешных действий.

Оперативная обстановка благоприятствовала развитию первоначального успеха в стратегически законченную операцию. 8-я армия, выдвинувшись четырьмя ударными корпусами (39, 40, 8-й и часть 32-го) на фронте Колки, Киверцы, Луцк, Потгайцы, р. Иква, Млынов, получила оперативный простор для разгрома австрийских армий.

Фронт армии представлял выпуклую дугу с наибольшим вклинением у Луцка. Это создавало очень выгодное исходное положение для удара в юго-западном направлении по тылам 1-й и 2-й австрийских армий, остававшихся еще на прежних позициях по р. Иква.

Однако командующий 8-й армией, а затем, как будет видно дальше, и ген. Брусилов отказываются от этого маневра.

25 мая (7 июня) командующий 8-й армией, испрашивая директив о дальнейших действиях, сообщил ген. Брусилову свой план, по которому 8-я армия должна была: 1) овладеть р. Стырь на участке от Колки до Торговица, с выпрямлением правого фланга на линию Островск, Галузия, Маневичи; 2) район Рожище, Луцк приготовить как активный, а район Колки укрепить; 3) после этого овладеть линией р. Иква и далее фронтом Красное, Демидовка; 4) 5-й Сибирский корпус использовать на левом фланге армии на дубненском направлении вместо 105-й пехотной дивизии; 5) армейский резерв иметь в составе двух Финляндских и 105-й пехотной дивизий[2].

Таким образом, командующий 8-й армией решил отказаться от задачи по разгрому противника, а стремился только улучшить и обеспечить свое положение, совершенно не понимая создавшейся благоприятной обстановки для русских.

В развитие этого плана командующий 8-й армией отдал приказ

---

[1] ЦВИА, фонд 2003, дело 957, лл. 1—6.
[2] ЦВИА, фонд 2134, дело 1—117, лл. 24—25.

(№ 01997), согласно которого: 46-й армейский корпус должен был продолжать атаку противника и обеспечить ввод 4-го кавалерийского корпуса; 30-й армейский корпус по овладении районом Колки продолжает энергично теснить австрийцев в направлении на Навоз; 39-й армейский корпус овладевает Рожище и главными силами должен закрепиться на правом берегу р. Стырь; 40-му и 8-му армейским корпусам надлежало выдвинуть авангарды на линию Боголюбы, Забороль, Городище, Полонка; 32-й армейский корпус должен был утвердиться на правом берегу рр. Стырь и Иква на участке Яловичи, Муравица [1].

12-й кавалерийской дивизии особым приказом ставилась задача преследовать австрийцев в направлении на Чаруков, одновременно выдвинув разведку на фронт Торчин, Горохов.

Одновременно ген. Брусилов, недовольный пассивностью действий 4-го кавалерийского корпуса, категорически потребовал от него «немедленно, во что бы то ни стало, пробиться и произвести набег, не выжидая результата атаки 46-го корпуса. Пробиться должно на линию Кухоцка-Воля, Езерцы, Серхов частями спешенной конницы. Если Гилленшмидт это выполнить не может, то сменить, назначить Володченко» [2].

Утром 25 мая (7 июня) штаб 4-й австрийской армии перешел из Луцка в Переспу. Австрийцам не удалось произвести контрудара группой Бернарди от Киверцы, как это намечалось планом ген. Линзингена.

Это произошло вследствие того, что русские захватили Киверцы раньше, чем австрийцам удалось подвести свою ударную группу к этому пункту.

Ген. Линзинген отдал указание о сосредоточении этой группы в районе Рожище, Переспа. Обстановка с каждым часом осложнялась. После полудня приказом австрийского главного командования был смещен командующий 4-й армией эрцгерцог Иосиф-Фердинанд и вместо него назначен маршал Терштпянский.

В этот момент бой за Луцкое предмостное укрепление достиг наивысшего напряжения.

40-й и 8-й армейские корпуса русских начали артиллерийскую подготовку. Штаб 10-го австрийского корпуса имел мало надежды на длительное удержание предмостного укрепления. Войска измучены, можно еще держаться день, но не ночь,— таковы были донесения в штаб 4-й австрийской армии.

Несмотря на это, ген. Линзинген требовал упорной обороны. Между тем русские корпуса открыли ураганный огонь. Положение австрийцев становилось критическим. В их войсках возникла паника. Ею захвачены были не только пехота, но и артиллерия. Части австрийских войск бежали с поля боя через мосты у Борятин и Поттайцы. В 19 час. в штаб ген. Линзингена поступает донесение: «Полный разгром; наши войска уже никуда не годятся» [3].

---

[1] ЦВИА, фонд 2134, дело 1—117, л. 25.
[2] ЦВИА, фонд 2003, дело 1128, л. 327.
[3] «Последняя австро-венгерская война 1914—1918 гг.», изд. Австрийского министерства обороны и военного архива, т. IV, ч. 2.

25 мая (7 июня) в 19 ч. 20 м. последовало разрешение ген. Линзингена на отвод 4-й австрийской армии за р. Стырь.

Во исполнение этого корпус Шурмая должен был отойти на фронт Войница, Полонка; 10-й австрийский корпус отходил на рубеж Полонка, Жидичин; севернее должна была отходить группа Бернарди до р. Конопелька, и 2-й австрийский корпус должен был занимать правый берег р. Стырь от р. Конопелька до Колки.

Армейский резерв состоял из 10-й и 4-й кавалерийских дивизий и располагался в Забороль. Штаб 4-й армии перешел во Владимир-Волынск.

Отход 10-го австрийского корпуса происходил с большими потерями. Отряд группы Бауэра попал в плен. Много австрийских солдат утонуло в р. Стырь при попытке спастись вплавь.

Такое же положение было и в корпусе Шурмая, где в одной 7-й австрийской пехотной дивизии численностью 18 тыс. бойцов осталось только 3 тыс. человек. Остальные части 4-й австрийской армии за четыре дня боев также понесли большие потери убитыми, ранеными, больными и пленными. Эти потери достигали во 2-й пехотной дивизии 11 600, в 4-й пехотной дивизии 5 700, в 11-й пехотной дивизии 13 900, в 13-й стрелковой дивизии 11 700, в 37-й резервной дивизии 13 600, в 41-й пехотной дивизии 5 300, в 70-й пехотной дивизии 10 300 человек. В одни полевые госпитали поступило 17 тыс. раненых и 5 тыс. больных солдат и офицеров.

Моральное состояние австрийских войск было тяжелое. Они потеряли веру в себя и в свое командование. Образовался разрыв до 15—20 *км* между 4-й и 1-й армиями. Надежд на прибывающее подкрепление было немного, так как, подхваченное лавиной отступающих войск, оно не могло оказать какой-либо помощи.

Поэтому австрийское командование с наступлением темноты отвело 4-ю австрийскую армию на западный берег р. Стырь, а ген. Линзинген окончательно отказывается от контрудара. Он начинает заботиться о том, чтобы удержать рубеж р. Стырь остатками 10-го корпуса и корпуса Шурмая.

2. Наступление 11-й армии

(Схема 23)

С рассветом 22 мая (4 июня) на фронте ударных групп началась артиллерийская подготовка, продолжавшаяся до 14 час.

Атака 6-го армейского корпуса была встречена сильной контрартиллерийской подготовкой и успеха не имела, так как удар пришелся по самому сильному месту австрийской укрепленной полосы. Овладев отдельными высотами в районе расположения противника, 6-й армейский корпус контратаками австрийцев был отброшен в исходное положение.

Все дальнейшие его атаки сравнительно легко отбивались противником с большими потерями для корпуса. В первый день корпус потерял 5 тыс. бойцов. В повторных атаках корпус потерял до 50% своего боевого состава.

При этом какой-либо помощи от соседних 7-го и 18-го армейских корпусов оказано не было. Все их действия ограничились демонстрацией в виде поисков крупных разведывательных партий, не давших положительных результатов.

18-й армейский корпус оправдывал свое бездействие следующим: «Снаряды, предназначенные для задач, израсходованы все. Будущие действия в соответствии с данными разведки и отпуском патронов. Имеющимися патронами можем оборонять только свой участок» [1].

17-й армейский корпус неожиданно добился крупного успеха в районе Сопанова. После девятичасовой артиллерийской подготовки корпус прорвал и захватил три линии окопов. Было взято в плен несколько десятков офицеров, свыше 2 800 солдат, пулеметы, бомбометы и 3 500 винтовок. Захваченные окопы оказались заваленными убитыми и ранеными австрийцами.

23 мая (5 июня) 17-й армейский корпус продолжал выполнять поставленную ранее задачу, перенеся атаки на фронт Сопановчик, Миньковцы. К вечеру корпус имел полный успех. «Противник дрогнул,— сообщалось в оперативной сводке 11-й армии,— и начал сдаваться в плен. Часть его побежала к Турийской роще, но огневой завесой была вынуждена повернуть обратно и сдаться. Количество пленных — приблизительно 2 000—3 000 человек» [2]. Всего в боях за 22 и 23 мая было взято в плен 130 офицеров, 5 580 солдат, 2 противоштурмовых орудия, 25 пулеметов и 40 бомбометов [3].

В итоге двухдневных боев фронт противника был прорван, и создавалось выгодное исходное положение для последующего наступления совместно с 8-й армией в тыл австрийцам, действующим в районе «Дубненских садов».

Однако командующий 11-й армией требует от командира 17-го армейского корпуса не предпринимать дальнейшего продвижения в районе Сопановского плацдарма, а, ограничившись закреплением на этом участке, подготовить наступление в Богдановском районе.

24 мая (6 июня) ген. Сахаров убедился в безуспешности атаки ударного 6-го армейского корпуса и решил использовать успех 17-го армейского корпуса у Сопанова.

С этой целью он перебрасывает Заамурскую кавалерийскую дивизию в район Сопанов, Кременец с задачей действовать по тылам австрийцев «в направлении ст. Рудня-Почаевская и по возможности на Броды, Подкамень» [4].

Зная это, командир 17-го армейского корпуса решил закрепиться на достигнутом рубеже, имея в виду с прибытием Заамурской кавалерийской дивизии 25 мая развивать успех в тесном взаимодействии с нею.

В 23 часа 25 мая Сопановская группа войск 17-го армейского корпуса перешла в наступление, но была встречена энергичными контратаками австрийцев и успеха не имела.

---

1 Из донесения штаба 37-й пехотной дивизии, ЦВИА, дело 7634.
2 ЦВИА, фонд 2003, дело 962, лл. 89—96.
3 ЦВИА, фонд 2003, дело 1128, лл. 296—297.
4 ЦВИА, фонд 2067, дело 5342.

Командующий 11-й армией, учитывая крайнее утомление и большие потери, понесенные войсками корпуса, вынужден был отсрочить атаку на 27 мая (9 июня), одновременно стремясь облегчить положение 6-го армейского корпуса, подготовлявшего третью атаку.

С этой целью он приказал 6-му армейскому корпусу: «С наступлением темноты сократить свой фронт на левом фланге до железной дороги Цебров, Тарнополь за счет удлинения фронта 18-го корпуса»[1].

В результате боев с 22 по 25 мая 11-я армия достигла относительно ограниченных успехов.

6-й ударный армейский корпус, имея задачей прорвать расположение австрийцев, после двух атак не добился успеха. 7-й и 18-й армейские корпуса ограничились лишь перестрелкой и отдельными поисками разведывательных партий, не оказав какой-либо помощи 6-му корпусу.

Что же касается действий 17-го армейского корпуса, то он ограничился только захватом небольшой территории и приостановил свое дальнейшее наступление.

Благодаря этому терялось время и предоставлялась австрийцам возможность принять меры для восстановления своего пошатнувшегося положения.

Успех русских войск у Сопанова вызвал тревогу в штабе группы Бем-Ермоли и заставил его передать из своего резерва в распоряжение 1-й армии три батальона 84-го пехотного полка. Кроме того, австро-венгерское командование приказывает начать выступление 25-й пехотной дивизии из района Демидовка в Рудня-Почаевская, куда также направлялись и батальоны 84-го пехотного полка.

3. Наступление 7-й армии

(Схема 24)

Утром 22 мая (4 июня) по всему фронту армии началась артиллерийская подготовка, организации которой было уделено особое внимание на участке ударного 2-го армейского корпуса.

Штабы начальников артиллерийской и ударной групп этого корпуса работали в полной связи между собой, сверяя донесения о разрушениях в проволочных заграждениях и окопах противника с наблюдательных артиллерийских пунктов и от начальников пехотных частей. На основании личных наблюдений и указанных донесений штабом артиллерийской группы делались распоряжения о переносе огня тяжелых и гаубичных батарей с разрушенных участков на новые и о взятии разрушенных участков под огонь легких батарей. Чтобы не позволить противнику за ночь восстановить разрушенные заграждения и окопы, а также для того, чтобы держать его все время в нервном напряжении, огонь продолжался без перерыва днем и ночью, с той только разницей, что ночью огонь велся

---

[1] ЦВИА, фонд 2067, дело 5342, л. 275.

с несколько меньшей интенсивностью и преимущественно шрапнелью.

С 00 ч. 30 м. до 2 ч. 23 мая огонь всей артиллерии был перенесен на тыловую позицию противника. В это время сильные разведывательные партии с саперами проверяли произведенные в заграждениях разрушения и расчищали их удлиненными пироксилиновыми зарядами. Задачи разведчиками были выполнены, несмотря на огонь противника, принявшего их действия, повидимому, за начало атаки. В 2 часа 24 мая части 2-го армейского корпуса пошли в атаку и ворвались на позиции противника на фронте Гипсарка, Новоселка, заняв 2—3 линии австрийских окопов. Огонь артиллерии, по свидетельству пленных, был так силен и атака настолько стремительна, что австрийцы потеряли всякое самообладание и способность защищаться. Подошедшие австрийские резервы произвели несколько бесплодных контратак, которые были легко отбиты. К вечеру полки 2-го армейского корпуса и туркестанцев заняли линию р. Язловчик, восточные склоны высот на шоссе Кошиловце, Язловец. Вечером 24 мая и ночью часть легких батарей перешла на новые позиции. 25 мая при содействии тяжелой артиллерии продолжалось развитие успеха в направлении на высоты севернее Язловец и Новоселка. К 22 час. после упорного боя и ряда контратак австрийцев со стороны Новоселки последние усилия противника были сломлены. Русские вышли на линию р. Ольховец, западная окраина Язловец, западная окраина Новоселки, отбросив и частично уничтожив 15-ю пехотную дивизию австрийцев.

Одновременно с решительной атакой 2-го армейского корпуса 22-й армейский корпус атаковал противника, а 16-й армейский корпус сковывал находившегося на его фронте противника поисками сильных партий и разрушением его искусственных препятствий подрывниками. 2-й кавалерийский корпус, находившийся в армейском резерве, утром 25 мая был подтянут в район ударной группы армии.

В результате боев 24—25 мая была прорвана сильно укрепленная позиция противника на участке Гипсарка, Новоселка, а противник вынужден был отойти за р. Стрыпа. Австрийцы потеряли пленными 243 офицера, 8 711 солдат, много орудий и пулеметов.

Таким образом, австрийский фронт был прорван и наступал благоприятный момент для ввода в прорыв 2-го кавалерийского корпуса. На ввод этого корпуса в прорыв командующий 7-й армией дал следующее распоряжение:

«Молодецкие части 2-го армейского корпуса и Туркестанской дивизии новым дружным натиском опрокинули австрийцев, ворвавшись на их плечах в Язловец, захватив много пленных и трофеев. Австрийцы в беспорядке отступают за Стрыпу. Приказываю 2-му кавалерийскому корпусу немедленно начать преследование, войти в прорыв Язловец, Новоселка и переправиться через Стрыпу на плечах отступающих для энергичных действий в общем направлении на фронт Монастержиска, Бучач. 2-му армейскому корпусу продолжать энергично выполнять поставленную ему задачу и развивать успех на Трибуховце. 16-му армейскому корпусу, сосредоточив резерв, подготовиться к атаке в направлении на Трибу-

ховце. 22-му армейскому корпусу продолжать выполнение задачи. Если бы обнаружился отход австрийцев, 16-му и 22-му корпусам немедленно атаковать на всем фронте»[1].

4. Наступление 9-й армии

(Схема 25)

22 мая 9-я армия начала свои действия газовой атакой в районе Черный Поток.

Утро было тихое, безветреное, и восходящее солнце ясно осветило расположение австрийцев, затрудняя им наблюдение за действиями русских войск.

Легкий туман благоприятствовал пуску газов. Вначале густое облако пущенного газа шло прямо на австрийские окопы, но через некоторое время поднялся легкий ветер, внезапно подувший с юга, и повернул часть газа обратно на русские позиции.

Все же, несмотря на эту неудачу, русская газовая атака навела на австрийцев панику.

В 6 час. вся артиллерия армии перешла к стрельбе на поражение, которая продолжалась в течение шести часов. Ровно в 12 час. 22 мая пехота ударной группы армии перешла в атаку, и к 15 час. войска 41-го и 11-го армейских корпусов овладели участком неприятельской передовой укрепленной полосы от Миткеу до Доброновце.

Отдельные передовые части даже доходили до Окна, но, контратакованные крупными резервами австрийцев, отошли на линию главных сил.

Одновременно Заамурская дивизия 33-го армейского корпуса атаковала и взяла первую линию австрийских окопов, но наступления не развивала, закрепившись на достигнутом рубеже.

На остальном фронте армии бои ограничились ружейной и артиллерийской перестрелкой.

В итоге за первые два дня армия имела крупные успехи на фронте ударных корпусов.

Если продвижение в глубину австрийской обороны было всего на 2—3 *км*, то захват в плен частями армии за один день 11 330 солдат, 305 офицеров, большого количества орудий и пулеметов говорил о том, что фронт австрийцев потрясен, и создавались предпосылки для успешного развития наступления.

То же самое отмечает и австрийская литература. Австрийцы писали, что «с открытием артиллерийского огня русских австрийские войска убежали в лисьи норы. В 12 час. огонь прекратился, и русская пехота раньше пришла в австрийские окопы, чем австрийские солдаты выскочили из лисьих нор.

Результат 4 июня был ужасный. Почти вся позиция была потеряна. Войска группы ген. Бенигни оказались в открытом поле»[2].

---

1. ЦВИА, фонд 2003, дело 1128, л. 348.

2. «Последняя австро-венгерская война 1914—1918 гг.», изд. Австрийского министерства обороны и военного архива, т. IV, ч. 3.

Тревога за группу ген. Бенигни заставляет австро-венгерское командование стягивать в район восточнее Юркутц свои резервы с других участков 7-й армии.

Из района 11-го австрийского корпуса перебрасываются 3 батальона 202-й бригады и бригада 5-й пехотной дивизии.

Спешат в Миткеу части 5-й и 8-й кавалерийских дивизий и 51-й пехотной дивизии, которым впоследствии удается закрыть прорыв. Одним словом, принимаются все меры, чтобы приостановить наступление русских корпусов.

В свою очередь, командующий 9-й русской армией на 23 мая (5 июня) требует от корпусов энергично развивать достигнутый успех, для чего усиливает 41-й армейский корпус одним полком 74-й пехотной дивизии из армейского резерва, а 11-й армейский корпус бригадой 12-й пехотной дивизии.

От сводного корпуса командарм потребовал более энергичного наступления для содействия 11-му армейскому корпусу.

В последующие дни части 9-й армии пытались выполнить приказ своего командующего, но противник отбивал эти попытки контратаками.

Армия не смогла развить успех, с одной стороны, в силу больших потерь в 11-м армейском корпусе, которые за два дня достигли 35% всего состава (убито: офицеров 20, солдат 1 719; ранено: офицеров 72, солдат 7 350 и не разыскано 1 390 человек), и, с другой стороны, из-за отсутствия на этом участке подвижной группы [1].

Только 25 мая австрийцы совершенно неожиданно для русских начали отход перед фронтом 33-го армейского корпуса за р. Днестр. Части 33-го армейского корпуса начали преследование и к исходу того же дня вышли к Днестру, где встретили сопротивление австрийских войск.

Одновременно 3-я Заамурская дивизия 41-го армейского корпуса ворвалась в укрепленную позицию австрийцев и заняла Окна.

К вечеру 25 мая части 41-го армейского корпуса вышли на фронт Зазулинце, высоты западнее Окна и высоты восточнее Нахорлоуц.

В этот день австрийцы начали контратаку против 11-й русской пехотной дивизии 11-го армейского корпуса, но, в свою очередь, были атакованы русскими войсками, после чего значительная часть австрийцев сдалась в плен.

В дальнейшем наступление правого фланга 11-го армейского корпуса встретило сильное сопротивление подошедших резервов австрийцев и развивалось крайне медленно. Относительно большие потери 11-го русского корпуса, а главное — отсутствие резервов на направлении главного удара вынудили командование 9-й армии 25 мая (7 июня) отдать приказ корпусам «прочно закрепить захваченное пространство и привести части в порядок. 33-му армейскому корпусу, наблюдая за Днестром, развить активные действия на фронте Залещинских предмостных укреплений» [2].

---

[1] ЦВИА, фонд 2003, дело 1128, л. 297.
[2] ЦВИА, фонд 2003, дело 1128, л. 330.

5. Мероприятия австро-германского командования по ликвидации прорыва на Юго-западном фронте

Рано утром 22 мая (4 июня) австро-германское главное командование получило первые сведения об атаках русских, а несколько позднее и приказ ген. Брусилова о наступлении.

Несмотря на это, штаб фронта и верховное командование продолжали рассматривать наступление русских, и в частности на луцком направлении, как простую демонстрацию.

Ген. Фалькенгайн пишет, что «дело шло совсем не об атаке в собственном смысле слова, но об усиленной разведке, которая должна была демонстрировать перед стесненными итальянцами участие в общем деле их союзников»[1].

Ген. Линзинген, докладывая Вильгельму, писал, «что он берет на себя обязательство удержать вверенный ему фронт против любого наступления стоящего против его позиций неприятеля и что если ему подвезут только 1—2 германские дивизии, то может вести успешное наступление на Ровно»[2]. Ген. Конрад также рассчитывал справиться с любым наступлением русских войск.

Наибольшее беспокойство в австро-венгерской главной квартире вызывала обстановка на фронте 7-й австрийской армии, где ее командующий ген. Пфлянцер-Балтин решил в ночь на 24 мая (6 июня) отвести войска за р. Днестр.

Но вот 25 мая (7 июня) стали поступать тревожные донесения о разгроме 4-й австрийской армии, в которой из 8½ пехотных дивизий вряд ли оставалась половина боеспособных частей. Поэтому ген. Конрад срочно требует помощи от Германии, считая невозможным восстановить своими средствами положение под Луцком.

Чтобы изменить обстановку в Галиции, по мнению ген. Конрада, германское командование должно отказаться от решительных действий на западноевропейском фронте, и в частности под Верденом, и перенести свои усилия в Галицию для подготовки контрудара, рассчитанного «на далекий размах».

Для ген. Фалькенгайна, когда стала известна катастрофическая обстановка под Луцком, не оставалось сомнения, что «без сильной немецкой поддержки в близком будущем всему фронту в Галиции грозит полный разгром»[3].

Германский империализм не мог допустить нового вторжения русских войск в Венгрию и новой угрозы Силезии.

Нужно было срочно выработать план ликвидации прорыва, и с этой целью 26 мая (8 июня) в Берлине состоялось совещание начальников генеральных штабов центральных держав, на котором и был разработан план дальнейших действий.

На совещании ген. Фалькенгайн категорически потребовал от Австрии прекратить наступление в Италии и принять меры к обороне Галиции. Германский генеральный штаб давал согласие на уси-

---

[1] Фалькенгайн, Верховное командование, стр. 224.
[2] Рейхсархив, т. X.
[3] Фалькенгайн, Верховное командование, стр. 225.

ление галицийского фронта, но потребовал в качестве гарантии передачу командования фронтом между рр. Припятью и Днестром германскому генералу Макензену.

Конечно, это предложение встретило категорическое возражение ген. Конрада как действие, ущемляющее права австро-венгерского генерального штаба и подрывающее его авторитет.

В конечном результате, после больших споров, был выработан план парирования удара русских под Луцком путем использования частных поддержек.

По этому плану в ближайшее время собирались все свободные резервы с фронтов принца Леопольда Баварского и Гинденбурга, с итальянского и западноевропейского, в общей сложности до 5 немецких и 3—4 австро-венгерских дивизий.

Эта ударная группа должна была в срочном порядке сосредоточиться в районе Ковеля под командованием ген. Линзингена с задачей повести контрнаступление в общем направлении на Луцк. С этой целью австро-венгерское командование отдало приказ перебросить 108-ю пехотную дивизию из Двинского района и бригаду 81-й резервной дивизии с пинского направления.

Вслед за ними намечались к переброске 10-й германский корпус (19-я и 20-я пехотные дивизии) с французского фронта, 29-я и 61-я пехотные дивизии с итальянского фронта, 4-я и 7-я кавалерийские дивизии с кременецкого направления.

Глава пятая

Развитие прорыва с 26 мая (8 июня) по 3 (16) июня

1. Характер действий 8-й армии 26 мая (8 июня)

(Схема 22)

С утра 26 мая войска приступили к выполнению отданного накануне приказания командующего армией. Бои 4-го кавалерийского корпуса развивались крайне медленно и клонились к явному неуспеху.

Наступление 46-го армейского корпуса также не имело успеха, если не считать захвата отдельных участков окопов первой линии в районах у Оптов, Цмины, Хряск и у Чарторийска.

Группа ген. Зайончковского заняла Колки, Разничи и Копыли частями 80-й пехотной дивизии. 71-я пехотная дивизия после боя у Лыще была в движении на Гадомичи.

39-й армейский корпус после упорного боя на восточном берегу р. Стырь стремительным ударом смял австрийцев и на их плечах ворвался в тет-де-пон на восточном берегу Стыри у Рожище, продолжая переправу у Кульчин.

Корпус за день взял 2 500 пленных австро-германцев, пулеметы и богатую добычу военного имущества.

40-й армейский корпус занял Боголюбы.

8-й армейский корпус своими авангардами выдвинулся на фронт Забороль, Городище, Полонка, имея главные силы в районе Луцк, Крупы.

В 32-м армейском корпусе действия ограничились только артиллерийским и ружейным огнем.

12-я кавалерийская дивизия ночь с 25 на 26 мая провела на отдыхе в Ярославичи. Прибывающий 5-й Сибирский корпус получил приказание от ген. Брусилова сосредоточиться между бывшей укрепленной позицией армии и р. Стубель, в районе Дубище, Носовичи, Метельно. Поэтому пункты высадки 50-й пехотной дивизии были перенесены на станции Клевань и Рубечка, а 6-я Сибирская дивизия, как уже высадившаяся, получила указание двинуться походным порядком в указанный район сосредоточения корпуса.

После полудня была расшифрована директива ген. Брусилова, которая утверждала план командующего 8-й армией и поставила ближайшей задачей армии «прочно утвердившись на р. Стырь, на участке Сокуль, Рожище, Луцк, Торговица, правым флангом наступать на фронт Островск, Кашовка, Сокуль, а левым флангом наступать на фронт Торговица, Демидовка, дабы облегчить переход в наступление правого фланга 11-й армии» [1].

В то же время Ставка, получив донесение об успехе в 8-й армии, правильно требует «расширять отверстие, образованное у Луцка, отбрасывая австрийцев пока меньшей частью сил 8-й армии на Владимир-Волынск, большей же частью давить в направлении Демидовки, заставляя противника очистить «Дубненские сады» [2].

Во исполнение этого указания Ставки ген. Брусилов дополнительной директивой дает распоряжение о наступлении на Демидовку, как ближайшую задачу армии для облегчения 17-го армейского корпуса, а 12-й кавалерийской дивизии ставит задачу преследовать отступающие обозы от Луцка.

С подходом 5-го Сибирского корпуса к Олыке предполагалось приступить к выполнению второй задачи 8-й армии — наступать на фронт Ковель, Владимир-Волынск, Сокаль.

Одновременно штаб фронта сообщал о перевозке в 8-ю армию штаба 45-го армейского корпуса со всеми учреждениями.

Разграничительная линия с 11-й армией устанавливалась через Детиничи, Берестечко, Стоянов, Сокаль.

2. Указания Ставки о плане дальнейших действий

В то время как на Юго-западном фронте развивались крупные события, Западный фронт занимался обильной перепиской об отсрочке наступления.

Начиная с 22 мая (4 июня) ген. Эверт стремится найти различные причины для оправдания своего нежелания наступать, меняя буквально каждый день районы главного удара.

Получив согласие от Ставки отложить наступление сперва на 31 мая, ген. Эверт вновь добивается разрешения отложить его на 4 (17) июня.

Но этот срок оказался не последним, и, как мы увидим дальше, ген. Эверт получает разрешение отложить атаку на первые числа июля.

Казалось бы, Ставка должна была учесть поведение командования Западного фронта и его нежелание наступать. Нужно было смело решить вопрос о перенесении главных усилий на Юго-западный фронт, где уже обозначился крупный оперативный успех.

Но Ставка еще колеблется с перенесением главного удара и, не изменяя своего прежнего плана, вносит только коррективы в директиву ген. Брусилова, направляя центр его усилий на Раву Русскую.

---

[1] Из директивы ген. Брусилова № 1594, ЦВИА, фонд 2003, дело 513, л. 194.
[2] ЦВИА, фонд 2067, дело 5272, л. 103.

Исходя из этого, начальник штаба верховного главнокомандующего 27 мая (9 июня) отдал половинчатую директиву (№ 2851), в которой указывалось:

«1. *Юго-западному фронту,* продолжая сковывать противника на Стрыпе скорее демонстративными боями, все силы и усилия свои сосредоточить на своем правом фланге, поставив главной задачей завершить поражение левого крыла австрийцев, отрезать их армию от Сана, путей сообщения на запад. Для сего надлежит правый фланг фронта выдвинуть первоначально на высоту Луцка и развивать дальнейший удар в общем направлении Луцк, Рава Русская. Сильным конным отрядом, деятельным и предприимчивым, прикрыться в стороне Кобрина, Бреста, откуда вероятно появление германских войск. Вообще обстановка требует смелых, настойчивых предприятий конницы всего фронта.

2. *Западному фронту* разрешается отложить начало главного удара до 4 июня, но возложить на левый фланг фронта обязанность не только приковать к себе противника, но и обеспечить справа указанный выше маневр Юго-западного фронта. Для сего — настойчивое стремление 31-го армейского корпуса овладеть Пинском и накопление сил для развития дальнейшего удара на Кобрин, Брест. Для сего, казалось бы, производство вспомогательного удара из района Барановичей надлежало переместить в район 31-го корпуса, усилив последний в возможной мере, имея в виду, что успехи его существенно облегчат развитие главного удара» [1].

Казалось бы, директива Ставки должна была раскрыть глаза ген. Брусилову на скрытый саботаж ген. Эверта и поставить перед ним вопрос об изменении своего первоначального плана, чего так настойчиво требовала обстановка.

Свои действия ген. Брусилов на публичном заседании Военно-исторической комиссии 27 августа 1920 г. оправдывал так: «Я стремился в поле, но только не искал этой войны в львовском направлении, а шел на Ковель, куда мне было указано и что я считал более полезным, так как Львов соответствовал интересам только моего фронта, а движение на Ковель облегчало выдвижение всех фронтов» [2].

Но это оправдание ген. Брусилова является несостоятельным, если учесть уже известный ему саботаж ген. Эверта. Для ген. Брусилова должно было быть ясным, что Юго-западный фронт должен будет вступить в единоборство с австро-германскими войсками и для этого необходим новый план операции. Однако он не решился на смелые перегруппировки и предпочитал выравнивать правый и левый фланги в тесной связи с войсками Западного фронта.

Исходя из этого, ген. Брусилов представляет в Ставку оперативный план дальнейших действий, по которому он отказывается выдвигать правый фланг 8-й армии, боясь риска оторваться от левофланговых частей Западного фронта.

---

[1] ЦВИА, фонд 2003, дело 1299, лл. 37—38.

[2] «Луцкий прорыв», Труды Военно-исторической комиссии, изд. ВСРС, 1927, стр. 23.

Видимо, у ген. Брусилова оставался еще в памяти случай удара австрийцев в 1915 г. из района Колки, который заставил тогда 8-ю армию отойти на восток. Но подобной угрозы пока еще не было.

Кроме того, ген. Брусилов считал, что, «при условии оставления фланга в Островске или же незначительного выдвижения его вперед, наступление 8-й армии на Раву Русскую повлечет за собой значительную растяжку ее, при наличии которой фронт не будет достаточно устойчив для противодействия удару противника»[1].

Исходя из этих соображений, ген. Брусилов считал необходимым до 4 (17) июня наступать правым флангом 8-й армии на Кашовку, а левым флангом в направлении на Демидовку с тем, чтобы облегчить положение 11-й армии и очистить от австрийцев «Дубненские сады».

В центре же, т. е. на луцком направлении, он решил оставаться на месте, ограничившись только высылкой вперед конных частей.

После 4 июня план предусматривал развитие решительных, активных действий правого фланга фронта в направлении на Раву Русскую, предварительно усилив 8-ю армию 5-м Сибирским и 23-м армейским корпусами.

Поэтому в период с 27 мая (9 июня) по 2 (15) июня части 8-й армии все свои активные действия переносят на фланги, производят перегруппировки, чем теряют время и дают возможность австро-германцам сосредоточить свои резервы к угрожаемому району.

3. Боевые действия 8-й армии с 27 мая (9 июня) по 29 мая (11 июня)

(Схема 22)

46-й армейский и 4-й кавалерийский корпуса в боях 27 и 28 мая не смогли достигнуть какого-либо успеха, и поэтому 29 мая было решено прекратить их попытки прорвать укрепленную полосу австрийцев. 7-я кавалерийская дивизия срочно направлялась в Луцк для совместных действий с 12-й кавалерийской дивизией.

Группа ген. Зайончковского вела наступление крайне вяло. Части 80-й пехотной дивизии вначале переправились через р. Стырь на фронте Семки, Копыли, но затем были австрийцами отброшены на южный берег этой реки.

71-я пехотная дивизия пыталась переправиться у Гадомичи, но успеха не имела. Переброшенная на левый фланг группы сводная кавалерийская дивизия выдвинулась в район Кобче и переправилась на левый берег р. Стырь.

В итоге группа ген. Зайончковского к 29 мая (11 июня) занимала фронт: 11-й кавалерийской дивизией — у Куликовичи, 30-м армейским корпусом — южный берег р. Стырь от Семки до Гадомичи и сводной кавалерийской дивизией — на западном берегу р. Стырь у Нов. Геленовка (5 *км* юго-западнее Сокуль).

39-й армейский корпус после горячего боя 28 мая захватил Рожище, причем было взято более 1 000 пленных германцев, орудия

[1] ЦВИА, фонд 2003, дело 1299, л. 45.

и пулеметы. Ночью корпус спокойно отдыхал, выдвинув сторожевое охранение на фронт Пожарки, Рудка.

40-й армейский корпус к 29 мая выдвинулся своими частями на фронт Залезцы, Станиславка, Ульяники.

8-й армейский корпус к тому же времени выдвигался на линию Шепель, Усичи, Городок.

12-я кавалерийская дивизия после кратковременного отдыха 28 мая у Борятина выступила для дальнейшего преследования австрийцев на Торчин, Свинюхи.

32-й армейский корпус искусным маневрированием и стремительным натиском 28 мая закончил операцию и занял Демидовку, захватив до 5 тыс. пленных, и заставил австрийцев очистить «Дубненские сады». Ударная группа корпуса (2-я Финляндская стрелковая и 101-я пехотная дивизии), обеспеченная справа 126-й пехотной дивизией в районе Яловичи, Красное, перешла к преследованию противника с линии Демидовка, Хорупань на фронт Козин, Верба.

105-я пехотная дивизия наступала на Б. Загорцы.

4. Мероприятия австро-германского командования

На луцком направлении ген. Линзинген 27 мая (9 июня) готовил ловушку для 8-й русской армии.

Рассчитывая, что она при преследовании возьмет направление от Луцка на северо-запад, он решил подготовить контрудар 1-й армией ген. Пухалло с юга во фланг и тыл русским. Как уже отмечалось выше, ген. Брусилов пока не пошел на север, а 28 мая начал развивать успех 32-м армейским корпусом на юго-запад, который атаковал 7-ю пехотную австрийскую дивизию и прорвал ее фронт.

Австрийское командование организует контрудары, в результате которых 71-я бригада 7-й пехотной дивизии и левый фланг 46-й пехотной дивизии австрийцев оказались разбитыми.

Получился разрыв до 35—45 *км* между 1-й и 4-й австрийскими армиями. Это вызвало сильнейшую тревогу в австрийской главной квартире за судьбу Львова.

В связи с этим армейской группе Бем-Ермоли приказывается срочно прикрыть Львов у Сокаля и Стоянова.

Одновременно, чтобы не подвергать особой опасности 1-ю армию, ген. Бем-Ермоли дал ей указание об отходе за рр. Пляшевка, Стырь и Липа.

Обеспечение разрыва между 1-й и 4-й армиями возлагалось на 7-ю и 4-ю кавалерийские дивизии, которые 31 мая направлялись: 7-я кавалерийская дивизия в Горохов, а 4-я кавалерийская дивизия в Голятин.

5. Перегруппировка на Юго-западном фронте

29 мая (11 июня), ввиду прибытия в состав Юго-западного фронта 5-го Сибирского и 23-го армейского корпусов, ген. Брусилов решил произвести перегруппировку корпусов по армиям, для

чего приказал: 8-й армии передать 32-й армейский корпус, 2-ю Финляндскую и 126-ю пехотные дивизии в 11-ю армию; последние две дивизии включались в состав 45-го армейского корпуса; 11-я армия должна была передать 18-й и 6-й армейские корпуса в 7-ю армию, получая, в свою очередь, от 7-й армии кавалерийскую дивизию; кроме того, 7-я армия получала 7-ю Кавказскую кавалерийскую дивизию из 9-й армии.

5-й Сибирский корпус переходил из резерва главнокомандующего Юго-западным фронтом в распоряжение командующего 8-й армией, а 23-й армейский корпус, сосредоточиваемый за 11-й армией, и 113-я пехотная дивизия, расположенная у Проскурова, составляли фронтовой резерв.

Изменялись также и разграничительные линии между армиями, проходя: между 8-й и 11-й армиями по линии Сокаль, Горохов, Чаруков, Яловичи, Пьяне, Зарецк, Квасилов, Киликиев, Чильек и между 11-й и 7-й армиями по линии Перемышляны, Зборов, Збараж, Семки.

Все перегруппировки строго указывалось закончить к 24 час. 31 мая.

Армиям ставилась задача по «упрочению и развитию успеха, достигнутого в последних боях, и главным образом — расширение прорыва в районе 8-й армии развитием действий на Кашовку и Демидовку» [1].

Благодаря этому и в 8-й армии пришлось произвести перегруппировку и наметить новые разграничительные линии между корпусами.

6. Боевые действия 8-й армии с 29 мая (11 июня) по 2 (15) июня

(Схема 22)

Командующий 8-й армией приказом № 114 от 29 мая поставил следующие задачи корпусам: 4-му кавалерийскому корпусу, заняв фронт Островск, Костюхновка, прикрывать правый фланг армии. Разграничительная линия с 46-м армейским корпусом — Костюхновка, Маневичи.

46-му армейскому корпусу продолжать наступление своим левым флангом в направлении Чарторийск, Маневичи. Граница с 30-м армейским корпусом устанавливалась по линии Новоселки, Оконск.

30-му армейскому корпусу до выхода 5-го Сибирского корпуса на линию Навоз, Пожарки, Рудка овладеть левым берегом р. Стырь, и в дальнейшем, наступая своим правым флангом, увязывать свои действия с 46-м армейским корпусом. Граница с 5-м Сибирским корпусом проходила по линии Навоз, Марьяновка.

5-й кавалерийский корпус выделялся из группы ген. Зайончковского и переходил в распоряжение командующего 8-й армией, имея задачей преследовать противника в направлении на Ковель, одно-

[1] ЦВИА, фонд 2003, дело 513, л. 203.

временно прикрывая действия 39-го и 40-го армейских корпусов от вероятных ударов австрийцев с северо-запада.

5-й Сибирский корпус должен был к полудню 31 мая перейти в район Навоз, Рожище, Суск, имея в виду в ночь на 1 июня произвести смену 5-го кавалерийского и 39-го армейского корпусов на фронте Навоз, Пожарки, Рудка. Граница с 39-м армейским корпусом устанавливалась по линии Валерьяновка, Рудка, Майдан.

12-я кавалерийская дивизия имела задачу продолжать преследование австрийцев в общем направлении на Владимир-Волынск.

7-я кавалерийская дивизия по прибытии в район Луцка должна была преследовать австрийцев в направлении Свинюхи, Сокаль.

39, 40 и 8-му армейским корпусам подтверждалась прежняя задача о временной приостановке наступления и закреплении на достигнутых рубежах [1].

В развитие этой директивы события на фронте 8-й армии протекали главным образом на флангах и особенно в районе «Дубненских садов».

На фронте 4-го кавалерийского, 46-го и 30-го армейских корпусов бои не увенчались успехом, и фронт этих соединений продолжал оставаться без изменений, занимая к 2 (15) июня правый берег р. Стырь: 4-м кавалерийским корпусом — от Островска до Костюхновки, 46-м армейским корпусом от Костюхновки до Новоселки и 30-м армейским корпусом от Новоселки до Гадомичи.

Попытки 5-го кавалерийского корпуса проникнуть на западный берег р. Стырь также не увенчались успехом, и корпус продолжал занимать фронт Гадомичи, Луков.

Бои в 5-м Сибирском корпусе развивались главным образом на его левом фланге, где корпус имел успех, дойдя до р. Стоход на фронте Линевка, Богушовка. Правый же фланг корпуса уперся в наскоро укрепленную позицию у Сокуль, Духче, подготовленную 2-м австрийским корпусом.

39, 40 и 8-й армейские корпуса, увлекаемые бегущими австрийцами, к исходу 2 (15) июня беспрепятственно достигли: 39-й армейский корпус — линии Богушовка, Марьяновка, Ясеновка, Синявка; 40-й армейский корпус — Твердыни, Оздютичи, Воймица и 8-й армейский корпус — Павловичи, Марковчи, Конюхи, Езерцы. 12-я и 7-я кавалерийские дивизии находились в разведке: первая в направлении на Владимир-Волынск и вторая на Сокаль. На левом фланге армии за этот промежуток времени отмечались успешные действия 32-го армейского корпуса во фланг и тыл Дубненской группировки 1-й австрийской армии. Организованный усиленным 32-м армейским корпусом удар в стык между 4-й и 1-й австрийскими армиями имел громаднейший успех и привел к разгрому 7-й и 46-й пехотных дивизий австрийцев. «Поспешное, почти паническое отступление по бездорожным «Дубненским садам»,— отмечает разведывательная сводка 8-й армии, — заставило австрийцев бросить все, что задерживало их отход. Пленные всех частей показывали, что растерян-

---

[1] ЦВИА, фонд 2134, дело 1—086, л. 86.

ность командования не поддается никакому описанию; многие части прямо бежали» [1].

В общем к 2 (15) июня 7-я пехотная дивизия австрийцев, потерявшая до ⅔ своего состава, отошла за рр. Липа и Стырь — на фронт Горохов, Берестечко, а 46-я пехотная дивизия, потерявшая до 50% своего состава, отошла за р. Пляшевка. К тому же времени части 32-го армейского корпуса русских вышли на фронт Звиняче, Липа и далее по рр. Стырь и Пляшевка до Козина.

7. Указания ген. Брусилова о дальнейших действиях 8-й армии

Начиная с 29 мая, командование Юго-западного фронта проявляло особую нервозность в отношении 8-й армии, что приводило к ряду противоречивых распоряжений.

За этот небольшой (29 мая — 2 июня) промежуток времени последовал ряд распоряжений, требующих от 8-й армии то наступления, то обороны.

Так, например, в директиве № 1677 от 31 мая ген. Брусилов требует от 8-й армии продолжения наступления на фронт Ковель, Владимир-Волынск, Порицк, Малятин, имея целью довершить поражение австро-германских войск в 25—40 *км* южнее Владимир-Волынска [2].

Но достаточно было пройти одним суткам, как ген. Брусилов пришел к прямо противоположному решению, указав директивой № 1723: «никаких передвижений на запад во владимир-волынском направлении не производить. Частям 40-го и 8-го корпусов, находящимся на этом фронте, закрепиться на выгодных рубежах, но отнюдь не выдвигаться для сего вперед» [3].

Той же директивой предлагалось 8-й армии сгруппировать не менее четырех дивизий на ковельском направлении, сняв нужное их количество с владимир-волынского и сокальского направлений.

Такая быстрая смена решений штаба фронта при управлении фронтовой операцией встречала законное недовольство частных начальников и усиливала неверие в оперативные способности высшего генералитета.

Поэтому не является голословным письмо к начальнику штаба верховного главнокомандующего одного из офицеров действующей армии, который писал, что «яд недоверия не только к умению, но и к добросовестности начальников настолько заразил армию, что лицу, хорошо знающему ее действительное настроение, трудно назвать три-четыре имени популярных и пользующихся доверием войск старших начальников» [4].

Так же не случайно появилась запись в журнале боевых действий штаба 8-й армии, где за 3 июня отмечалось: «Главнокомандующий Юго-западным фронтом, получив, повидимому, и по де-

---

1 ЦВИА, фонд, 2134, дело 1425, лл. 31—33.
2 ЦВИА, фонд 2003, дело 513, л. 213.
3 ЦВИА, фонд 2003, дело 513, л. 224.
4 ЦВИА, дело Ставки № 444, лл. 125—132.

лам основательную нахлобучку от начальника штаба верховного главнокомандующего, вдруг в одни сутки пришел к прямо противоположному решению»[1].

8. Итоги боевых действий 8-й армии и мероприятия австро-германского командования к 2 (15) июня

8-я русская армия за 11 дней боев достигла крупного оперативного успеха, разгромив австрийцев на ковельском и владимир-волынском направлениях.

Позиции австрийцев были прорваны на фронте 80 *км*, и центральные корпуса 8-й армии проникли в глубину расположения противника на 70—75 *км*.

Массовые показания пленных рисовали безнадежную картину австрийского отступления, когда толпа безоружных австрийских солдат различных частей 4-й армии бежала в панике через Луцк, бросая все на своем пути.

30 мая (12 июня) штаб группы ген. Линзингена получил ряд донесений, в которых писалось, что «4-я австрийская армия разбита и рассеяна. Где находятся ее разбитые части, мы не знаем. В настоящее время русские еще не заняли Ковеля. Однако очень сомнительно, сможет ли вообще 10-й германский корпус выгрузиться в Ковеле»[2].

Как уже известно, к этому времени все наличные резервы австрийцев были израсходованы, а отступающие австрийские дивизии к более или менее серьезному сопротивлению были абсолютно неспособны.

Между тем разрыв между 1-й и 4-й австрийскими армиями увеличивался все больше, несмотря на отчаянные попытки прикрыть его силами 7-й и 10-й кавалерийских дивизий.

И эту крайне благоприятную обстановку, позволяющую окончательно разгромить австрийцев южнее Полесья, ген. Брусилов не понял и не учел. По его прямому указанию, поддержанному Ставкой, 8-я армия приостанавливает наступление центральных корпусов и переносит активные действия на свои фланги.

У командования Юго-западным фронтом нехватило решительности изменить свой прежний план, уже не соответствующий обстановке. В силу этого австрийцы получают короткую передышку и возможность избегнуть более крупного разгрома.

Ген. Брусилов оправдывал свое решение о приостановке наступления 8-й армии отказом 3-й русской армии начать наступление до 4 июня и в связи с этим боязнью подвергать свой правый фланг контрударам противника[3].

Но эта мотивировка, как можно заключить из хода боевых действий, являлась несостоятельной. Приостановка наступления 8-й армии, а также пассивность Западного фронта позволили

---

1 ЦВИА, фонд 2134, дело 1—117, лл. 24—146.

2 Рейхсархив, т. X.

3 Из директивы ген. Брусилова № 1706, ЦВИА, фонд 2003, дело 513, л. 216.

австро-германскому командованию снять все свои резервы с других участков фронта и сосредоточить их против 8-й армии.

Вначале австрийцы бросают на ковельское направление отдельные батальоны 81-й и 82-й резервных дивизий и образуют из них группу ген. Руше.

В дальнейшем на это же направление австрийцы перебросили по железной дороге 74-й полк 29-й пехотной дивизии и 97-й полк 108-й пехотной дивизии, которые были брошены в бой у Павурска с целью прикрыть отход группы ген. Бернарди.

К 1 (14) июня прибыли из группы ген. Гронау и из Варшавы штаб 9-й кавалерийской дивизии и 2-я гвардейская кавалерийская бригада. К тому же сроку в Ковеле начали выгрузку головные части 10-го армейского корпуса германцев, перебрасываемого с французского фронта. За этими частями двигались 11-я баварская пехотная и 43-я резервная дивизии с западноевропейского фронта, 61-я венгерская пехотная дивизия с тирольского фронта и 4-я и 7-я австрийские кавалерийские дивизии с кременецкого и бродского направлений. Прибытие их ожидалось не ранее 4—10 июня. Ген. Линзинген, не желая ожидать прибытия всех подкреплений, считал, что русские поведут наступление на Ковель и этим самым явится возможность выиграть фланг русских. Он говорил: «Чем дальше русские будут продвигаться, тем больше они ослабят себя». Исходя из этого, он намечает провести контрудар против левого фланга русских.

По плану ген. Линзингена, создавалась *ударная группа* под командованием ген. Марвица в составе 10-го германского корпуса (19-я и 20-я пехотные дивизии), 108-й пехотной дивизии и сводной дивизии ген. Руше. Этой группе была поставлена задача нанести удар с фронта Чесновка, Солотвин правым флангом вдоль р. Турия на Луцк.

4-я австрийская армия должна была стянуться несколько к югу и тем самым освободить фронт для группы ген. Марвица. Эта армия имела задачу, если будет сопротивление русских, поддержать наступление 1-й австрийской армии с фронта от Локачи до р. Турия, заходя во фланг и тыл русских войск.

Левее ударной группы Марвица должна была наступать группа ген. Бернарди в общем направлении на Луцк.

1-я австрийская армия в составе 30 батальонов, 20 батарей и 2 кавалерийских дивизий должна была наступать с фронта Броды, Голятин, Горохов в общем направлении на Луцк.

Срок наступления зависел от прибытия 20-го германского корпуса, и ген. Линзинген, сообразуясь с этим, потребовал общей атаки с утра 3 (16) июня.

В целях лучшего управления и непосредственного влияния на ход боевых действий штаб группы ген. Линзингена 2 (15) июня переехал в Ковель.

Таким образом, ковельская дыра постепенно затыкалась германскими войсками, собранными чуть ли не по-батальонно с разных мест, а 3 (16) июня австро-германское командование стремится вырвать инициативу действий из рук русских.

В это же время и ген. Брусилов намечал 4 (17) июня начать наступление для овладения Ковелем. Но оно не состоялось, так как уже пришлось отбивать контрнаступление группы ген. Линзингена.

9. Боевые действия 11-й армии с 28 мая (10 июня) по 4 (17) июня

(Схема 23)

Неожиданный прорыв у Сопанова, как уже отмечалось выше, вызвал особую тревогу у австрийского командования, которое спешно стремится заделать образовавшуюся брешь, перебрасывая в угрожаемый район 25-ю пехотную дивизию, 42-й полк 29-й пехотной дивизии и 2 кавалерийских полка 4-й кавалерийской дивизии.

Поэтому все действия 17-го армейского корпуса русских до 28 мая направлялись на парирование австрийских контрударов, а по отбитии их — на медленное расширение Сопановского плацдарма. Но вот 28 мая (10 июня) в связи с разгромом 7-й и 46-й пехотных дивизий австрийцев командующий 1-й австрийской армией решил отвести 18-й армейский корпус на линию Бережцы, Козин, 46-ю пехотную дивизию на фронт Козин, Демидовка, Лопавше и 7-ю пехотную дивизию на линию Лопавше, Жабче.

Решение австрийцев на отход явилось полной неожиданностью для командования 11-й русской армии. Только 30 мая (12 июня) штаб армии начинает разбираться в обстановке, когда уже австрийцы устраивались на линии Бережцы, Жабче. Это обстоятельство вызвало целый ряд распоряжений ген. Сахарова об организации усиленной разведки частями 7-го и 17-го армейских корпусов. Ген. Сахаров писал, что: «по данным воздушной разведки, противник постепенно очищает позиции на фронте 17-го и частью 7-го армейских корпусов, причем совершает это настолько скрытно, что у меня возникает опасение о возможности его спокойного отхода, без помехи с нашей стороны». И далее ген. Сахаров просил у командира 7-го армейского корпуса «не отказать произвести частичные наступления частями вверенного вам корпуса в районе Лопушно, Н. Почаев». В то же время у командира 17-го армейского корпуса запрашивалось: «Не признаете ли возможным приказать войскам вверенного вам корпуса развить ныне свои действия с возможной энергией, особенно на левом своем фланге в направлении к ст. Почаев?» [1]

Приведенные выписки из деректив ген. Сахарова показывают полное неуменье командования 11-й армии быстро оценить меняющуюся обстановку и принять более решительные меры управления своими корпусами. В действительности твердое управление заменялось «уговариванием» и всякими пожеланиями.

---

[1] ЦВИА, фонд 2212, дело 251, лл. 1369—1370.

Между тем открывалась широкая возможность для действий Заамурской кавалерийской дивизии, но она вела бои, пытаясь прорвать укрепленную позицию австрийцев в районе Столбец, Онышковцы.

Только 31 мая (13 июня) ввиду успешного наступления 32-го армейского корпуса и наметившегося дальнейшего отхода австрийцев принимается решение о наступлении.

Согласно указанию штаба фронта, на 11-ю армию возлагалась задача наступать на фронт Друшкополь, Стоянов, Радзихов, Буск, Перемышляны.

После ряда колебаний и изменений плана дальнейших действий командующий 11-й армией директивой от 1 (14) июня требует от войск перехода в наступление. В тот же день корпуса без особых боевых столкновений продвигаются вперед. 45-й армейский корпус вышел на фронт Шклин, Михайловка, Толпыжин, Корытно, пройдя за один день правым флангом 25—30 *км.* 32-й армейский корпус произвел перегруппировку и развернулся на восточном берегу р. Пляшевка от Корытно до Козин, а 17-й армейский корпус располагался от Редкодубы через Онышковцы до Поповцы, имея в промежутке между Козин и Редкодубы Заамурскую кавалерийскую дивизию.

На 2 (15) июня командующий 11-й армией намечает оперативный план прорыва фронта австрийцев в центре армии, для чего приказывает:

1. 45-му армейскому корпусу ввиду предположенного продвижения левого фланга 8-го армейского корпуса к Горохов поддерживать связь направо с этим корпусом и выйти на фронт Звиняче, Липа, Перемель, Солонево, Редьков.

2. 32-му армейскому корпусу занять линию Хотин, Сребно, Ситно.

3. 17-му армейскому корпусу с Заамурской кавалерийской дивизией занять линию Ситенские Гайки, Н. Почаев.

4. 7-му армейскому корпусу занять линию Н. Почаев (исключительно), Лопушно, Янковце [1].

Выполняя этот приказ, 11-я армия 2 (15) июня переходит в наступление, охватывая австрийцев фланговыми корпусами, и вынуждает их отойти за р. Слоневка, захватив при этом 4 орудия, 26 пулеметов и 6 тыс. пленных.

45-й армейский корпус вышел на северный берег р. Липы от Звиняче до Липы и далее по линии рр. Стырь и Пляшевка от Толпыжин до Корытно.

32-й армейский корпус, преодолев болотистую долину р. Пляшевка, к исходу 2 (15) июня вел бой на фронте Редьков, Хотин, Иващуки, Рудня-Почаевская.

17-й армейский корпус в тесной связи с 32-м армейским корпусом перешел в наступление и энергичной атакой сбил австрийцев с занимаемых ими позиций на участке Бужа-Гора (2 *км* северо-

---

[1] Из приказа командующего 11-й армией № 49 от 1 (14) июня, ЦВИА, фонд 2067, I, дело 2497, л. 15.

западнее Бережцы), Поповцы. Австрийцы в беспорядке начали отходить вначале за р. Ситенка, а затем р. Слоневка, преследуемые русскими частями. В образовавшийся прорыв была брошена Заамурская кавалерийская дивизия через Козин на Ситно.

Таким образом, 2 июня правый фланг 11-й армии значительно продвинулся в глубь расположения австрийцев. Оставалось только закончить разгром противника, отошедшего за р. Слоневка.

Однако 3 июня корпуса 11-й армии проявили крайнюю медлительность в преследовании противника и к исходу этого дня успели достигнуть: 32-й армейский корпус — Полуночное, Сребно, Ситно; 17-й армейский корпус — Ситенские Гайки, Н. Почаев; Заамурская кавалерийская дивизия заняла Радзивилов; 7-й армейский корпус достиг линии Ледуков, Лопушно, Мшанец, где и закрепился. 4 (17) июня командующий 11-й армией предполагал продолжать наступление, имея в виду выравнять фронт по линии Шклин, Мерва, рр. Стырь, Слоневка, Радзивилов, Подкамень, Янковце[1].

Однако эти указания войска не выполнили, так как начатый австро-германцами 3 (16) июня контрудар против 8-й армии и частично правого фланга 11-й армии задержал наступление частей 11-й армии.

В дальнейшем все действия на этом участке фронта вылились в короткие контратаки с целью вырвать инициативу.

10. Итоги боевых действий 11-й армии

В итоге боевых действий с 22 мая по 3 июня 11-я армия на правом своем фланге продвинулась на 35—40 *км* и на левом фланге до 10—15 *км*, что давало средний темп продвижения в сутки от 1 до 2½ *км*.

За весь этот промежуток времени проявлялась чрезвычайная медлительность и осторожность в наступлении, приводившая всегда к ненужным остановкам и потере времени. Этим пользовался противник и, как правило, в начале закрывал прорыв подвезенными резервами, а затем более или менее благополучно уходил от разгрома.

Между тем для 11-й армии не раз создавалась очень благоприятная обстановка, при которой имелась полная возможность не допустить свободного и незаметного ухода австрийцев из-под удара и укрытия их за проволоку на новой позиции вначале по западному берегу р. Пляшевка, а затем р. Слоневка.

11. Боевые действия 7-й армии 26 мая (8 июня)

(Схема 24)

26 мая (8 июня), выполняя приказ командующего 7-й армией о наступлении, авангардные части 2-го армейского и 2-го кавалерийского корпусов сбили 15-ю пехотную дивизию австрийцев на

[1] Из приказа 11-й армии от 3 (17) июня, ЦВИА, фонд 2067, дело 2497, л. 64.

восточном берегу р. Стрыпа и отбросили ее на западный берег этой реки, захватив 900 пленных. Одновременно, развивая успех 2-го армейского корпуса, левофланговая 41-я пехотная дивизия 16-го армейского корпуса взяла сильно укрепленную позицию противника у Трибуховцы.

Вся укрепленная полоса австрийцев на фронте к северу от Язловец до Трибуховцы включительно и по глубине до р. Стрыпа была взята 2-м армейским корпусом. Южнее Язловец части 2-го кавалерийского корпуса, войдя в прорыв, с утра 26 мая перешли р. Стрыпа и вышли на фронт Лешанце, Скоморохи, Сокулец, р. Днестр.

Все части за три дня боев были сильно утомлены и расстроены. Ясно выявилась тактика действий противника. Он оборонял первую линию окопов пулеметным и артиллерийским огнем, сохраняя живую силу в глубине для контрударов. Для противодействия такой тактике со стороны наступающего необходимы были резервы и умелое их применение.

Однако у командующего 7-й армией резервов уже было недостаточно для того, чтобы решительно развивать успех.

2-й кавалерийский корпус был втянут в бой с австрийцами перед второй оборонительной полосой, а 43-я пехотная дивизия, потеряв до 2 300 человек убитыми и ранеными, была выведена из боя для приведения себя в порядок.

Только 3-я Туркестанская дивизия оставалась свежей, но она почему-то отдыхала в тылу.

В этой обстановке вечером 26 мая (8 июня) командующий 7-й армией отдал директиву, в которой он писал:

«Доблесть и искусство начальников и войск отдали нам сильно укрепленные позиции противника по левому берегу р. Стрыпа от Днестра до Пелава; после упорных боев противник здесь совершенно расстроен и отступил. Приказываю: 2-му кавалерийскому корпусу выполнять ранее данную задачу и, выбросив сильную разведку на Монастержиска, Подгайцы, главными силами действовать в тыл противнику, еще остающемуся на р. Стрыпа. 2-му армейскому корпусу безотлагательно выдвинуть 6-ю Донскую дивизию на Днестр для обеспечения левого фланга армии и разрушения переправ до Нижниева. Пехотой выдвинуться на высоты восточного берега р. Барышка, выделив не менее бригады с тяжелой артиллерией для немедленного действия в тыл Бучача. Туркестанская дивизия переходит в мое распоряжение, располагаясь в районе Залещики Мале, Язловец. Один тяжелый дивизион и батарею 16-го мортирного дивизиона передать 16-му армейскому корпусу, мортирную 22-го дивизиона — своему корпусу.

16-му армейскому корпусу продолжать наступление для овладения Бучач, Белавинце и выхода затем на линию Пржевлока, Бариш.

22-му армейскому корпусу продолжать сковывать противника. Разграничительная линия 16-го и 2-го корпусов Трибуховце, Бучач, Езержаны — все для 16-го корпуса вкл.» [1].

---

[1] ЦВИА, фонд 2003, дело № 538, лл. 16—18.

Таким образом, командующий 7-й армией пытается развить первый тактический успех в оперативный, но проводит свой план нецелеустремленно и с недостаточными силами. Является совершенно непонятным ослабление 2-го армейского корпуса, уже потерявшего в предыдущих боях половину своих сил, на одну дивизию (3-ю Туркестанскую), и, несмотря на это, ему дается трудная задача по преследованию австрийцев на 26-*км* фронте.

Если учесть отсутствие увязки в действиях всех корпусов и пассивность 22-го армейского корпуса при наличии перед его фронтом оперативного резерва противника (48-й германской резервной дивизии), то рассчитывать на успех было крайне сомнительно.

Это все усугублялось постановкой задачи 2-му кавалерийскому корпусу, лишенной определенной цели действий и не увязанной с общим ходом операции. Вместо задачи развивать успех и бить резервы противника целый кавалерийский корпус получает задачу «главными силами действовать в тыл еще оставшемуся на р. Стрыпа противнику». Это значит бить не главного противника, а довольствоваться остатками его, тем более что уже имелись сведения о сосредоточении новых частей австро-германцев в районе Гниловоды, Доброводы (48-я германская резервная дивизия и 310-й пехотный полк 55-й пехотной дивизии), воздействие на которые являлось необходимым.

Последующие события полностью это и подтвердили.

12. Бои на фронте 7-й армии с 27 мая (9 июня) по 2 (15) июня

С утра 27 мая 16-й армейский корпус перешел в наступление, направляя главные усилия на своем левом фланге.

Прорвав первую оборонительную полосу австрийцев, корпус организует преследование и к исходу 28 мая выходит своим правым флангом ко второй оборонительной полосе по р. Стрыпа на фронте Супова, Оссовце.

Наибольший успех был достигнут на левом фланге корпуса, где были прорваны первая и вторая оборонительные полосы, и к исходу 28 мая левофланговые части корпуса вышли на фронт Пржевлока, ст. Езержаны и далее к югу по р. Барышка.

Части 2-го армейского корпуса, напрягая последние силы, 27 мая прорвали вторую оборонительную полосу противника и ночной атакой захватили Бучач.

Австрийцы отходили в полном беспорядке, но переутомленные и сильно поредевшие в предыдущих боях части 2-го армейского корпуса уже не имели сил преследовать даже разбитого противника, и корпус переходит к обороне на восточном берегу р. Барышка.

Части 2-го кавалерийского корпуса в течение 27 мая после ряда конных атак в районе Порхова, где захватили до 2 500 пленных, орудия и пулеметы, вышли ко второй оборонительной полосе

австрийцев на фронте Порхов, р. Днестр, но захватить ее в последующие дни не смогли.

29 мая 16-й армейский корпус пытался преследовать австрийцев на Доброводы, но, изолированный в своих действиях, подвергнулся контрудару из района Гниловоды, Доброводы со стороны вновь переброшенных частей 48-й германской резервной дивизии и 310-го пехотного полка 55-й пехотной дивизии и также перешел к обороне на линии Гайворонка, Куйданов, Оссовце, Пржевлока.

На этом действия 7-й армии постепенно замирают. Начинается накапливание сил и средств для новой операции. В ночь с 31 мая на 1 июня в состав армии были включены 6-й и 18-й армейские корпуса 11-й армии и 113-я пехотная дивизия из фронтового резерва.

13. Итоги боевых действий 7-й армии к 2 (15) июня

В результате выполнения операции 7-я армия овладела сильно укрепленной (укреплялась в течение 8—9 месяцев) австрийской позицией на фронте до 50 *км*. Австро-германцы смогли только удержаться на 15-*км* участке против правого фланга армии от Бенява до Зарваница.

За время операции, с 24 по 29 мая, только частями 2-го и 16-го армейских корпусов было захвачено в плен 414 офицеров, 17 тыс. солдат, 29 орудий, 56 зарядных ящиков, 7 бомбометов и громаднейшее количество различного военного имущества [1].

Из изложенного следует, что первоначальный успех 7-й армии был значителен, но командование армии не сумело нанести решительного поражения австрийцам, несмотря на благоприятные для этого условия.

Разбросав свою маневренную группу по всему фронту армии, командующий 7-й армией оказался бессильным развить успех. В то время как передовые части дрались и истекали кровью, армейский резерв — 3-я Туркестанская дивизия — продолжал отдыхать в тылу, а 2-й кавалерийский корпус пытался прорваться через укрепленную полосу австрийцев на левом фланге армии. Это дало возможность противнику организовать контрудар по правому флангу 16-го армейского корпуса и свести все действия 7-й армии к незначительному успеху.

Австрийцы в своих донесениях писали, что «прорыв на нижней Стрыпе стал эпидемическим. Если противник прорвался на узком участке фронта, то части примыкавших участков откатывались назад, при этом противник не производил серьезного давления на эти участки; они отходили только потому, что теряли связь с соседями. Так же отдельные высшие командиры принимали преждевременные решения об отступлении, указывая при этом, что удерживать позиции при помощи потрясенных войск невозможно» [2].

---

[1] ЦВИА, фонд 2067, дело 5314, лл. 363 и 370.
[2] Австро-венгерский отчет мировой войны 1914—1918 гг., т. IV, стр. 465.

14. Боевые действия 9-й армии с 26 мая (8 июня) по 4 (17) июня

(Схема 26)

Как уже отмечалось выше, период времени с 25 мая (7 июня) по 28 мая (10 июня) части 9-й армии использовали на закрепление достигнутого успеха, на пополнение своих потерь и запасов, а также на перегруппировку войск. Еще 26 мая ген. Лечицкий отдал приказ по армии, согласно которому частям 9-й армии предписывалось прорвать расположение противника, нанося главный удар 11-м и 12-м армейскими корпусами в направлении ст. Юркутц.

41-й армейский корпус должен был атаковать вдоль южного берега Днестра.

33-й армейский и сводный корпуса имели задачу удерживать занимаемое ими положение.

3-й кавалерийский корпус должен был 28 или 29 мая переправиться через р. Прут и захватить Черновицы.

28 мая части 9-й армии после шестичасовой артиллерийской подготовки вновь перешли в наступление и вторично нанесли крупное поражение 7-й австрийской армии ген. Пфлянцер-Балтина. Части австро-венгерцев были опрокинуты и принуждены к беспорядочному отступлению. Русские захватили 10 орудий, 347 офицеров и более 18 тыс. солдат.

Командующий 9-й армией ген. Лечицкий на 29 мая требует от войск дальнейшего развития достигнутого успеха, приказывая: 41-му армейскому корпусу выдвинуть сильный заслон в сторону Залещик и остальными частями преследовать австрийцев в общем направлении на Котцман; 11-му армейскому корпусу продолжать преследование на Кучурмик, Шубранец; сводному корпусу наступать на Махала; 33-й армейский корпус должен был в ночь на 29 мая атаковать австрийцев на фронте Залещикских позиций[1].

Для командующего 7-й австро-венгерской армией ген. Пфлянцер-Балтина было совершенно ясно, что сражение 28 мая проиграно и нет резервов, чтобы прикрыть прорыв на фронте группы Бенигни. Оставался единственный выход — в возможно короткий промежуток времени отвести остатки армии за р. Прут и особенно войска группы ген. Бенигни, которые бежали в Юркутц и далее в Котцман.

28 мая (10 июня) в приказе по армии указывалось о принятии соответствующих мер для приведения в порядок своих частей и давались рубежи для отхода. 1-й рубеж намечался по линии Лужаны, Залещик и 2-й рубеж — по линии Волчковце, Незвиска.

Тем же приказом 24-я пехотная дивизия передавалась в группу Бенигни, а 3-я и 8-я кавалерийские дивизии должны были образовать кавалерийский корпус ген. Брудермана.

Выполняя этот приказ, группа ген. Гадфи в ночь на 29 мая отошла из предмостного укрепления у Залещика и заняла фронт ст. Стефанувка, западнее Звиняче, западный берег р. Днестр. Группа

[1] ЦВИА, фонд 2003, дело 1128, л. 395.

ген. Бенигни смогла только занять участок от Хливести, 5 *км* севернее Орошени, до Орошени, а чтобы закрыть прорыв между группами Бенигни и Гадфи, была вызвана кавалерийская бригада ген. Флука в район Ставчан.

11-й австрийский корпус отошел за р. Прут на фронт Маморница, Глиница. Таким образом, 7-я австрийская армия утром 29 мая с большим трудом создала новый фронт между рр. Прут и Днестр, тем самым несколько облегчив обстановку в свою пользу.

Ген. Пфлянцер-Балтин, считая положение очень тяжелым, доносил в австрийскую главную квартиру, что в группе Бенигни исключена возможность сопротивления и поэтому необходимо продолжать отход этой группы на Коломыя, а группе войск Гадфи на Оттыня (25 *км* северо-западнее Коломыя).

На линии Волчковце, Незвиска ген. Пфлянцер-Балтин предполагал оказать сопротивление, для чего и отдал вечером 29 мая приказ об отходе армии.

11-й австрийский корпус должен был удерживать р. Прут от румынской границы, имея в своем распоряжении кавалерийский корпус Брудермана, и обеспечить район между 11-м корпусом и группой Бенигни от Глиницы до Волчковце.

В случае отхода 11-го корпуса кавалерийский корпус Брудермана должен был совместно с 40-й пехотной дивизией прикрывать дороги в Селетин и в Кутты (Селетин в 75 *км* юго-восточнее Коломыя, Кутты в 30 *км* юго-восточнее Коломыя).

В свою очередь, русское командование, имея слабое представление о действительной обстановке, только 29 мая возобновило преследование австрийцев, и части к исходу этого дня без особых боев вышли: 41-й армейский корпус на фронт Звиняче, Котцман; 1-я Донская казачья дивизия, захватив 2 тыс. пленных, овладела Ошехлибы, пройдя за день 35 *км*, и 11-й армейский корпус достиг фронта Вителювка, Садагура, пройдя за день 15 *км*.

33-й армейский, сводный и 3-й кавалерийский корпуса оставались на прежних местах.

Между тем австрийские группы войск Бенигни и Гадфи, выполняя приказ командования 7-й австрийской армии, в ночь на 30 мая окончательно оторвались от русских и на следующий день в полдень достигли указанных в приказе рубежей. Группа ген. Бенигни в составе 30, 42, 51, 5, 36-й пехотных дивизий и 202-й пехотной бригады занимала фронт от Волчковце до Слободка Польна.

Группа ген. Гадфи в составе кавалерийской бригады Флука, 5-й и 6-й кавалерийских и 21-й стрелковой дивизий занимала участок от Слободка Польна до Незвиска; 15-я пехотная дивизия очистила излучину р. Днестр и отошла на ее южный берег.

Общее состояние 7-й австрийской армии на новых позициях было тяжелое. Имелся большой некомплект, достигая в отдельных дивизиях 75—80% штатного состава. Так, например, из 16 тыс. бойцов 24-й пехотной дивизии было налицо только 3 500 человек.

Ко всему этому многие бойцы были измучены, целые соединения уничтожены, много орудий пришло в негодность и тысячи попали в плен к русским.

Дорога из Заблотова в Коломыя оказалась забитой обозами. Везде царил хаос[1].

Вследствие этого вечером 30 мая (12 июня) ген. Пфлянцер-Балтин сделал подготовительные распоряжения для возможного отступления групп Бенигни и Гадфи в район Березов, Надворная (см. схему 28).

По этому новому плану ген. Пфлянцер-Балтина группы войск Бенигни и Гадфи ввиду превосходства русских должны были избегать удара до подхода 105-й германской и 48-й австрийской пехотных дивизий, которые перебрасывались Фалькенгайном и Конрадом. При наступлении русских австрийские группы Бенигни и Гадфи должны были быть отведены до района Березов, Надворная, и «таким образом, — писал ген. Пфлянцер-Балтин, — было бы возможным объединить главные силы 7-й армии при Березов, Надворная с тем, чтобы оттуда перейти в наступление»[2].

Как видно, австро-венгерское командование переживало большую тревогу за судьбу своей 7-й армии. Но 30 мая (12 июня) произошли изменения, значительно ослабившие напряженную обстановку южнее Днестра.

В этот день командующий 9-й русской армией ген. Лечицкий по невыясненным мотивам отказался от взаимодействия с соседней 7-й армией, а решил, прикрываясь двумя корпусами со стороны Коломыя, остальными частями атаковать Черновицы.

Приказывалось: «1. 33-му и 41-му армейским корпусам прикрыть операцию со стороны Коломыя и Кутты, для чего: а) 33-му армейскому корпусу занять район Серафинце, выдвинув авангарды в направлении на Тлумач и Коломыя; б) 41-му армейскому корпусу взять район Ставчан, Киселеу, выдвинув авангарды в направлении на Стецова и Снятын. Корпусам теперь же приступить к укреплению рубежа на фронте Днестр, Поточиска, Серафинце, Киселеу для 33-го армейского корпуса и Киселеу, Ставчан, Иванкоувце для 41-го армейского корпуса.

2. 12-му армейскому корпусу занять район Котцман. К вечеру 31 мая подготовить все для форсирования р. Прут на участке Непоколоутц, Лужан и закрепить за собой рубеж на линии Иванкоувце, Лужан.

3. 11-му армейскому корпусу в составе 11, 32, 82, 103-й пехотных дивизий и 1-й бригады 19-й пехотной дивизии и Терской казачьей дивизии, отбросив противника на южный берег Прута, к вечеру 31 мая подготовить все для форсирования реки на фронте Лужан, Боян.

4. Штабу 3-го кавалерийского корпуса с 10-й кавалерийской дивизией прибыть к утру 31 мая в район Юркутц, Вербовце. 1-я Донская дивизия с 12 час. 31 мая передается в распоряжение командира 3-го кавалерийского корпуса. 1-я Терская дивизия с 20 час. 30 мая — в распоряжение командира 11-го армейского корпуса. 3-му кавалерийскому корпусу 1 июня выдвинуться в район Гвоз-

---

[1] «Последняя австро-венгерская война 1914—1918 гг.», т. IV.

[2] Там же.

дзец, прикрыть расположение 33-го и 41-го армейских корпусов и вести разведку на фронте Кутты, Коломыя, Станиславов, обратив особенное внимание на коломыйское направление.

5. Командиру 12-го армейского корпуса вступить в командование частями корпуса с 20 час. 30 мая; дивизии сводного корпуса с 20 час. 30 мая подчиняются командиру 11-го армейского корпуса. Штаб сводного корпуса с того же времени расформировать.

6. Начальнику 82-й пехотной дивизии выделить бригаду с дивизионом артиллерии в армейский резерв, которому быть в с. Топоровце. Бригаде 3-й Заамурской дивизии перейти 31 мая в Юркутц.

Разграничительные линии устанавливались: между 33-м и 41-м армейскими корпусами Киселеу, Сорокин, Дзюрков — все включительно для 41-го армейского корпуса. Между 41-м и 12-м армейскими корпусами Кливодин, Орошени — все включительно для 41-го армейского корпуса. Между 12-м и 11-м армейскими корпусами Кучурмик, Лужан — все исключительно для 11-го армейского корпуса. Штаб 12-го армейского корпуса — м. Заставна»[1].

Части 9-й армии до 4 (17) июня проводили преследование австрийцев крайне вяло. Только к исходу 31 мая (13 июня) передовые части 33-го и 41-го армейских корпусов вошли в непосредственное соприкосновение с австрийскими группами Бенигни и Гадфи, занявшими укрепленную позицию. Главная же группировка 9-й армии приступила к подготовке форсирования р. Прут, для чего стремилась занять более выгодное исходное положение.

15. Итоги боевых действий 9-й армии

Подводя итог десятидневной операции 9-й армии, нужно отметить значительный успех, которого достигла армия. Помимо захвата территории (в центре продвижение было на 50 *км* и на правом фланге — до 15—20 *км*), была потрясена 7-я австро-венгерская армия, которая потеряла 52 орудия и более 50% бойцов, в том числе одних пленных 758 офицеров и 37 832 солдата; 120 пулеметов, 49 орудий, 21 бомбомет, 11 минометов и много другого военного имущества попало в руки 9-й русской армии.

Австро-венгерское командование было крайне озабочено серьезным положением в Буковине и вынуждено было изыскивать различные средства, чтобы ослабить успех русских.

В этом австрийцам значительно помогало своими действиями русское командование. В австрийских официальных источниках писалось, что «если бы Щербачев и Лечицкий продолжали в эти критические дни энергичное наступление на разбитого противника, может быть, весь фронт был бы разгромлен»[2].

Ген. Лечицкий не сумел закончить победу полным разгромом группы Бенигни, а решил перенести главные усилия на Черновицы

---

[1] Директива 9-й армии от 30 мая № 01667, ЦВИА, фонд 2003, дело 1128, л. 444.

[2] «Последняя австро-венгерская война 1914—1918 гг.», т. IV.

и этим спас 7-ю австрийскую армию. Отсутствие конницы на направлении главного удара позволило противнику спасти остатки своих войск, укрывшись за новой укрепленной позицией.

В свою очередь, и командование Юго-западного фронта не направляло усилий 9-й армии на взаимодействие с соседней 7-й армией. Наоборот, оно еще усугубляло ошибку ген. Лечицкого, направляя основные усилия 9-й армии в противоположное от 7-й армии направление. 2 (15) июня начальник штаба фронта ген. Клембовский телеграфировал в 9-ю армию, что «близость румынской границы подсказывает хороший маневр отброса неприятеля не за Серет, а на румынскую территорию, для чего следовало бы собрать бо́льшую часть 11-го и 12-го армейских корпусов в районе Ревковцы, Лужаны для развития удара в юго-восточном направлении, демонстрируя на остальном протяжении Прута. Главнокомандующий Юго-западным фронтом вполне сочувствует этой идее, если по обстановке она выполнима» [1].

Таким образом, успех 9-й армии русским командованием использован не был.

Вместо энергичного охвата флангов австрийского фронта Ставка и командование Юго-западным фронтом советуют 9-й армии отбрасывать противника к югу, прижимая его к румынской границе. Получалось чрезвычайно странное выражение основной идеи русского верховного командования. Фланги Юго-западного фронта, достигшие крупных успехов, не только не делают попыток сжаться, чтобы громить австрийские армии, но, наоборот, расходятся в противоположных направлениях (8-я и 9-я армии), предоставляя возможность противнику избежать тяжелого поражения.

Действия в юго-западном направлении в лучшем случае приводили к разгрому одного 11-го австрийского корпуса, так как австрийское командование отводило главные силы в район Станиславов, Коломыя, и с ними в дальнейшем русским пришлось считаться.

16. Изменение оперативного плана русской Ставки

(Схема 1)

В то время как бои на Юго-западном фронте развертывались все шире и подходили к своему кульминационному пункту, Западный фронт продолжал бездействовать, оставляя своего соседа драться в одиночестве.

Причин такой пассивности командованием Западного фронта выставлялось очень много. Все было направлено к тому, чтобы сначала оттянуть срок операции, а затем снять ее совершенно с повестки дня.

В своих донесениях ген. Эверт писал в Ставку, что заблаговременное сосредоточение русских войск на виленском направлении вполне ориентировало германцев о подготовке удара Западным фронтом и поэтому дало им возможность принять соответству-

---

1 ЦВИА, фонд 2003, дело 513. л. 221.

ющие меры для укрепления обороны. Это обстоятельство, по мысли ген. Эверта, приводило к тому, что «армиям предстоит брать ряд весьма сильно укрепленных рубежей лобовыми ударами, что обещает медленное и с большим трудом развитие операции».

И далее ген. Эверт выдвигает план: использовать успех, достигнутый в последних боях Юго-западным фронтом, отказавшись от производства прорыва «в наиболее подготовленном для обороны участке неприятельского расположения».

2 (15) июня он писал в Ставку, что «успех, достигнутый 8-й армией, и перспективы скорого взятия Ковеля и Пинска выдвигают новую задачу для Западного фронта — перенести удар с виленского на барановическое направление с тем, чтобы, угрожая фронту Лида, Гродно, заставить противника очистить позиции под Вильно».

Казалось бы, Ставка должна была очень резко реагировать на этот более чем странный план ген. Эверта. В самом деле, командование Западным фронтом, отказавшись от удара в виленском направлении, предполагало использовать успех Юго-западного фронта, приблизив к нему свой удар на барановическое направление. И эта мысль, казалось, должна была привести к более полному взаимодействию двух фронтов между собой. Но вместо этого у ген. Эверта появляется «странная» оперативная идея с направлением удара в противоположную сторону от своего соседа.

Ставка в основном соглашается с предложением ген. Эверта и разрешает ему перенести пункт атаки к Барановичам.

На следующий же день, 3 (16) июня, начальник штаба верховного главнокомандующего отдал директиву (№ 2988, см. приложение 4), по которой Западному фронту приказывалось главный удар организовать на левом берегу Немана, нанося его на фронте Новогрудок, Слоним и развивая при успехе на фронте Лида, Гродно.

Удар этот согласовать с наступлением из Ковельского района на Кобрин, Брест. При этом наступление откладывалось на 12—16 дней.

Ближайшей задачей Юго-западного фронта являлось «сосредоточение сил и нанесение удара, теперь же, на Ковель, как для овладения этим районом, так и для содействия 4-му кавалерийскому, 46-му и 30-му армейским корпусам очистить от противника пространство между Припятью и Стырью и выйти на высоту Ковеля»[1].

В свою очередь, Юго-западный фронт должен был развивать свои действия «для обеспечения левого своего крыла» и подготовить «дальнейшую операцию для овладения линией рр. Сан и Днестр, развивая главный удар своим правым крылом, чтобы по возможности отрезать противника от Сана и разъединить германскую и австрийскую армии»[2].

Одновременно Ставка осторожно начала вносить изменения в свой первоначальный оперативно-стратегический план, требуя не-

[1] ЦВИА, фонд 2003, дело 1299, лл. 135—137.
[2] Там же.

медленной перевозки по железным дорогам двух армейских корпусов на ковельское направление для образования новой армии.

Вместо того, чтобы проявить большую решительность и настойчивость с переброской более значительных сил на фронт южнее Полесья, Ставка не решается совершенно отказаться от своего первоначального плана и перенести свои главные усилия на Юго-западный фронт.

Командование Юго-западным фронтом также не желало добиваться согласия от Ставки превратить свой фронт из второстепенного в главный, отказываясь тем самым от самостоятельной операции по уничтожению австро-германцев к югу от Полесья.

Ген. Брусилов продолжал еще придерживаться идеи тесного взаимодействия двух фронтов, несмотря на то, что последняя директива Ставки это взаимодействие исключала.

Поэтому, учитывая намеченное наступление 3-й армии на 6 (19) июня в пинском направлении и прибытие двух корпусов, ген. Брусилов требует от 8-й армии закрепиться на владимир-волынском и сокальском направлениях и развивать успех на ковельском направлении [1].

Это решение в жизнь проведено не было, так как 3-я армия отложила свое наступление на некоторое время из-за подъема воды в бассейне р. Припять, а 8-я армия должна была отбивать с 3 (16) июня контрудар австро-германцев.

---

[1] ЦВИА, фонд 2067, дело 5321, л. 107.

Глава шестая

Контрудар австро-германцев на правом фланге Юго-западного фронта

(Схема 27)

1. Контрудар группы ген. Линзингена 3 (16) июня 1916 г.

2 (15) июня ген. Линзинген издал приказ, согласно которому: «16 июня группа армий наступает по всему фронту от левого фланга 1-й армии до Колки на Стыри. Направление главного удара между р. Луга и линией Н. Двор, Ульяники.

Правый фланг 1-й армии удерживает ныне занимаемые позиции, обеспечивая надежную связь с левым флангом 2-й армии, и продвигает свой левый фланг (7-я пехотная дивизия) в направлении Дубовыя Корчмы. 61-я пехотная дивизия подчиняется 1-й армии и наступает в направлении Блудов.

Кавалерийский корпус Остермута (7-я и 4-я кавалерийские дивизии) двигается в направлении на Ватин, отбрасывает перед своим фронтом кавалерию противника и совместно с 10-й кавалерийской дивизией преграждает продвижение русских в южном направлении.

10-я кавалерийская дивизия совместно с немецкой кавалерийской бригадой очищает фронт 4-й австрийской армии и продвигается южнее р. Луга в направлении на Шельвов.

Главные силы 4-й армии наступают в восточном направлении между рр. Луга и Риловица. Более слабые силы поддерживают связь с правым флангом ударной группы ген. Марвица.

Ударная группа ген. Марвица наступает правым флангом вдоль р. Турия, левым флангом примерно через Остров Волос, Вичины, Ульяники, имея за левым флангом уступ большой силы.

Группа Бернарди атакует противника, стоящего перед фронтом. Правый ее фланг присоединяется к наступлению левого фланга ударной группы Марвица для прикрытия ее левого фланга» [1].

Таким образом, ген. Линзинген стремился концентрическим наступлением вырвать инициативу действий у русского командования и попытаться разгромить ковельскую группировку русских. На

[1] «Последняя австро-венгерская война 1914—1918 гг.», т. IV, ч. 3.

успешное разрешение поставленной цели можно было рассчитывать только при условии полной пассивности русских войск и командования, так как соотношение сил было таково (австро-германцы имели 12½, а русские 12 дивизий), что при отсутствии приведенных условий план мог доставить в лучшем случае только задержку русского наступления, но отнюдь не разгром русских войск.

Последующие события полностью это подтвердили, и австро-германцы вынуждены были ограничиться незначительным территориальным захватом.

В боях за 3 (16) июня на ковельском направлении усилия германцев встретили упорное сопротивление 5-го Сибирского корпуса, прокладывавшего себе путь на Ковель. Этот корпус после небольшого первоначального успеха австрийской группы Бернарди отбросил ее на запад, захватив много пленных.

Центральная группировка войск ген. Линзингена (4-я армия и группа Марвица) за этот день имела более благоприятные для себя результаты.

Этой группе удалось отбросить 39, 40 и 8-й армейские корпуса русских на линию Бабье, Твердыни, Пустомыты. Что касается кавалерийской группы, то она должна была наступать между 4-й и 1-й австрийскими армиями, но в это время 12-я и 7-я кавалерийские дивизии русских врезались между корпусом Остермута и 10-й кавалерийской дивизией австрийцев и опрокинули их внутренние фланги.

Чтобы облегчить задачу кавалерийского корпуса, ген. Линзинген придал ему 9-ю германскую кавалерийскую дивизию, поставив ей задачей наступать на Рыковичи.

В результате боев первого дня австро-германцы имели небольшой успех на фронте 39-го армейского корпуса, где несколько отошел назад лишь один полк, а также и в 8-м армейском корпусе, где отошел лишь его левый фланг к Пустомыты. На остальном фронте 8-й русской армии австро-германцы успеха не имели.

В приказаниях на 4 (17) июня австро-германское командование требовало продолжения наступления группы ген. Линзингена. Одновременно и командующий 8-й русской армией приказал:

1. 46-му, 30-му армейским и 5-му Сибирскому корпусам продолжать подготовку исходного положения для атаки на 9—10 июня.

2. 39-му армейскому корпусу с переданными ему 5 полками 5-го кавалерийского корпуса отбросить австро-германцев за р. Стоход и закрепиться на правом берегу этой реки.

3. 8-му армейскому корпусу «восстановить положение своего сторожевого охранения».

4. 40-й армейский корпус для выполнения задачи получал в свое распоряжение бригаду 2-й стрелковой дивизии и 12-ю кавалерийскую дивизию.

Бои на фронте 8-й армии с 4 по 6 (17—19) июня не принесли успеха австро-германцам, и боевые действия постепенно принимали затяжной характер. Тех же результатов достигла и ударная группа 1-й австрийской армии. Вначале левый фланг этой армии имел небольшой успех, захватив у 11-й русской армии позиции севернее

р. Липа, но затем контратаками был отбит и отброшен на исходные позиции Езерцы, Божев, Холонев.

В последующие дни инициатива действий перешла к 11-й русской армии, которая отбросила 46-ю пехотную дивизию противника у Редьково, что повлекло за собой отход 7-й пехотной дивизии австрийцев севернее р. Липа.

Так же неудачно окончилось наступление кавалерийского корпуса Остермута и 61-й пехотной дивизии.

В ходе боевых действий кавалерийский корпус Остермута получил приказ командующего 1-й австрийской армией об отводе своих войск к западу от Горохова, имея целью подготовить фланговый удар, который мог бы препятствовать наступлению русских против 61-й пехотной дивизии.

Выполняя этот приказ, корпус Остермута к вечеру 5 (18) июня собрался в районе Подберезье, Печихвосты, где получил задачу прикрыть высадку 43-й резервной дивизии в районе Стоянов, Сокаль.

2. Изменение оперативного плана ген. Линзингена

Уже 6 (19) июня ген. Линзинген должен был считаться с провалом своего плана по разгрому русских на луцком направлении.

Крупные бои в течение трех дней не дали австрийцам решительных результатов. Обстановка слагалась так, что севернее р. Стырь успеха не было. Группа Марвица встретила упорную оборону русских. Правый фланг группы Бернарди с трудом удержался на р. Стоход и еще не мог присоединиться к общему наступлению.

4-я австрийская армия перешла к обороне, а левый фланг 1-й армии отошел на исходные позиции. К 6 (19) июня в группу ген. Линзингена прибывали 11-я баварская и 43-я резервная дивизии, чем несколько усиливали ковельскую группу австро-германцев.

Поэтому 6 (19) июня ген. Линзинген составил новый оперативный план.

По этому плану намечалось создать ударную группу между 1-й и 4-й австрийскими армиями под командованием прусского генерала Евгения Фалькенгайна (брат начальника германского генерального штаба ген. Фалькенгайна), с задачей вести наступление в северо-восточном направлении на Луцк.

Группа ген. Марвица должна была продолжать наступление в юго-восточном направлении, нацеливая свой правый фланг на Затурцы.

Группа Бернарди имела задачу наступать с линии Вулька Порская, в общем направлении на Мыльск, Переспа.

1-я и 4-я австрийские армии вначале должны были удерживать свои позиции, а затем «приспособляться к продвижению ударной группы».

По плану ген. Линзингена группа Фалькенгайна (43-я резервная дивизия, остатки 61-й пехотной дивизии, 48-я австро-венгерская дивизия, кавалерийский корпус Остермута, 9-я кавалерийская

германская дивизия) должна была 8 (21) июня занять своими войсками исходную позицию, с расчетом вести наступление правым флангом через Ощев, а левым — через Корытница.

Однако начальник австро-венгерского генерального штаба ген. Конрад, не веря в успех намечаемого плана ген. Линзингена, предлагал другой план действий. Он требовал организации удара крупными силами по обе стороны Днестра, а для этого, как он говорил, нужно было создать сильную оборону на ковельском направлении за счет германских сил и этим выиграть время для создания ударной группировки в южной Галиции. 6 (19) июня он телеграфировал Фалькенгайну: «Если немедленно новые силы не будут подвезены в направлении Стоянов, Сокаль, то давление превосходных сил русских на Львов сделает невозможным в скором времени удержать весь восточно-галицийский фронт»[1].

3. Бои на фронте 8-й и 11-й армий до 11 (24) июня 1916 г.

6 (19) июня ген. Брусилов, наконец, отказался от своей постоянной опеки над 8-й армией, предоставив ген. Каледину «право применить тот способ действий, который вы признаете более соответственным, т. е. или продолжать наступление или перейти к обороне впредь до сосредоточения всех наших сил»[2].

Командующий 8-й армией, получив некоторую свободу в своих действиях, решил выжидать, стремясь только на отдельных направлениях восстановить утраченное в предыдущих боях положение.

С этой целью он приказал 23-му армейскому корпусу развернуться между 39-м и 40-м армейскими корпусами, с задачей отбросить австро-германцев к Киселину.

В это время началось наступление австро-германских войск по новому плану ген. Линзингена. Русские войска вместо наступления должны были отбивать атаки противника. Своим наступлением австро-германцы добились незначительного успеха, потеснив войска 8-й русской армии несколько на восток. К 11 (24) июня 8-я армия занимала следующее положение: 4-й кавалерийский и 46-й армейский корпуса продолжали прочно удерживать позиции по восточному берегу р. Стырь; группа ген. Зайончковского переправилась на левый берег р. Стырь и заняла линию Новоселки, западнее Куликовичи, Семки, Копыли, Грузятин, Навоз, севернее Луков и Смердин.

5-й Сибирский и 39-й армейский корпуса отбили все атаки германцев, удерживая за собой Линевку, Эмилин, Богушовку, Райместо; 23-й армейский корпус, отбив все атаки австро-германцев, удерживал за собой Бабья-Гора, Еленов. Особенно сильные бои шли на фронте 40-го и 8-го армейских корпусов, которые, выдерживая атаки группы ген. Фалькенгайна, несколько отошли на

---

1 «Последняя австро-венгерская война 1914—1918 гг.», т. IV, ч. 3.

2 ЦВИА, фонд 2003, дело 513, лл. 234—237.

восток, но все же удержали за собой линию Семеринка, Затурцы, Воля Садовская, Ватин и Шклин.

Армейский резерв состоял из 24-й пехотной дивизии, располагавшейся в районе Тростянец, 22-й пехотной дивизии, занимавшей район Чарукова, и только что прибывшего в район Ровно, Здолбуново 1-го Туркестанского корпуса.

На фронте 11-й армии за этот промежуток времени бои носили не менее напряженный характер, чем в 8-й армии. Армия, отбив концентрическую атаку австро-германцев, удержала за собой фронт Шклин, Голятин, р. Слоневка, Радзивилов, Крутнев, Янковце. 11-я армия даже пыталась отбросить австрийцев на запад, но, имея растянутый на 100 *км* фронт и очень слабые резервы, она не смогла добиться успеха.

Глава седьмая

Наступление русских армий на левом фланге Юго-западного фронта

1. Боевые действия на фронте 7-й русской армии

(Схема 24)

Бои на фронте 7-й армии до 11 (24) июня носили исключительно местный, разведывательный характер и существенных перемен в обстановке не дали.

Командующий 7-й армией еще 5 (18) июня поставил армии ближайшую задачу — закрепиться на достигнутом рубеже для создания прочного исходного положения и производства необходимых перегруппировок для предстоящего наступления. В развитие этой общей задачи приказывалось: 6-му армейскому корпусу (4-я и 16-я пехотные дивизии), упорно обороняя участок от Янковце (на р. Серет) до линии Забойки, обеспечить тарнопольское направление; 18-му армейскому корпусу (23-я и 113-я пехотные дивизии, 435-я и 445-я дружины), сменив части 37-й пехотной дивизии, упорно оборонять фронт от линии Забойки до Гайворонка (на р. Стрыпа); 22-му армейскому корпусу (1-я и 3-я Финляндские, 37-я пехотная, 3-я Туркестанская стрелковая и сводная кавалерийская дивизии) подготовить исходное положение южнее Гайворонка с целью энергичным ударом в северо-западном направлении очистить от противника укрепленный район Бурканув, Соколув; 16-й и 2-й армейские корпуса должны были прочно удерживать фронт от Супова до Порхова. Конная группа (9-я кавалерийская и 6-я Донская казачья дивизии) имела задачу обеспечения армии слева[1].

8 (21) июня после трехчасовой артиллерийской подготовки 22-й армейский корпус пытался овладеть Буркануским укрепленным районом, но, встреченный сильным огнем австрийцев, понес значительные потери и приостановил наступление.

На этом боевые действия 7-й армии временно прекратились. Началось накапливание сил и средств для новой операции.

---

[1] ЦВИА, фонд 2003, дело 538, лл. 29—32.

2. Боевые действия на фронте 9-й армии с 4 (17) по 11 (24) июня

(Схема 28)

Около 24 час. 4 (17) июня 12-й и 11-й армейские корпуса начали переправу на правый берег р. Прут. Несмотря на сильный артиллерийский, пулеметный и ружейный огонь австрийцев, 11, 32, 82 и 103-я пехотные дивизии русских были переброшены на правый берег р. Прут. К 7 час. фланговым ударом русские овладели Черновицами, захватив при этом 3 тыс. пленных и много военного имущества. В полдень 12-й армейский корпус вышел на линию Снятын, Орошени, Чарторья, Костести. 11-й армейский корпус с боями достиг рубежа Бобести, Кучурмаре, Котулбаньский, выслав авангарды на р. Серет для преследования австрийцев.

Одновременно 33-й и 41-й армейские корпуса продолжали оставаться на прежних позициях, обеспечивая удар на Черновицы со стороны Коломыя.

На следующий день части 11-го и частично 12-го армейских корпусов продолжали преследовать австрийцев к р. Серет.

К вечеру этого же дня преследование противника пришлось прекратить ввиду большого утомления войск, вызванного беспрерывными дождями и грязью, а самое главное — ввиду расстройства и оторванности армейского и войскового звеньев подвоза.

Начальник штаба 9-й армии по этому поводу писал: обстановка была такова, что «...нам дозарезу нужно было бы двинуться на запад и покончить с группой, которая стоит между Незвиска и Заблотов. Но, к сожалению, мы не в состоянии двинуться ни шагу вперед, пока не будет восстановлена дорога от Новоселица через Зучка на Залещик. Иначе корпуса будут голодать» [1].

Учитывая такую обстановку, командующий 9-й армией отдает директиву, по которой армия должна была закрепить свое положение, а 82-й и 103-й пехотными дивизиями под командованием ген. Промтова организовать преследование австрийцев за р. Серет.

3-й кавалерийский корпус в составе 10-й кавалерийской и Терской дивизий, действуя в полной связи с группой ген. Промтова, получил задачу преследовать австрийцев в направлении на Кимполунг, Дорна-Ватра.

3. Внесение изменений в оперативный план 9-й армии

7 (20) июня командующий 9-й армией получил через штаб фронта указание Ставки об изменении ближайшей задачи 9-й армии после форсирования р. Прут и взятия Черновиц.

Ставка писала, что «бóльшая часть сил армии должна быть теперь направлена для нанесения удара в общем направлении на Станиславов, Галич. Этим будут связаны в одно целое операции

---

[1] ЦВИА, дело 56—570, л. 29.

9-й и 7-й армий. Успех в стороне Станиславова не останется без влияния на положение дел правого фланга» [1].

Одновременно штаб Юго-западного фронта потребовал от 9-й армии с выходом ее частей на меридиан Станиславова организовать набег 3-го кавалерийского корпуса (10-я кавалерийская, 1-я Донская и Терская дивизии, усиленные пехотой) на Мармарош-Сигет (120 *км* юго-западнее Станиславова) с целью разгрома австрийских тылов.

В свете этих указаний командующий 9-й армией решает разбить коломыйскую группу австрийцев и отбросить ее на северо-запад.

9 (22) июня он приказал:

«33-му армейскому корпусу перейти в наступление на фронт Незвиска, Рособхач включительно, имея целью отбросить противника на Хоцимирз. Выслать сильную разведку на Тлумач, Нижниев.

41-му армейскому корпусу перейти в наступление на фронт Росохач, Заблотов и, действуя в связи с 12-м армейским корпусом, отбросить противника на Турка.

12-му армейскому корпусу в составе 11, 12, 19-й пехотных и 1-й Донской казачьей дивизий наступать на фронт Коломыя, Яблонов, имея целью отбросить противника на северо-запад.

32-я пехотная дивизия поступает в мое распоряжение; дивизии к 11 июня сосредоточиться в районе Будылов, Снятын, Орошени. Связь через штаб 12-го армейского корпуса.

11-му армейскому (82-я и 103-я пехотные дивизии) и 3-му кавалерийскому корпусам продолжать выполнение поставленной задачи по обеспечению операции армии с юга. 82-ю пехотную дивизию сосредоточить в районе Задова, Лукавец с авангардами в Чудин, Банилла и Берхомет» [2].

Дальнейшие действия 9-й армии развивались в духе вышеуказанной директивы. Войска армии к 11 (24) июня вышли: 33-м и 41-м армейскими корпусами на фронт Живачов, Обертын, Заблотов; 12-й армейский корпус своей 1-й Донской казачьей дивизией захватил Кутты и продвигался на запад; в 11-м армейском корпусе части группы ген. Промтова вышли на линию Чудин, Стража, Сучавица. 3-й кавалерийский корпус к тому же времени занял Кимполунг, захватив в плен 3 тыс. солдат и 40 офицеров и отбросив остатки австрийцев на Якобени.

4. Планы австро-германского командования в Буковине и Галиции

Новый начальник штаба 7-й австрийской армии ген. Сект еще перед форсированием русскими корпусами р. Прут крайне тревожно оценивал обстановку в южной Галиции и Буковине. На второй день своего вступления в должность он писал следующее:

«Убывающая сила сопротивления пехоты может быть возмещена только улучшением артиллерийской поддержки. Сознание

---

[1] **ЦВИА**, фонд 2003, д. 513, л. 240.
[2] **ЦВИА**, фонд 2139, д. 1259, л. 100.

превосходства артиллерии противника здесь чрезвычайно распространено и должно подавляюще действовать на войска. Будет ли занимаемая теперь позиция при сильном и хорошо подготовленном наступлении удержана — для меня сомнительно... Я боюсь, что при поставленной перед армией задаче — прикрывать главными силами пространство между Прутом и Днестром и другой группой обеспечивать Буковину — центр армии будет прорван» [1].

Ген. Сект был прав, сомневаясь в устойчивости фронта 7-й австрийской армии, так как 5 (18) июня русские захватили Черновицы, а 6 (19) июня они уже подошли к р. Серет.

В это время ген. Конрад был настроен весьма панически. Он боялся за судьбу Львова и опасался выступления Румынии, которая начала присматриваться к последним событиям в Буковине и на Волыни.

В это же время австро-германская агентура перехватила документ итальянского посла в Петрограде, в котором Россия требовала от Италии «...самого энергичного, настойчивого, с широким размахом, наступления». Это обстоятельство заставляет ген. Конрада выдвинуть новый оперативный план с расчетом провести быстрый и решающий перелом в обстановке на восточноевропейском (русском) фронте. Этот перелом, по мнению ген. Конрада, мог быть достигнут только с помощью крупных австро-германских сил, для чего необходимо было отказаться от решительных операций в Италии и во Франции.

В обоснование своего плана ген. Конрад писал:

«Россия и Италия будут всеми силами стремиться достигнуть решения войны на обоих фронтах монархии. При этом сильное продвижение русского южного фланга приведет также к выступлению Румынии. Австро-Венгрия ввела в дело на обоих фронтах все возможное для обороны и не располагает никакими силами против нападения Румынии. Тем более важно теперь путем введения в дело больших немецких сил против Юго-западного русского фронта, на котором теперь, без сомнения, решается участь всей кампании, вызвать быстрый, решающий перелом событий. Эта цель может быть лучше всего достигнута наступлением больших немецких и австро-венгерских сил по обе стороны Днестра» [2].

Ген. Фалькенгайн, в основном соглашаясь с планом ген. Конрада, предложил ввиду недостатка сил организовать контрнаступление с ограниченной целью. Для этого ген. Фалькенгайн потребовал приостановки австрийского наступления в Италии, немедленной переброски освободившихся сил в группу ген. Линзингена и в 7-ю австрийскую армию.

При этом вновь выдвигается требование о подчинении всего австро-венгерского фронта германскому ген. Макензену.

По этому поводу завязалась резкая по тону переписка между двумя руководителями «дружественных» генеральных штабов. Она закончилась ультимативным ответом ген. Конрада, что «на-

---

[1] Последняя австро-венгерская война 1914—1918 гг.», т. IV, ч. 3.
[2] Там же.

значение ген. Макензена может быть в том случае, если бы значительные немецкие подкрепления, например сильная немецкая армия, были подвезены на Юго-западный фронт для решительного боя».

Однако на это мероприятие германская главная квартира не пошла, и поэтому требование ген. Фальгенгайна осталось невыполненным.

5. Итоги боевых действий на Юго-западном фронте к 11 (24) июня 1916 г.

Войска Юго-западного фронта к 11 (24) июня достигли крупных оперативных успехов на правом фланге фронта и южнее Днестра. За период с 22 мая по 10 июня было захвачено в плен 2 993 офицера, 188 681 солдат и 216 орудий противника. Из них 8-й армией захвачено 437 офицеров, 75 547 солдат, 87 орудий, 276 пулеметов, 90 бомбометов и минометов, 30 прожекторов; 11-й армией — 594 офицера, 24 767 солдат, 16 орудий, 91 пулемет, 64 бомбомета и миномета, 52 зарядных ящика; 7-й армией — 716 офицеров, 33 708 солдат, 47 орудий, 106 пулеметов, 9 бомбометов и минометов, 57 зарядных ящиков; 9-й армией — 1 246 офицеров, 54 659 солдат, 66 орудий, 172 пулемета, 32 бомбомета и миномета [1].

Австро-германское командование переживало большую тревогу за устойчивость своих войск на восточноевропейском (русском) фронте и стремилось различными мерами приостановить наступление русских войск.

Проведение контрудара на луцком направлении австро-германскому командованию не удалось. Хотя на этом направлении и было приостановлено наступление 8-й русской армии, но эта остановка являлась временной оперативной паузой, в течение которой русские хотели полностью закончить сосредоточение вновь переброшенных корпусов, пополнить некомплект боеприпасов и упорядочить свой тыл.

Одновременно на южном фланге Юго-западного фронта успехи русского оружия были настолько серьезными, что 7-й австрийской армии только случайно удалось ускользнуть от полного разгрома.

Увлечение ковельским направлением как со стороны Ставки, так и командования Юго-западного фронта привело к тому, что был упущен благоприятный момент для объединения действий 7-й и 9-й русских армий по разгрому главной группировки австрийцев, отходивших на Станиславов.

Направление усилий на юго-запад или на юго-восток, как требовала Ставка, дало возможность австрийцам привести свои части в порядок за укрепленными позициями и затем уже более организованно отводить их с рубежа на рубеж. Русское командование, оценив обстановку слишком поздно и поняв всю нецелесообразность наступления 9-й армии в глубь Карпат, потребовало направить главные усилия этой армии на линию Галич, Станиславов. Остальные армии фронта должны были прочно закрепиться на занимаемых ими позициях и готовиться к новому наступлению.

---

1 ЦВИА, фонд 2067, дело 5312, л. 18.

Глава восьмая

Дальнейшее развитие операции на Юго-западном фронте

1. Обстановка на восточноевропейском (русском) фронте в конце июня 1916 г.

Приближался срок 18 июня (1 июля), когда должно было начаться общее наступление всех союзных армий Антанты.

Уже к этому времени наступление на Юго-западном фронте, начатое в помощь своим «союзникам», тяжело потрясло австро-венгерские армии, отбросив их южный фланг в Карпаты и вдавив их фронт на Волыни на 75—80 *км*. Ген. Конрад вынужден был прервать наступление в Италии и часть сил перебросить в Галицию и Буковину. Бои под Верденом, которыми ген. Фалькенгайн хотел заставить Францию «истечь кровью», превратились в напряженное испытание для самой Германии.

Верден, как признают официальные австрийские источники, сделался «символом силы сопротивления Франции, и общественное мнение страны было проникнуто тем взглядом, что удержание крепости составляет обязательную заповедь народной истории» [1].

К этому же времени английская армия из скромного экспедиционного корпуса превратилась в современное вооруженное войско.

Поэтому англо-французское командование было полно уверенности в победе. Это показывает переписка между союзными главнокомандующими Робертсоном и Жоффром. «Если мы рассмотрим обстановку, то мы оба, вероятно, будем согласны, что мы не желали бы быть на месте Фалькенгайна» [2].

Что касается русского командования, то оно стремилось действовать строго в духе союзнических обязательств, несмотря на то, что со стороны союзников такого желания не наблюдалось.

Между тем обстановка на восточноевропейском (русском) фронте требовала, чтобы союзники России оказали последней срочную помощь. Путем организации своего наступления англо-французы должны были не позволить австро-германцам свободно пере-

---

[1] «Последняя австро-венгерская война 1914—1918 гг.», т. IV, ч. 3.
[2] Куль, Мировая война, т. I, стр. 492.

брасывать дивизии с Западного фронта на Восточный для ликвидации русского наступления.

Русское командование было крайне заинтересовано в быстрейшей организации такого наступления и торопило с его началом как англо-французское командование, так и итальянцев.

По этому поводу начальник штаба верховного главнокомандующего писал русскому военному агенту в Италии полковнику Энкелю:

«Угрожающее наступление наших южных армий, особенно в направлении на Ковель, Владимир-Волынск, заставляет противника принимать энергичные меры противодействия. В районе Ковеля появился 10-й германский корпус, переброшенный с французского фронта; собраны значительные австрийские силы в район Владимира и Подгайце. Можно допускать переброску австрийцев с итальянского фронта. Обстановка благоприятствует и требует от итальянцев самого энергичного, настойчивого, с широким размахом наступления. Я имею в виду не интересы русской армии, т. е. удержание австрийских сил на итальянском фронте, что более или менее недостижимо, а общие союзные интересы. Итальянцы могут и должны вернуть утраченное пространство и продолжать начатое нами расшатывание австрийской армии, нанесение ей возможно бо́льших потерь, пополнение коих уже встретит затруднения. Неудача и на итальянском фронте отразится на духе армии, ее материальном обеспечении, которое в довольно тяжелом состоянии. Ближайшие две недели нашего июня должны были бы дать широкое развитие итальянскому удару, минуя все препятствия. Уполномачиваю вас представить главнокомандующему мои соображения и горячий призыв к одновременной энергичной атаке противника. Теперь или никогда» [1].

2. Оперативный план русского командования

Англо-французы к 18 июня (1 июля), наконец, были готовы начать долгожданное наступление, дав этим самым сигнал к организации дальнейшего, наиболее кровопролитного, наступления русских армий.

Ставка, приурочивая новые атаки к сроку англо-французского наступления на Сомме, категорически требует от ген. Эверта не позже 18 или 19 июня (1—2 июля) подготовить главный удар. Одновременно она пытается координировать действия Западного и Юго-западного фронтов.

Начальник штаба верховного главнокомандующего писал ген. Эверту, что «...обстановка и положение Юго-западного фронта не допускают, чтобы этот фронт был предоставлен своим силам...» [2]

От Юго-западного фронта Ставка требовала сломить сопротивление противника на пути к Ковелю и энергичным наступлением к Бресту разобщить австрийские и германские войска. Для выпол-

---

[1] ЦВИА, фонд 2003, дело 1299, л. 187.
[2] ЦВИА, фонд 2003, дело 1299, л. 223.

нения этой задачи Юго-западный фронт усиливался 3-й армией в составе 27, 75 и 83-й пехотных дивизий, 1-м Туркестанским и 5-м армейским корпусами (см. приложение 6).

3. Оперативный план Юго-западного фронта

(Схемы 29 и 30)

12 (25) июня командование Юго-западного фронта директивой № 1896 потребовало от войск подготовки решительного наступления. 3-й армии была поставлена задача овладеть массивом Галузия, Городок и атаковать на Озаричи (35 *км* северо-западнее Пинска) для содействия 4-й армии. 8-я армия должна была подготовить главный удар на Ковель и второстепенный на Владимир-Волынск. 11-я армия наносила главный удар на Броды и второстепенный на Порицк для содействия 8-й армии. 7-я армия имела задачу наступать на линию Брзежаны, Подгайцы, Монастержиска. 9-я армия должна была продолжать выполнение прежней задачи, т. е. наступать на линию Галич, Станиславов, с целью облегчить продвижение 7-й армии [1].

Этой же директивой 8-й армейский корпус с 16 июня передавался из 8-й в 11-ю армию, поэтому граница между 8-й и 11-й армиями перемещалась на линию Маркостав, Локачи, Яловичи.

Командующие армиями, получив директиву фронта, сразу же приступили к подготовке предстоящего наступления. Небольшой перерыв в боевых действиях был использован для пополнения частей людьми, накопления огнестрельных припасов и перегруппировок. Наибольшие перегруппировки были произведены в 8-й армии (см. схему 30), где 1-й армейский корпус сменил части 5-го Сибирского корпуса на участке Смердин, Линевка, Богушовка.

5-й Сибирский корпус после смены был отведен в армейский резерв в район Рожище, Киверцы.

23-й армейский корпус принял участок 40-го армейского корпуса от Еленов до Зубильно. В свою очередь, 40-й армейский корпус принял участок от 8-го армейского корпуса до Кошев. Кроме того, 1-й Туркестанский корпус, переданный в 8-ю армию, должен был совместно с 5-м кавалерийским корпусом и 4-й Финляндской дивизией занять участок Новоселки, Колки, Гадомичи.

Анализируя план командования Юго-западного фронта, приходится еще раз отметить его ограниченность. По существу это было повторение фронтального наступления на широком фронте, причем удары армий не были увязаны между собою. Получалось в лучшем случае выталкивание противника, а не его уничтожение.

Последняя директива штаба фронта еще раз показала, что русское командование продолжало оставаться на французских принципах методического наступления и исключало смелый маневр, направленный к полному уничтожению живой силы противника.

---

[1] ЦВИА, фонд 2003, дело 389, л. 252.

4. Австро-германский план

(Схема 27)

Провал лобового удара группы ген. Линзингена на Луцк потребовал приостановить наступление этой группы впредь до прибытия новых 43-й и 48-й дивизий. Необходимость разработать новый план действий, рассчитанный на удар в стык между 8-м и 45-м русскими армейскими корпусами, также потребовала времени.

Для подготовки такого удара группа ген. Фалькенгайна усиливалась 22, 7 и 108-й пехотными дивизиями и тяжелой артиллерией. Командование этой группы вместо ген. Фалькенгайна было возложено на ген. Марвица.

12 (25) июня последовал приказ ген. Линзингена, который предписывал новой группе ген. Марвица с 17 (30) июня начать наступление, имея главные силы на южном фланге в полосе р. Липа, Радомысль и Ватин, Белосток.

Левый фланг 1-й армии, 4-я армия и 10-й германский корпус, усиленный 29-й пехотной дивизией, должны были присоединиться к наступлению группы ген. Марвица и отбросить русских к востоку.

Группа Бернарди получила задачу своими главными силами (3 германские дивизии) наступать западнее р. Стырь, а группы войск Фата и Хауэра должны были удерживать свои позиции.

Таким образом, австро-германское командование еще раз пытается вырвать у русских инициативу действий, но, как будет видно дальше, и эта попытка не увенчалась успехом.

5. Боевые действия на правом фланге Юго-западного фронта с 17 (30) по 20 июня (3 июля)

(Схема 27)

Выполняя оперативный план ген. Линзингена, группа Марвица 17 (30) июня перешла в контрнаступление, пытаясь прорваться к Луцку. Несмотря на губительный огонь немецкой тяжелой артиллерии, все их попытки не увенчались успехом. Войска 8-й русской армии стойко защищали каждую пядь земли и германские атаки отбивали контратаками. Только на правом фланге 11-й армии австро-германцам удалось 19 июня прорвать фронт 45-го армейского корпуса в районе между Голятиным и р. Стырь, благодаря чему образовался прорыв шириною 6—10 *км*.

Казалось, что для австро-германцев обозначался успех, грозивший русскому фронту тяжелыми последствиями, однако к району прорыва уже спешили резервы (бригада Заамурской дивизии, 12-я кавалерийская, 6-я Сибирская дивизии, 4 полка 5-го армейского корпуса, только что прибывшего со ст.ст. Дубно, Ровно).

Усилиями этих частей атаки австро-германцев были отбиты, а прибытие головных частей 5-го армейского корпуса на фронт

Нивы Злочевския, Хриники дало возможность отбросить противника на запад.

Уже к 21 июня силы австро-германцев иссякли, и на фронте 11-й армии наступило затишье.

6. Боевые действия на левом фланге Юго-западного фронта с 10 (23) по 13 (26) июня

(Схема 28)

На фронте 7-й русской армии боевые действия ограничились только артиллерийской и ружейной перестрелкой и поисками разведывательных партий.

Успешное наступление 9-й армии в Буковине, прокладывавшее путь в Семигорье, доставляло большое беспокойство австро-германскому командованию.

Не имея других сил, кроме жандармерии и небольших запасных частей, для защиты Семигорья, главное австро-венгерское командование было вынуждено обратить внимание на опасное положение в Буковине. Оно было вынуждено передать в 7-ю австрийскую армию 44-ю стрелковую, 59-ю пехотную дивизии и штаб 8-го корпуса с задачей остановить дальнейшее продвижение русских на Семигорье и Верхнюю Венгрию. В крайнем случае ставилась задача задержать русских на горных перевалах Прислой, Ротондул и перед проходом Борго (западнее и юго-западнее Надворная).

Одновременно главные силы 7-й австрийской армии должны были оказать сопротивление дальнейшему наступлению 9-й русской армии между Днестром и Прутом и в районе юго-восточнее Коломыя. Указывая на политическое значение русского наступления в Буковине, главное австрийское командование стремилось убедить командующего 7-й австрийской армией терпеть до конца. «Русский больше не должен овладеть ни пядью земли в Семигорье и Верхней Венгрии. Каждый боец должен знать, что тут идет бой за решение кампании и судьбу родины»[1].

По плану командования 7-й австрийской армии в связи с угрозой для Коломыя в этот район срочно перевозились 44-я стрелковая и 59-я пехотная дивизии, с задачей прикрыть район Коломыя и одновременно не допустить обхода русскими южного фланга группы Бенигни.

В это время командование 7-й австрийской армии получило уведомление об усилении армии еще 119-й пехотной дивизией, и у ген. Пфлянцер-Балтина возникает идея контрнаступления вновь сформированной Коломыйской группой войск вдоль Днестра.

Этим ударом австрийцы хотели, с одной стороны, сорвать план русского наступления и, с другой стороны, удержать в нейтралитете колеблющуюся Румынию.

Однако этот австрийский план пришлось отложить, так как 15 (28) июня все корпуса 9-й русской армии после артиллерийской подготовки начали наступление между рр. Днестр и Черемош.

[1] «Последняя австро-венгерская война 1914—1918 гг.», т. IV, ч. 3.

Удары русских войск обрушились против 21-й пехотной дивизии австрийцев у Обертын, 30-й и 42-й пехотных дивизий на р. Черняве и против 24-й пехотной дивизии севернее Коссов.

В первые же дни бои принесли успех русским войскам. Прорвав австрийский фронт, русские начали преследование, захватив в плен 305 офицеров, 14 575 солдат, 30 орудий и много другого военного имущества.

К исходу 16 (29) июня 9-я армия овладела линией: 33-й армейский корпус — Подвербце, Обертын; 41-й армейский корпус исключительно — Обертын, западная окраина Дзюрков, Турка, Подгайчики, восточная окраина Корнич; 12-й армейский корпус был на линии Тросцянка, Кропивнице; 11-я и 82-я пехотные дивизии 11-го армейского корпуса встретили упорное сопротивление противника у Пистын, но затем опрокинули австрийцев и вышли на р. Лучка. 1-я Донская дивизия к тому же сроку присоединилась к 3-му кавалерийскому корпусу у Фундул Молдавей.

Продвижение русских частей вдоль Прута, естественно, не могло не беспокоить австрийское командование за участь своих войск между Днестром и Прутом. Поэтому ген. Бенигни поставил вопрос об отводе своей группы на линию Березов, Печенижын, Ивановце, Отыня, Тлумач. Получив на такой отход согласие командующего 7-й армией ген. Пфлянцер-Балтина, ген. Бенигни отдал распоряжение оставить Коломыя и отойти на указанную линию.

В это время в 7-ю австрийскую армию начали прибывать 119-я пехотная дивизия в Тысменица и 105-я пехотная дивизия к Нижниев. В австро-германской главной квартире возникла мысль о создании новой 12-й армии для контрнаступления вдоль Днестра, с целью прорвать фронт русских в юго-восточной Галиции, чтобы открыть себе дорогу в тыл и во фланг русских войск, проникших через Буковину.

18 июня (1 июля) по этому вопросу было совещание начальников генеральных штабов центральных держав, в результате которого состоялось назначение австрийского эрцгерцога Карла-Франца-Иосифа командующим 12-й армией.

В свою очередь, командующий 9-й русской армией ген. Лечицкий начинает беспокоиться за положение своей армии при дальнейшем продвижении в глубь Карпат.

Широкий фронт армии, значительные потери, а главное — необходимость считаться с возможным усилением австрийской армии свежими войсками для защиты Венгрии, выдвигают перед ним необходимость усиления 9-й армии одним армейским корпусом и одной кавалерийской дивизией.

По этому поводу он писал в штаб фронта [1]:

«По выходе вверенной мне армии на фронт Нижниев, Делатын и по мере движения ее вперед в направлении на Станиславов, Галич в тылу остается вся Буковина, почти ничем не охраняемая. Через Карпаты в Буковину противник имеет целую систему хорошо

[1] Рекомендуется пользоваться картой 10 верст в 1 дюйме.

разработанных путей, из коих большинство, как оказалось, оборудовано узкоколейными железными дорогами.

Кроме того, Буковина с Венгрией соединены двумя ширококолейными железнодорожными путями: Мармарош-Сигет, Делатын и Деееш, Гура-Гумора[1]. Опыт 1914—1915 гг. ясно указал, что даже одна угроза нашего движения в Венгрию вызывает немедленно там волнения и заставляет высшее командование противника принимать спешные меры защиты, вплоть до переброски части сил с главных операционных направлений в Лесистые Карпаты. Надо предполагать, что и теперь австрийцы не останутся равнодушными к нашему продвижению и постараются возможно скорее сосредоточить войска для прикрытия Венгрии со стороны Буковины. Со своей стороны противопоставить им я считаю необходимым не менее 3 дивизий, которые, будучи растянуты на фронте более 120 верст, явятся чересчур слабыми и могут лишь наблюдать пути наступления противника. Для активной же обороны нужны резервы, которых в армии нет. С оставшимися после выделения частей на перевалы 7 дивизиями армия может наступать не более как на 2 перехода, ибо при дальнейшем движении вновь придется выделять боковые прикрывающие отряды и еще более уменьшать силу армии. Кроме того, выделение всей конницы для набега в Венгрию поставило армию в тяжелое положение: разведку приходится вести на фронте более 200 верст, для чего в армии остается одна Кавказская туземная дивизия и полки корпусной конницы. Все вышеизложенное заставляет меня ходатайствовать об увеличении армии на один корпус и о придании армии по крайней мере еще одной кавалерийской дивизии»[2].

Ходатайство ген. Лечицкого было верховным командованием удовлетворено, и 9-я армия получила 117-ю пехотную дивизию из Бендер, 47-ю пехотную дивизию из 7-й армии и Уссурийскую дивизию с Северного фронта. Таким образом, с обеих сторон отмечалось стремление усилить свои армии в Буковине для решительных действий.

Между тем австрийская группа Бенигни совершенно неожиданно для русских в ночь на 18 июня начала отход на запад, прикрываясь кавалерийским корпусом Брудермана. Русские части немедленно начали преследование и, захватив Коломыя, к вечеру 18 июня своими 33, 41 и 12-м армейскими корпусами достигли линии Шабокруки, В. Камионка, Доброводка, Сопов, Ключов.

11-й армейский корпус проходил линию железной дороги Печенижын, Рунгуры и вел бой на подступах к Березову.

3-й кавалерийский корпус удерживался австрийцами на хребте, идущем параллельно дороге Кирлибаба, Якобени, примерно в 4 *км* северо-восточнее этих пунктов.

Австрийское командование, опасаясь полного окружения 7-й армии у Березова и Космач, решает парировать эту угрозу

---

1. Мармарош-Сигет в 90 *км* юго-западнее Надворная и Дееш в 130 *км* западнее Кимполунг.
2. ЦВИА, фонд 2067, I, дело 5312, лл. 169—170.

двойным контрударом от Тлумач на Хоцимирз группой войск в составе 105-й и 119-й пехотных дивизий и вдоль южного берега р. Прут частями 44-й стрелковой и 51-й пехотной дивизий.

19 июня (2 июля) австрийцы пытались осуществить свой план контрудара, но ожидаемого успеха не получили. Правда, наступление русских корпусов было на некоторое время задержано, но и австрийский план, в свою очередь, потерпел крах.

20 июня (3 июля) 9-я русская армия вновь перешла в наступление. Конница 11-го армейского корпуса заняла Микуличын и выслала сильную разведку на Делатын и Коросмезо. 12-й армейский корпус вел бой в районе Садзавка и севернее. На правом фланге армии 33-й и 41-й армейские корпуса задержали контрудар австрийцев на фронте Долина, Живачов, В. Камионка.

Таким образом, опасность вторжения русских в Венгрию продолжала существовать. Австрийское командование еще не нашло средств парализовать эту угрозу.

Поэтому последующие события еще много раз вызывали беспокойство в австро-германской главной квартире за свой карпатский фронт.

7. Наступление на правом фланге Юго-западного фронта с 21 июня (4 июля)

(Схема 30)

Командование Юго-западного фронта отдельной директивой назначило начало наступления на 21 июня (4 июля).

3-я армия для выполнения своей задачи по овладению районом Галузия, Маневичи, Городок наметила прорыв австрийского фронта частями сводного корпуса (27-я и 78-я пехотные дивизии) и правым флангом 46-го армейского корпуса на участке оз. Белое, ст. Подчеревичи. Сводный корпус (27-я и 78-я пехотные дивизии) должен был атаковать австрийцев на участке оз. Белое, иск. Костюхновка, имея ближайшей задачей овладеть районом Галузия, Оптов. В дальнейшем корпус должен был развивать действия в направлении Маневичи, Городок. 46-й армейский корпус (77-я, 100-я пехотные и 3-я Кавказская казачья дивизии), сосредоточив не менее 24 батальонов на участке Костюхновка, ст. Подчеревичи, имел задачу нанести главный удар в направлении на Волчецк, одновременно одной бригадой и 3-й Кавказской казачьей дивизией прочно удерживая фронт Вараш, Новоселки, 5 *км* западнее Чарторийск. 4-й кавалерийский корпус (3-я кавалерийская, 1-я Кубанская и 2-я сводная казачья дивизии) должен был упорно оборонять фронт Островск, оз. Белое. 31-й армейский корпус (75-я и 83-я пехотные и 5-я Донская казачья дивизии) имел задачу активно оборонять Пинский район на фронте Огинский канал (20 *км* севернее Пинска), Островск. Армейский резерв состоял из 1-й Забайкальской кавалерийской дивизии, располагавшейся в районе Мулечице, и 16-й кавалерийской дивизии, находившейся в районе Бельска-Воля [1].

[1] ЦВИА, фонд 2134, дело 1427, лл. 155—156.

8-я армия, имея задачей нанести главный удар на ковельском направлении и второстепенный удар на владимир-волынском, должна была овладеть линией Оконск, Грузятин, с временным выжидательным положением корпусов, выдвинутых на левый берег Стыри.

В развитие этого войска получили следующие задачи:

1-й Туркестанский корпус (с 5-м кавалерийским корпусом, усиленный тяжелой и легкой артиллерией), заняв участок р. Стырь от Колки до Гадомичи, должен был атаковать австро-германцев в направлении на Градье.

30-й армейский корпус, занимая участок Гадомичи, Смердин, атакует австро-германцев в направлении на Грузятин, Кашовка.

1, 39, 23 и 40-й армейские корпуса должны были «с начала операции, не ввязываясь в серьезный бой, сковать противника на своем фронте, выбрать участки для атаки и быть готовыми, по особому приказанию, перейти в энергичное наступление».

Армейский резерв состоял из 5-го Сибирского корпуса, располагавшегося в районе Клепачев, Кульчин, 50-й пехотной дивизии, находившейся в районе Шепель, Усичи и 4-й Финляндской стрелковой дивизии в районе Рожище [1].

21 июня (4 июля) 3-я и 8-я русские армии перешли в наступление. В первый же день боев армии прорвали фронт австрийцев от Вульки Галузийской до Грузятина.

Австро-германцы пытались контратаками восстановить положение, но лесисто-болотистые районы превратили все контратаки в запутанные, бессвязные частные бои, и резервы их растаяли. Австро-германские части бежали на запад. Войска их перепутались, и только к вечеру 21 июня удалось австро-германскому командованию немного выяснить обстановку.

В надежде восстановить положение ген. Линзинген 22 июня пытался провести контрудар в направлении Колки частями 11-й баварской дивизии при поддержке 36 самолетов. Однако план ген. Линзингена остался невыполненным, так как с утра 22 июня русские войска усилили свое наступление, создав тяжелую обстановку для австро-германцев в излучине р. Стырь.

К исходу 23 июня русские заняли: сводным корпусом Галузия и Оптово; 46-м армейским корпусом Волчецк, Лисово; 5-м кавалерийским корпусом Комарово, Майдан; 1-м Туркестанским корпусом Градье и 30-м армейским корпусом Грузятин.

Учитывая такое быстрое продвижение войск и угрозу окружения группы Фата, ген. Линзинген решил 24 июня отвести свои части за р. Стоход, имея при этом твердую надежду удержать эту реку за собой. Он писал в главную австрийскую квартиру: «...если мы должны отдать позицию на Стоходе, то нам ничего не остается делать, как медленно отступать за Буг, задерживая противника на всех участках» [2].

Чтобы предотвратить потерю рубежа р. Стоход, верховное гер-

---

[1] ЦВИА, фонд 2003, дело 2302, лл. 169—171.
[2] Рейхсархив, т. X.

манское командование срочно снимает 121-ю пехотную дивизию из-под Вердена и 175-ю пехотную бригаду со своего восточного фронта (русского) и направляет эти части на ковельское направление.

Для обороны р. Стоход ген. Линзинген приказал группам ген. Фата и Гронау занять левый берег этой реки до Ситовичи и группе ген. Бернарди от Ситовичи через Арсоновичи, Навоз до Вулька Порская.

В свою очередь, ген. Брусилов 24 июня (7 июля) потребовал от 3-й и 8-й армий завершить поражение австро-германцев и овладеть Ковелем.

3-я армия, неотступно преследуя разбитого противника, должна была: прочно утвердиться на Стоходе и для содействия 8-й армии в овладении Ковелем атаковать этот пункт с севера и востока; обеспечить правый фланг своих наступающих частей заслоном в северном направлении; по смене частей 31-го армейского корпуса[1] на Огинском канале на участке от оз. Выгоновское до линии Колонск, Речки (60 *км* севернее Невеля) частями Западного фронта использовать сокращение фронта корпуса действиями на тылы противника в Пинском районе, чтобы заставить австрийцев очистить этот район.

Правому флангу и центру 8-й армии по закреплении на Стоходе овладеть Ковелем. На владимир-волынском направлении 8-я армия должна была держаться оборонительных действий[2].

Таким образом, в последующие дни боевые действия на правом фланге Юго-западного фронта были направлены на выполнение указаний ген. Брусилова. 3-я и 8-я армии организовали преследование разбитых австро-германских частей, отбрасывая их за р. Стоход.

К 27 июня (10 июля) противник, отойдя на левый берег Стохода, взорвал все переправы. Попытки 3-й кавалерийской дивизии (4-го кавалерийского корпуса) переправиться на западный берег р. Стоход успеха не имели. Части 4-го кавалерийского корпуса остановились на фронте Березвичи, Угриничи, Н. Червище.

К этому же времени сводный корпус вышел на фронт М. Обзир, Смоляры, и 46-й армейский корпус овладел рубежом Смоляры, Тулебичи.

В 8-й армии группа ген. Шейдемана (5-й кавалерийский и 1-й Туркестанский корпуса) пыталась переправиться через р. Стоход на фронте Тулебичи, Кашовка, Углы, но контратаками австро-германцев была отброшена на восточный берег реки, потеряв 45 офицеров, 3 489 солдат. В 30-м армейском корпусе части 80-й пехотной и 4-й Финляндской дивизий после неудачных атак на фронте Углы, Арсоновичи, Яновка закрепились на восточном берегу р. Стоход. Совместная атака 1-го и 39-го армейских корпусов, предпринятая в направлении на Свидники, не увенчалась

[1] На схеме нет. Рекомендуется пользоваться картой 10 верст в 1 дюйме.
[2] ЦВИА, фонд 2003, дело 513, л. 272.

успехом. Эти корпуса начали закрепляться на восточном берегу р. Стоход. На фронте остальных корпусов действия частей ограничились артиллерийской и ружейной перестрелкой.

8. Итоги боевых действий на правом фланге Юго-западного фронта к 1 (14) июля

В результате боев с 21 по 27 июня (4—10 июля) армии правого фланга Юго-западного фронта успешно выполнили только ближайшую задачу. Выполнение же задачи по овладению Ковельским районом и действия в тыл Пинской группе австро-германцев встретили сопротивление противника на р. Стоход. Все дальнейшие попытки частей 3-й и 8-й армий форсировать эту реку успеха не имели. Попытки отдельных небольших частей переправиться на западный берег р. Стоход, как правило, терпели неудачи. Австро-германцы контратаками отбрасывали эти части в исходное положение.

Поэтому командование Юго-западного фронта считало необходимым «проводить систематическую атаку, подготовленную сильным артиллерийским огнем, с сосредоточением достаточного количества войск в главной ударной группе». При этом рекомендовалось «8-й армии наступать на Ковель 1-м Туркестанским корпусом с востока, 1, 39 и 23-м армейскими корпусами по обе стороны железной дороги, чтобы дать возможность продвинуться и 30-му армейскому корпусу. 3-й армии наступать в полном взаимодействии с 8-й армией и с непременным направлением сильной конной части на Камень Каширский для разъединения Пинской и Ковельской групп противника» [1].

В свою очередь, австро-германское командование считало обстановку на ковельском направлении очень тяжелой для себя. По этому поводу ген. Людендорф пишет, что «...это был один из самых сильных кризисов на восточном фронте. Надежда, что австро-венгерские войска удержат неукрепленную линию Стохода, была малая. Это были чрезвычайно серьезные дни. Мы отдавали все и хорошо знали, что никто нам не может помочь, если неприятель нас атакует» [2].

В общем австро-германцы на этот раз избежали прорыва своего фронта, так как русское командование не сумело объединить и увязать действия своих корпусов для захвата р. Стоход на плечах быстро отступающего противника. Разрозненные действия отдельных частей позволили противнику легко отбить атаки русских, а затем выиграть время для усиления своего фронта свежими войсками.

Это обстоятельство и привело к остановке русских армий на р. Стоход для подготовки нового наступления.

---

[1] ЦВИА, фонд 2003 и 2067, дела 513 и 5376, лл. 282 и 256.
[2] Людендорф, Мои воспоминания, т. I, стр. 117.

9. Боевые действия на фронте центральных армий Юго-западного фронта с 21 июня (4 июля)

(Схема 30)

Командование 11-й русской армии ввиду настойчивых контратак австро-германской группы ген. Марвица отказалось от участия в общем наступлении фронта. Оно поставило корпусам задачу прочно закрепиться и удерживать свое расположение, постоянными поисками продолжая тревожить противника и держать его в состоянии ожидания нашей атаки. Командующий 11-й армией ген. Сахаров, оценивая обстановку, писал в штаб фронта следующее:

«В упорных боях с 16 по 21 июня части вверенной мне армии сдержали сильный напор противника, настойчиво стремившегося прорвать фронт 45-го армейского корпуса с целью поставить в угрожающее положение левый фланг и тыл выдвинутого вперед 8-го армейского корпуса и тем заставить нас отойти к р. Стырь в то самое время, когда сильная 8-я армия готовилась перейти в наступление. Все многодневные неприятельские атаки, обрушившиеся главным образом на 45-й армейский корпус и его молодую, еще неустойчивую 126-ю пехотную дивизию, были не только отражены с большим уроном для противника, но армия, перейдя засим своим правым флангом в контратаку, принудила противника остановиться и перейти к обороне. Однако 45-й армейский корпус, имевший около 20 000 штыков, и приданная впоследствии 6-я Сибирская стрелковая дивизия в числе 7 800 штыков понесли столь значительные потери, что ныне насчитывают в своих рядах не более: 45-й армейский корпус 8 000 штыков, а 6-я Сибирская дивизия лишь 4 000 штыков и потому вряд ли могут считаться в настоящее время боеспособными. Это обстоятельство вынудило меня в настоящие уже дни начать выводить означенные части в тыл для укомплектования и приведения в порядок, с тем чтобы заменить их на позиции 5-м корпусом, только теперь оканчивающим свою перевозку и сосредоточение. Ввиду крайне медленного и неупорядоченного следования 5-го Сибирского корпуса в район армии я вынужден был под давлением обстановки направить некоторые его части непосредственно со станций высадки в бой, чтобы восстановить положение на своем правом фланге и тем сохранить возможность перехода в наступление 8-й армии. Части эти понесли тоже значительные потери, и я не имею возможности ни дать 5-му Сибирскому корпусу особо большого боевого участка, ни выделить из него сильных резервов в свое распоряжение. По прибытии частей 5-го Сибирского корпуса вместе с 6-й Сибирской стрелковой дивизией (последнюю можно было считать лишь за 8 батальонов) армия имела 202 батальона против 173 батальонов противника. Ныне ввиду необходимости вывести в тыл 45-й армейский корпус и 6-ю Сибирскую дивизию (всего 36 батальонов) приведенное соотношение наших и неприятельских сил изменяется в сторону, даже выгодную для противника. Таким образом, с прибытием

5-го Сибирского корпуса положение армии улучшится в том лишь отношении, что даст возможность сменить крайне ослабленный в боях 45-й армейский корпус»[1].

Заканчивая свой доклад, командующий 11-й армией настойчиво требовал отменить приказ о наступлении и разрешить армии ограничиться обороной.

Получив разрешение от штаба фронта на оборону, ген. Сахаров 23 июня (6 июля) приказал:

1. 8-му армейскому корпусу, передав 126-ю пехотную дивизию в распоряжение командира 45-го армейского корпуса, упорно оборонять участок Кошев, Шклин, Угринов, Дубовые Корчмы.

2. 45-му армейскому корпусу выдвинуться на линию Дубовые Корчмы, Кудзиволя, Боремель. 126-ю пехотную дивизию сосредоточить в районе Подгайцы, Торговица, Добрятин для укомплектования.

3. 32-му армейскому корпусу с приданной 7-й кавалерийской дивизией оборонять участок Хриники, Безодня.

4. 17-му армейскому корпусу оборонять участок от Безодня до Круки.

5. 7-му армейскому корпусу оборонять участок от Круки до Янковице (30 *км* юго-восточнее Н. Почаев).

6. 5-му Сибирскому корпусу по сосредоточении сменить 45-й армейский корпус на фронте Угринов, Дубовые Корчмы, Боремель[2].

С 26 июня 5-й Сибирский корпус окончательно был передан в распоряжение командующего 11-й армией и вместе с ранее переданной 6-й Сибирской дивизией должен был сосредоточиться в районе Чаруков.

Между тем ударная группа ген. Марвица после короткой передышки вновь пыталась прорвать фронт 11-й армии в районе Дубовые Корчмы.

Атаки австро-германцев совпали с моментом смены 45-го армейского корпуса частями 5-го Сибирского корпуса, и в силу этого противник имел небольшой успех, но затем положение было восстановлено. Этими последними усилиями по существу и закончился контрудар группы войск ген. Линзингена, имевший целью парировать русский успех на ковельском направлении. 28 июня 11-я армия получила приказ штаба фронта, который требовал от армии временно закрепиться на достигнутых рубежах с тем, чтобы к 1 июля подготовиться для дальнейшего наступления одновременно с 8-й и 3-й армиями.

Командование 7-й русской армии для участия в общем наступлении фронта поставило частям задачу уничтожить противника, стоявшего перед фронтом 2-го и 16-го армейских корпусов (см. схему 24).

Для выполнения этой задачи командующий 7-й армией приказал: а) 6-му армейскому корпусу прочно удерживать свой участок

---

[1] ЦВИА, фонд 2148, дело 606, лл. 463—464.

[2] ЦВИА, фонд 2067, дела 2497 и 5355, лл. 412 и 234—235.

от р. Серет до шоссе Тарнополь, Езерна и держать противника под угрозой атаки; б) 18-му армейскому корпусу удерживать участок от стыка с 6-м армейским корпусом до Бенява; в) 22-му армейскому корпусу овладеть высотами западнее Гайворонка, Котузов; г) 16-му армейскому корпусу прорвать расположение австрийцев у Олеша; д) 2-му армейскому корпусу с 37-й пехотной дивизией и тяжелой артиллерией прорвать расположение австрийцев на участке Вербятын, Зубржец, имея в виду развитие действий во фланг и тыл противника на участке 16-го армейского корпуса; е) 2-й кавалерийский корпус должен был удерживать свой участок от Порхова до Возилув (на р. Днестр); ж) армейский резерв составляла 3-я Туркестанская стрелковая дивизия, располагавшаяся в районе Лясковце [1].

Бои развернулись главным образом на фронте 2-го армейского корпуса, который после артиллерийской подготовки атаковал австрийцев и прорвал их фронт, овладев линией Бертники, Тысув. Австрийцы были опрокинуты, оставив в руках русских войск 186 офицеров, 7 тыс. солдат, 29 пулеметов, более 5 тыс. винтовок и много другого военного имущества. Казалось бы, опять создавалась благоприятная обстановка для развития успеха, но у командующего 7-й армией не было подвижной группы, которую бы можно было бросить в прорыв для развития успеха.

Поэтому он потребовал от 2-го армейского корпуса «закрепить за собой захваченное и, обеспечив себя к стороне р. Коропец, сосредоточить не менее дивизии для дальнейшего развития успеха в направлении Савалуска» [2].

Этим самым командующий 7-й армией пытался усилия армии направить на оказание помощи 16-му армейскому корпусу и расширить прорыв. Таким образом, в последующие дни бои развивались на фронте 16-го армейского корпуса, где благодаря оказанной помощи со стороны 2-го армейского корпуса удалось преодолеть сопротивление австрийцев и отбросить их за р. Коропец. На этом рубеже 7-я армия была задержана командованием для подготовки новой операции.

10. Боевые действия на левом фланге Юго-западного фронта с 22 июня (5 июля)

(Схема 28)

22 июня (5 июля) части 9-й армии после артиллерийской подготовки вновь перешли в наступление, направляя свои главные усилия севернее р. Прут. 33-й армейский корпус, захватив свыше 2 тыс. пленных, овладел линией Живачов, Хоцимирз. 41-й армейский корпус вышел на фронт Хоцимирз, Богородичин, южнее Черемхов. 12-й армейский корпус овладел районом Молодылов, Ивановце, а части 11-го армейского корпуса продолжали продвижение на Делатын, захватив его 25 июня. 103-я пехотная дивизия и 3-й ка-

[1] ЦВИА, фонд 2067, дело 2497, л. 326.
[2] ЦВИА, фонд 2003, дело 538, лл. 44—45.

валерийский корпус вели бой в районе Молдава и под давлением австрийцев отошли в район Селетин, Камераль. В последующие дни боевые действия на фронте 9-й армии развивались главным образом на ее правом фланге, с основной задачей овладеть районом Делатын.

Командующий 9-й армией, учитывая чрезвычайно большой район действий армии и необходимость обеспечения его при дальнейших операциях в станиславовском направлении, возбудил ходатайство о сформировании особого вспомогательного корпуса в составе не менее 3 пехотных и 2 кавалерийских дивизий, на который можно было бы возложить обеспечение фланга и тыла армии. В донесении штабу фронта ген. Лечицкий писал, что «все предыдущие действия армии имели целью возможно более обеспечить фланг со стороны Северной Венгрии и тем подготовить операцию овладения Станиславовским районом... Бой 22 июня, хотя и окончившийся оттеснением противника, показал, что позиции противника на южном берегу Днестра на тлумачском направлении сильно укреплены. Воздушная разведка и показания пленных указывают, что настоящая позиция, занимаемая противником, является передовой; главная и сильно укрепленная позиция проходит между Тысменицей и Тлумач и упирается в районе Нижниева.

Войсковая разведка указывает, что район Отыни является тоже заблаговременно укрепленным. С занятием нами южного берега Прута в районе Делатын противник окончательно отрезывается от сообщения с Мармарош-Сигетом и все его базирование переносится главным образом на Станиславовский узел. Дальнейшие операции армии для овладения Станиславовским районом могут быть начаты только ударом на тлумачском направлении. Движение по предгорьям в обход Надворной является рискованным, так как ведет к затяжным боям в гористой местности, при тыле, обращенном к путям в Северную Венгрию, каковое обстоятельство, даже при наличии особого вспомогательного корпуса, может поставить армию в невыгодное в оперативном отношении положение. Давление противника на наш тыл может сделаться ощутительным раньше, чем мы добьемся успеха, к тому же овладение районом Надворной не принудит противника очистить фронт Нижниев, Отыня и не приблизит к овладению Станиславовским районом. Все эти соображения заставляют перенести сосредоточение главного удара армии на свой правый фланг. Трудности в борьбе за ряд укрепленных позиций, которые преграждают выход к Станиславовскому району, и необходимость сосредоточить для сего возможно больше сил побуждают ходатайствовать о переходе 47-й пехотной дивизии, находящейся в настоящее время в районе Городенки, в распоряжение армии, несмотря на прибытие в район армии 108-й и 117-й пехотных дивизий, которые как по своему составу, так и по своей артиллерии неспособны к выполнению самостоятельных задач»[1].

---

[1] ЦВИА, фонд 2003, дело 1299, лл. 390—391.

Глава девятая

Боевые действия Западного фронта с 20 июня (3 июля) по 25 июня (8 июля)

(Схема 31)

Командование Западного фронта, получив разрешение Ставки о переносе главного удара с виленского на барановическое направление, приняло решение к 9 (22) июня сформировать новую, 4-ю армию, поручив ей фронт Делятачи, оз. Выгоновское. В состав новой армии включались: Гренадерский 25-й, 35-й и 9-й армейские корпуса, 11-я Сибирская стрелковая дивизия, 2-я Туркестанская и Уральская казачьи дивизии.

Создание новой армии требовало много времени, и поэтому бóльшая часть июня проходила в перегруппировках, в результате которых на фронте установилось относительное затишье.

План действий ударной группы Западного фронта (4-я армия ген. Рагоза) заключался в прорыве германских позиций на фронте Цирин, Чвиры и закреплении на рубеже Цирин, Городыще, Жабинцы, р. Мышанка, Русины (10 *км* северо-западнее Чвиры). В дальнейшем должна была быть произведена перегруппировка для перехода в наступление на Новогрудок с задачей бить по частям подходящие с севера германские резервы. Оперативный план предусматривал три этапа в действиях русских войск: 1) прорыв германского фронта на тактическую глубину; 2) перегруппировка армии для создания ударной группы у Дялятачи с целью удара на Новогрудок, прикрываясь с запада; 3) дальнейшее наступление между рр. Неман, Сервечь и Молчадь.

Участок прорыва Цирин, Чвиры был выбран удачно как по местности, так и потому, что его занимал менее стойкий 12-й австрийский корпус.

Задачи корпусам были поставлены следующие:

1. 25-му армейскому корпусу, удерживаясь на фронте Любча; Цирин, атаковать германцев из района Любча в общем направлении на Новогрудок с целью нанесения удара по резервам противника, двигающимся от Вильна. Кроме того, атаковать германцев силами не менее дивизии на участке Цирин, Карчево.

2. Группе ген. Драгомирова (9-й и 35-й армейские корпуса) атаковать германцев на фронте Карчево, оз. Колдычево.

3. Гренадерскому корпусу атаковать германцев на фронте оз. Колдычево, Якимовичи.

4. 10-й армейский корпус должен был, удерживаясь на участке Чвиры, оз. Выгоновское, атаковать германцев на фронте Якимовичи, Чвиры.

5. В армейском резерве оставались 3-й Кавказский корпус, 11-я Сибирская стрелковая дивизия и 2-я Туркестанская казачья дивизия. Фронтовой резерв составляли 3-й Сибирский, 3-й армейский и 7-й кавалерийский корпуса.

Германский оперативный план сводился к упорной обороне Барановического района, основанной на использовании условий местности и своих сильных артиллерийских и технических средств. Германское командование было осведомлено о русском плане предстоящего наступления и в силу этого принимало меры для парирования удара. Для австро-германского командования к этому времени фронт севернее Полесья имел второстепенное значение. Основное его внимание сосредоточивалось южнее Полесья, на ковельском направлении и в Буковине, где обстановка с каждым днем становилась все более тревожной.

Поэтому все свободные силы с фронта севернее Полесья направлялись на Волынь и в Галицию.

Фронт Гинденбурга в силу этого должен был только вести упорную оборону, не допуская прорыва русских.

К 16 (29) июня перегруппировки Западного фронта были закончены, и войска заняли исходное положение для наступления.

В общем группировка сторон давала большое преимущество для 4-й русской армии, которая имела тройное превосходство в силах. Казалось, что успех должен быть на стороне русских, но этого, как будет видно дальше, не получилось. Австро-германское командование, заранее вскрыв сосредоточение ударной группы 4-й русской армии, сумело принять меры для обеспечения фронта 12-го австрийского корпуса и стянуть в этот район все свободные резервы.

В 4 часа 19 июня (2 июля) русские батареи начали пристрелку австро-германских целей на фронте Цирин, Чвиры. Через три часа русская артиллерия перешла на поражение пристрелянных целей и продолжала артподготовку весь день и вечер 19 июня. Германская артиллерия отвечала слабо. 20 июня (3 июля) части ударной группы 4-й армии, пользуясь предрассветной темнотой и туманом, перешли в атаку и к 4 час. утра заняли первую и частично вторую линии окопов. Австро-германское командование для ликвидации этого прорыва бросило свои частные резервы, но они не могли остановить наступление русских. Бой продолжал перемещаться в окопы третьей линии. Тогда германцы сняли свои части с других участков и направили их к месту прорыва.

В результате этих мероприятий австро-германскому командованию удалось остановить продвижение русских, а местами даже возвратить утерянное пространство.

Поздно ночью 20 июня (4 июля) командующий 4-й русской армией ген. Рагоза приказал корпусам продолжать наступление, предварительно подготовив его артиллерийским огнем. С рассветом 21 июня (4 июля), несмотря на дождь, вновь началась артиллерийская подготовка, после чего части 9-го и 35-го армейских корпусов атаковали австрийские позиции. Атака этих корпусов имела ограниченный успех, так как встретилась с контратакой австро-германских армейских резервов.

В общем вторая атака русских развития не получила, и они вынуждены были готовиться к третьей атаке. Командующий 4-й армией просил ген. Эверта передать ему 3-й армейский корпус с тем, чтобы, подкрепив им ударную группу, продолжать дальнейшую атаку.

Получив отказ, командующий 4-й армией решает ввести в бой 3-й Кавказкий корпус в направление Городыще.

Поэтому весь день 21 июня (4 июля) на фронте ударной группы продолжалась артиллерийская подготовка, и в 19 час. русские части снова двинулись в атаку.

Бой принял упорный характер и продолжался с переменным успехом до полуночи.

В полночь разразилась гроза с ливнем, и русское командование отдало приказание остановить наступление и окопаться.

В общем и третья атака 4-й русской армии не имела успеха, кроме захвата австро-германской позиции от р. Сервечь до Заосье.

Командующий 4-й армией решил с утра 23 июня продолжать наступление, для чего вновь просил усилить армию 3-м армейским корпусом из фронтового резерва. Получив отказ, ген. Рагоза перенес атаку на 24 июня, использовав 23 июня на перегруппировки и на дополнительную артиллерийскую подготовку.

В общем к исходу 23 июня в первую линию были полностью введены 3-й Сибирский и 3-й Кавказский корпуса и 11-я Сибирская стрелковая дивизия. Одновременно ближе к фронту был подтянут 3-й армейский корпус.

Австро-германское командование напрягало свои последние силы для восстановления положения на фронте 12-го австрийского корпуса, стянув к месту боев в течение 22 июня части 84-й пехотной, 119-й резервной, 18-й ландверной и 5-й резервной дивизий.

В 8 час. 24 июня началась методическая артиллерийская подготовка четвертой атаки русских.

Несмотря на пасмурную погоду, артиллерийский огонь продолжался весь день и вечер.

Атака назначена была на 25 июня. В 2 ч. 30 м. русские части подошли к третьей линии австро-германских окопов, где были встречены сильным ружейным и пулеметным огнем и залегли перед проволокой. В общем, несмотря на ввод свежих частей 3-го Сибирского и 3-го Кавказского корпусов, четвертая атака русских была также безуспешной.

Войска встретили сильное сопротивление противника и с потерями отошли в исходное положение.

Вечером 25 июня русские войска еще раз пытались атаковать

австро-германские позиции, но также потерпели неудачу, закончив этим по существу наступательную операцию под Барановичами.

Все дальнейшие события на фронте 4-й армии вылились в разрозненные действия частей армии, сопровождаемые частными контратаками австро-германцев, которые приводили к истощению русских войск.

В общем за девять дней боев под Барановичами 4-я русская армия провела пять артиллерийских подготовок, пять атак и имела четыре отсрочки наступления, получив за это время у противника небольшую территорию, но потеряв 30 тыс. убитыми, 47 тыс. ранеными и до 3 тыс. пленными.

Австро-германцы потеряли 8 тыс. убитыми, 13 тыс. ранеными и до 4 тыс. пленными.

Ввод в бой русских частей пачками и запоздалый подвоз русских резервов позволяли австро-германскому командованию принимать контрмеры и расстреливать артиллерийским и пулеметным огнем разрозненно действовавшие русские части.

Таким образом, крупные ошибки и недочеты в управлении войсками свели на-нет необычное упорство и доблесть русских войск при прорыве укрепленной полосы.

Русское же верховное командование, убедившись в бесполезности разрешить свой оперативный план на Западном фронте, окончательно решило перенести свои усилия южнее Полесья. Было приказано немедленно начать перевозку всех войск гвардии в район Луцк, Рожище с целью создать новую армию за левым флангом 3-й армии для глубокого обхода германских армий, на Брест, Кобрин, Пружаны.

«Целью ближайших действий армий Западного фронта, — писал начальник штаба верховного главнокомандующего, — поставить удержание находящихся перед ним сил противника, держа их под угрозой энергичной атаки или продолжая операцию в барановическом направлении»[1].

---

1 ЦВИА, фонд 2067, дело 5272, лл. 250—251.

Глава десятая

Перенос главного удара на Юго-западный фронт

1. План русского командования

(Схема 30)

В первых числах июля гвардейские части начали сосредоточиваться в районе Киверцы, Луцк и должны были совместно с 1-м и 30-м армейскими и 5-м кавалерийским корпусами составить особую армию ген. Безобразова. Главнокомандующий Юго-западным фронтом ген. Брусилов, ожидая сосредоточения войск новой армии, решил приостановить дальнейшее наступление всех армий фронта. Исключение было для 11-й армии, которой он поставил задачу продолжать выпрямлять свой фронт, и для 9-й армии, которая должна была атаковать австрийцев своим левым флангом [1].

Целью своих дальнейших действий ген. Брусилов попрежнему считал овладение Ковельским районом. В развитие этой идеи он отдал директиву (№ 2281), по которой армиям фронта были поставлены следующие задачи:

3-я армия, включив в свой состав 3-й армейский, 1-й Туркестанский корпуса и 4-ю Финляндскую дивизию, должна была атаковать Ковель с востока и севера и, кроме того, овладеть Невельскими переправами на Стоходе, от устья до Любешов, развивая удар в тыл Пинской группе противника. Граница армии слева проходила по линии Ковель, Кашовка, Золоточин (50 *км* севернее Ровно).

Войска гвардии, 1-й и 30-й армейские, 5-й кавалерийский корпуса под общим командованием ген. Безобразова имели задачу атаковать Ковель с юга. Граница этой новой армии слева проходила по линии Турийск, Озеряны, ст. Киверцы.

8-я армия, включив в свой состав 8-й армейский корпус, должна была овладеть Владимир-Волынском. Граница армии слева прохо-

---

[1] ЦВИА, фонд 2003, дело 513, л. 286.

дила по линии Варенж (18 *км* северо-западнее Сокалб), Сокаль, Ровно.

11-я армия имела задачу наступать на Броды, Львов.

7-я и *9-я армии* должны были выполнять прежние задачи по овладению рубежом Галич, Станиславов [1].

Особой телеграммой ген. Брусилов определил начало общей атаки на рассвете 10 (23) июля, но потом этот срок ввиду неблагоприятной погоды и неготовности Особой армии был перенесен на 15 (28) июля.

В общем командование Юго-западного фронта намечало провести свою старую идею, стремясь разрешить операции на правом крыле фронта. Однако больших надежд на это уже не было, так как соотношение сил было не в пользу русских. Между тем обстановка на левом фланге фронта продолжала оставаться чрезвычайно напряженной для австро-германского командования, ибо его попытки организовать контрнаступление вдоль Днестра потерпели неудачу.

Более целесообразно было бы перенести свои главные усилия южнее Днестра, усилив для этого 9-ю армию. В крайнем же случае можно было построить свой оперативный план с идеей двойного удара, направляя его на ковельском и станиславов-галичском направлениях.

С этой точки зрения заслуживает внимания мысль, высказанная начальником штаба верховного главнокомандующего в своем разговоре по прямому проводу с начальником штаба Юго-западного фронта.

Он говорил: «Общая идея наших действий против австрийцев — удерживать возможно слабыми силами, опираясь на укрепления, их центр, и охватывать возможно мощными руками их фланги. 9-я армия уже стоит в таком положении.

Рассматривая соотношение сил к 3 июля, мы получим такую картину: против 3-й, 8-й армий и гвардии — всего 247 тыс. — стоит 114 тыс. немцев и австрийцев; 11-я армия имела 163 тыс. против 131 тыс., 7-я — 157 тыс. против 87 тыс. и 9-я армия — 144 тыс. против 89 тыс. Наиболее благоприятное соотношение против правого крыла фронта и 9-й армии. Все, что 7-я армия может добиться лобовыми атаками, ей с лихвой даст громовой удар 9-й армии. Это отвечало бы и всей идее операции — могучее движение на Станиславов, Галич, но для этого нужно было бы хотя довести 9-ю армию до 160 тыс. человек, а лучше больше, и требовать от нее действительно сильного и надежно обдуманного удара, который решит судьбы неприятеля, стоящего против 7-й армии» [2].

Но это указание Ставки осталось проблемой для Юго-западного фронта, и войска продолжали готовиться к наступлению согласно прежней директиве ген. Брусилова.

---

1 ЦВИА, фонд 2003, дело 513, л. 291.
2 ЦВИА, фонд 2067, дело 5272, лл. 299—303.

2. Боевые действия на Юго-западном фронте до 15 (28) июля

(Схема 30)

Активные боевые действия до 15 июля развивались главным образом в 11-й армии и на левом фланге 9-й армии. В остальных армиях они ограничились артиллерийской перестрелкой и поисками разведчиков.

С 3 июля *11-я армия* продолжала наступление своим правым флангом и отбросила австрийцев к западу, захватив за один день боя 317 офицеров, 12 037 солдат, 16 легких и 14 тяжелых орудий.

К исходу дня части 11-й армии занимали следующее положение: 8-й армейский корпус овладел Пустомыты, Ощев; 5-й Сибирский корпус вышел на рубеж Звиняче, Красов, Голятин; 5-й армейский корпус овладел Голятин, Липа; 32-й армейский корпус готовился к форсированию р. Стырь у Вербеня.

Остальные корпуса 11-й армии свои боевые действия ограничили артиллерийской и ружейной перестрелкой.

Дальнейшие действия 11-й армии развивались главным образом на фронте 5-го Сибирского, 5, 45, 32 и 7-го армейских корпусов, где удалось отбросить австрийцев на запад.

К 14 (27) июля войска армии занимали линию Пустомыты, Ощев, Звиняче, Лобачевка, Диковины, Мерва, Гржималовка, Лешнюв, Ласове, Болдуры, Конюшков, Опарипсы, Суходолы. 17-й армейский корпус, захватив Суходолы, дальше продвинуться не мог, так как австрийцы задержали его ураганным артиллерийским огнем.

В результате этих боев 11-й армии удалось не только сорвать австрийский план контрудара группы Марвица, но и отбросить противника на запад, выпрямив свой фронт и захватив много пленных. Войска 11-й армии подошли вплотную к Бродам, захват которых являлся вопросом лишь некоторого времени. Угроза же потерять этот пункт заставила австрийское командование принять ряд новых мер, направленных к задержанию русского наступления.

9-я армия развивала свои активные действия (схема 28) главным образом на своем левом фланге частями 11-го армейского корпуса в направлении на Ворохта и Шибены. На фронте 33, 41 и 12-го армейских корпусов боевые действия ограничились перестрелкой.

Между тем положение австрийцев было тяжелое. Наступление 9-й армии сорвало план австро-германского командования создания новой армии на Днестре. Предназначавшиеся для этой армии 105-я и 119-я пехотные дивизии были израсходованы на оборону, а 44-я и 59-я пехотные дивизии пришлось бросить на затягивание прорывов на Пруте. Взять же что-либо из войсковых частей с ковельского направления не представлялось возможным, ибо бои на Стоходе принимали опасный для австро-германцев характер.

Обстановка осложнялась с каждым днем. Русские войска подошли непосредственно к Делатын и угрожали Яблоницкому пере-

валу и Буковине. В это же время осложнились отношения центральных держав с Румынией, выступление которой на стороне Антанты ожидали с каждым днем. Начальник штаба верховного главнокомандующего писал ген. Брусилову: «Можно надеяться, что Румыния присоединится к нашему союзу и в конце этого месяца или в начале августа объявит войну Австрии и Болгарии. Оставив до 100 тыс. в Добрудже, румыны до 250 тыс. направят в Трансильванию»[1]. Румынский вопрос сильно беспокоил австро-германское командование, заставляя его принимать целый ряд предохранительных мер. Одним из этих мероприятий был вопрос о привлечении турецких военных сил в Галиции для усиления защиты путей в Венгрию.

Все эти мероприятия несколько облегчали обстановку, но не могли снять полностью существующую угрозу на карпатском фронте. 7-я австрийская армия продолжала считаться малобоеспособной, если учесть, что ее боевые силы в 5, 24, 30, 42 и 51-й пехотных дивизиях едва превышали численность одного пехотного полка. Нужно было срочно выводить их с фронта в тыл для доукомплектования. Их необходимо было заменить, однако в руках австро-венгерского командования для этого не имелось никаких средств.

Вся надежда оставалась на беспрерывный ливень, который, размыв глинистую почву, должен был задержать наступление русских корпусов.

Нужно отметить, что эта надежда оправдалась, так как вплоть до 15 июля боевые действия приостановились и ограничились только перестрелкой. Таким образом, австрийцы получили необходимое им время на производство перегруппировок.

3. Боевые действия на правом фланге Юго-западного фронта с 15 (28) по 18 (31) июля 1916 г.

(Схема 30)

15 (28) июля началось наступление войск Юго-западного фронта.

3-я армия для наступления распределила свои корпуса равномерно по всему фронту. С утра армия начала артиллерийскую подготовку и затем атаковала австрийцев, но успеха не имела.

Только в последующие дни сводному, 46-му и 30-му армейским корпусам удается форсировать р. Стоход и овладеть первой линией австрийских окопов, закрепив за собой Смоляры и район Селец, Рудка Миринская, Велицк.

На остальном фронте армия успеха не имела, и войска продолжали занимать исходное положение.

Особая армия ген. Безобразова пыталась наступать на ковельском направлении с целью охватить его с юга. Действуя в болотистой местности, она с трудом продвигалась вперед. Отлично подготовленная для обороны местность позволила австро-герман-

---

1. ЦВИА, фонд 2067, дело 5272, л. 268.

цам отбить наступление русской гвардии, предоставив Особой армии возможность выйти к р. Стоход только на фронте Богушовка, Ворончин.

8-я армия наступала на владимир-волынском направлении и в первый же день добилась крупных успехов на своем левом фланге, где 40-й армейский корпус и группа ген. Драгомирова прорвали фронт австрийцев и овладели линией Затурцы, Шельвов, Бойник, Свинюхи, Корытница.

Помимо захвата у австрийцев территории, 40-й армейский корпус взял в плен штаб бригады во главе с командиром бригады, командира полка, 7 100 солдат и 10 орудий. 14-я пехотная дивизия группы ген. Драгомирова захватила 19 орудий, 134 офицера и 4 576 солдат[1].

Командование 8-й армии пыталось развить успех и выбросило для преследования австро-германцев части 5-го кавалерийского корпуса, которые в бою в районе Бойник, Свинюхи захватили 13 орудий и 2 000 пленных солдат.

На правом фланге армии бои носили менее упорный характер. 39-му и 23-му армейским корпусам удалось занять только первую линию окопов на фронте Ворончин, Студыны, восточнее и юго-восточнее Киселин.

Дальнейшие действия 8-й армии развивались главным образом на правом фланге армии, где 39-й армейский корпус вышел на р. Стоход и 23-й армейский корпус овладел Киселин.

Попытка продвинуться дальше не удалась, так как австро-германское командование сумело обеспечить это направление свежими силами, перебросив их с других фронтов.

В общем надежда русского командования получить крупный успех на ковельском направлении не оправдалась. Равномерное наступление корпусов правого фланга фронта не дало никаких реальных результатов. Местами удалось захватить отдельные пункты на левом берегу р. Стоход. На ковельском направлении австро-германцы были отброшены только за р. Стоход, и дальнейшее наступление русских приостановилось. Крупного успеха достигла 8-я армия, которая 15 июля захватила в плен 384 офицера, 11 909 солдат и 44 орудия. Однако и она смогла продвинуться в глубь расположения австро-германцев только на 5—10 *км*, приостановив дальнейшее наступление ввиду контратак свежих частей противника. Таким образом, если наступление правого фланга Юго-западного фронта в первые два дня протекало с полной энергией, то в последующие дни порыв уменьшался, и, наконец, 18 июля пришлось прекратить атаки для перегруппировок и составления нового плана операции.

Ген. Брусилов, подводя итоги кровавого, но бесцветного с точки зрения оперативного творчества побоища на р. Стоход, писал, что: «в боях последних дней я заметил неоднократные отступления от основных положений, выработанных опытом, и от моих требований. 1) Не всегда атаке предшествовала тщательная разведка не-

[1] ЦВИА, фонд 2067, дело 5319, лл. 170 и 177.

приятельской позиции, был даже случай, что наличие проволочных заграждений выяснено уже во время наступления. 2) Часты случаи отсутствия связи между пехотой и артиллерией, чем объясняются такие факты, как незнание пехотой тех участков проволочных заграждений, где проделаны проходы артиллерией, отставание артиллерии от пехоты при наступлении. 3) Громадный расход снарядов, не всегда соответствующий достигнутым результатам. Во время майского наступления артиллерия уничтожала начисто укрепления противника и совершенно лишала врага возможности держаться в них. Теперь же она не всегда справляется с окопами полевого характера. В некоторых случаях это объясняется неправильностью задач, возлагаемых на артиллерию, например, зажжение деревни, когда еще не тронуты неприятельские окопы. 4) Недоведение атак до конца под предлогом значительных потерь. Если атака ведется правильно, грамотно, то надлежит доводить ее до конца, памятуя, что повторение ее через некоторый промежуток времени обойдется еще дороже, так как противник успеет лучше изготовиться. По этой же причине преследование отступающего должно вестись неотвязчиво. 5) Нет достаточного взаимодействия частей и стремления помочь, например, нажимом на фланг противника, которого соседняя часть не может опрокинуть. Сюда отношу то, что одна часть бездействует, когда соседняя дерется. 6) Иногда корпусам даются очень неопределенные задачи, например, «сообразовать свои действия» с рядом стоящим корпусом; если подобная задача дается смежным корпусам двух рядом стоящих армий, то все сводится к оглядыванию друг друга и к бездействию. 7) Часто войска ставятся равномерно по всему фронту, нет более сильной ударной группы на главном направлении. Нет и эшелонирования в глубину для волнообразного наступления и питания боевых линий поддержкой сзади. Таковы важнейшие ошибки»[1].

4. Боевые действия на фронте 11, 7 и 9-й армий с 15 (28) по 20 июля (2 августа)

(Схема 30)

За этот промежуток времени боевые действия на фронте 11-й армии развивались главным образом в бродском направлении. На левом фланге армии 32-й армейский корпус 16 июля захватил Броды, а 5-й Сибирский, 17-й и 7-й армейские корпуса к 17 июля продвинулись на линию Голосковице, Дубе и далее по восточному берегу р. Серет до Янковце, где были задержаны организованным огнем австрийцев. На правом фланге армии бои протекали с переменным успехом. 5-й армейский корпус продолжал занимать фронт Звиняче, Красов, Лобачевка, Мерва, а 45-й армейский кор-

---

[1] ЦВИА, фонд 2067, I, дело 5319, лл. 375—376.

пус располагался по правому берегу р. Стырь от Мерва до Пяски и далее до Болдуры.

Ген. Марвиц, учитывая широкий прорыв между частями ген. Бернарди и главными силами Фалькенгайна и невозможность его прикрыть, решил отвести свою группу войск на линию р. Липа, Горохов.

Таким образом, 11-я армия сумела за очень короткий срок продвинуть свой левый фланг на 15—20 *км* и захватить важный для австро-германцев пункт Броды.

2-я австрийская армия должна была оставить хорошо устроенные позиции и укрыться за болотистыми рр. Болдурки и Серет.

Продвижение русских к р. Стоход и захват Броды заставили австро-германское командование принять ряд новых мер к удержанию наступления русских войск.

В целях большего контроля германское верховное командование добилось от своего союзника Австро-Венгрии объединения в руках ген. Гинденбурга командования австро-германскими войсками от Рижского залива до Броды.

Кроме того, в Польше были срочно сформированы 3 смешанные австро-германские дивизии, которые направлялись на ковель-бродское направление.

Командующий 7-й армией наметил по своему плану ближайшую цель — разгромить германскую группировку в районе Монастержиска, Савалуска, Олеша путем выхода во фланг и тыл этой группы со стороны Монастержиска, одновременной атакой 2-го и 16-го армейских корпусов (см. схему 24).

С этой целью 2-й армейский корпус должен был прорвать позиции австрийцев на р. Коропец на участке Слободка, Залесье и вывести не менее 4 полков на фронт Монастержиска, Вычулки для действий в тыл Савалуски. 16-й армейский корпус обязан был развивать действия на фронте Доброводы, Савалуска; 2-й кавалерийский корпус имел задачу преследовать австро-германцев, отбрасывая их в Днестр и Золотую Липу.

Остальные корпуса своим наступлением должны были содействовать ударным корпусам армии в выполнении их задач [1].

15 (28) июля после артиллерийской подготовки войска 7-й армии перешли в наступление. 2-й армейский корпус в тяжелых условиях местности и под огнем противника форсировал болотистую р. Коропец на участке Чехов, Залесье и ворвался в первую линию австрийских окопов. Попытка остальных корпусов прорвать оборонительную полосу противника не удалась, и все их действия ограничились перестрелкой.

18 июля командующий 7-й армией, оценивая создавшуюся обстановку, доносил в штаб Юго-западного фронта следующее: «7-я армия начала наступление 15 июля с рассветом и с той поры его не прекращала. Наступление было встречено сильными контратаками, которые отбивали и медленно продвигались, закрепляя захваченное. В ночь на 17 июля была небольшая перегруппировка

---

[1] ЦВИА, фонд 2003, дело 538, л. 55.

в пределах 2-го армейского корпуса, а утром 17-го продолжение атаки»[1].

Пожалуй, это было одной из основных причин того, что ударная группа армии имела такой ограниченный успех. Частые приостановки наступления русских частей создавали выгодные условия для австро-германцев, сумевших обеспечить район Монастержиска значительными подкреплениями из района Подгайцы, Езерна и даже с фронта 9-й русской армии.

Командующий 7-й армией 18 июля приостановил дальнейшее наступление с целью перегруппировки и переброски свежих частей в район главного удара и для замены 26-й и 43-й пехотных дивизий, понесших большие потери.

В тот же день после артиллерийской подготовки перешла в наступление и 9-я русская армия, направляя свой удар между Днестром и Прутом (см. схему 28). Почти на всем фронте была прорвана оборонительная позиция австро-германцев, и ударная группа армии, преодолевая контратаки противника, сумела овладеть рубежом: 33-й армейский корпус — Одае, Олеша; 41-й армейский корпус — Грушка, Гостов; 12-й армейский корпус — Гостов, Тарговица, Польна, Молодылов. При этом было взято в плен 126 офицеров, 7 097 солдат и захвачено 33 орудия, 18 зарядных ящиков, 71 пулемет и много другого военного имущества. Из числа взятых пленных было 25 германских офицеров и около 2 тыс. германских солдат[2].

Казалось, создавалась благоприятная обстановка для дальнейшего развития успеха, но в это время в силу совершенно непонятных причин командующий 9-й армией приостановил наступление армии между Днестром и Прутом для новых перегруппировок.

5. Итоги боевых действий армий Юго-западного фронта к 20 июля 1916 г.

Расценивая итоги фронтовой операции за этот промежуток времени, приходится отметить ее незначительный и ограниченный небольшими территориальными рамками результат. Армии, никем не управляемые, действовали изолированно одна от другой как по времени, так и в пространстве. Все это усугублялось безынициативностью русского командования и его тяжеловесностью в действиях. Такое положение значительно облегчало действия австро-германского командования, предоставляя ему возможность свободно маневрировать своими ничтожными по силе резервами.

В этом отношении правильные мысли высказал начальник штаба верховного главнокомандующего, когда он писал ген. Брусилову свою оценку последних действий армий Юго-западного фронта.

---

[1] ЦВИА, фонд 2129, дело 133, л. 24.
[2] ЦВИА, фонд 2067, дело 5319, лл. 151 и 158.

20 июля, запрашивая у ген. Брусилова план дальнейших действий, он писал:

«Подвезенные немцами подкрепления, успевшие довольно прочно укрепиться на случайно занятых позициях, не дают уже возможности развивать операцию одновременно всеми армиями на широком фронте и требуют, по моему мнению, сосредоточения превосходных сил на некоторых избранных важнейших направлениях.

В общем юго-западные армии имеют на своей стороне превосходство сил свыше 200 тыс. штыков, дающее возможность комбинировать удар, произвести прорыв и применить вслед за ним работу во фланг и тыл прорыва, избегая дорогостоящих исключительно лобовых ударов, для развития которых нет уже средств. По такой программе отсутствия сосредоточения сил вела атаку 3-я армия, ей подражал ген. Безобразов; результат — состояние бессилия при общем превосходстве сил. Снова обращаюсь к 7-й армии, которая для пользы дела могла бы теперь выделить 9-й армии корпус, при помощи которого победа 15 июля получила бы широкое развитие и решающее значение. Работа без сбора сил ведет к медленному развитию операции, потере времени, усилению позиций противника, большому расходованию снарядов. Опасаюсь, что 7-я армия в предстоящие дни повторит опыт 15—17 июля без всяких результатов. Современная обстановка не позволяет рассматривать частные армии как независимые органы, действующие вполне самостоятельно в поставленных им границах: приходится налагать руку на силы и средства одной армии для временного усилия другой и сбора подавляющих сил на намеченном направлении» [1].

На этом по существу и закончилась операция прорыва на Юго-западном фронте.

Дальнейшие действия выливаются в ряд сражений на р. Стоход и наступление остальных армий Юго-западного фронта с последующим выходом на линию западнее Броды, Подгайцы, Тлумач, Делатын.

В сражении на р. Стоход было состязание обеих сторон по переброске новых подкреплений, в результате которого бои в этом районе приняли затяжной характер.

Это было по существу сражение на истощение, закончившее операцию фронта в начале сентября.

С точки зрения оперативных форм все эти бои не представляют особого интереса, и поэтому рассмотрение их не входило в задачу настоящего исследования.

---

1 ЦВИА, фонд 2067, дело 5272, л. 343.

Глава одиннадцатая

Общие выводы

1. Значение и общие итоги брусиловского наступления

Наступление русской армии в мае — августе 1916 г. имело огромное значение для Антанты.

Царская Россия, начав войну, стремилась осуществить свои империалистические планы — разделить Турцию, завоевать проливы из Черного моря в Средиземное (Дарданеллы) и захватить Константинополь и Галицию.

Являясь экономически и политически зависимой от Антанты, технически слабая Россия одновременно с осуществлением своих империалистических целей должна была выполнять требования своих союзников, направленные исключительно в их интересах.

Политика англо-французского империализма в первой империалистической войне велась по их излюбленному методу: «Загребать жар чужими руками», поэтому русская армия несколько раз в течение всей первой мировой империалистической войны принимала на себя удары армий центральных держав и этим самым облегчала напряженную обстановку для французов, англичан, сербов и итальянцев.

Так было в 1914 г., когда Россия должна была провести операцию в Восточной Пруссии, будучи неготовой. Таким был весь 1915 год, когда русская армия вынесла на своих плечах всю тяжесть боев и дала возможность англо-французам получить передышку для подготовки дальнейшей борьбы. Так было в декабре 1915 г. на р. Стрыпа, когда спасалась Сербия, и так получилось в 1916 г. — в мартовской операции у оз. Нарочь и в брусиловской операции, когда русские солдаты своею кровью спасали англо-французов и итальянцев.

18 (31) мая царь телеграфировал итальянскому королю: «Мой начальник штаба доложил мне, что 22 мая (4 июня) моя армия будет в состоянии начать атаку австрийцев. Это даже несколько ранее той, которая установлена военным союзным советом... *Я решил предпринять это изолированное наступление с целью оказать помощь храбрым итальянским войскам и во внимание к твоей просьбе»* [1].

[1] ЦВИА, дело Ставки № 458.

Эта помощь «союзникам» стоила России больших потерь, которые с 28 мая по 13 июля 1916 г. составляли: убитыми и умершими от ран 62 155 офицеров и солдат, ранеными и контуженными — 376 910 и пропавшими без вести — 59 802 человека. Таким образом, русская армия за эту операцию потеряла 6 184 офицера и 492 683 солдата [1]. Но русская армия выполнила полностью ту задачу, которая на нее возлагалась англо-французским командованием. Она разгромила 4-ю и 7-ю австрийские армии на ковельском направлении и в Буковине.

Катастрофа австро-венгерского фронта была близка к своему завершению.

Войска Юго-западного фронта одержали такие успехи благодаря героизму, храбрости и самоотверженности русских солдат, которые при недостатке боеприпасов, продовольствия и другого материального обеспечения вынесли на своих плечах всю тяжесть боевых действий по прорыву австро-германских укрепленных позиций.

Только чрезмерная медлительность русского командования, отсутствие у него решительности на смелые перегруппировки позволили австро-германцам выиграть время и изыскать средства для ликвидации прорыва.

Командованию центральных держав пришлось снять до 45 дивизий (см. приложение 5) с французского, итальянского, салоникского и других фронтов. Это не могло не сказаться на ослаблении атак германцев под Верденом и помогло французам организовать контрнаступление на Сомме.

Одновременно австрийцы были вынуждены прекратить наступление в Трентино и перебрасывать свои силы с итальянского фронта для ликвидации брусиловского прорыва.

Центральные державы испытывали один из тяжелых периодов войны, и «если бы, — пишет Отто Мозер, — в этот критический момент, в начале июня, англо-французские войска перешли в решительное наступление, то, даже не добившись сразу прорыва, они так сковали бы немецкий западный фронт, что немецкое верховное командование не было бы в состоянии удовлетворить настойчивую просьбу о помощи Австро-Венгрии» [2].

Но этого не случилось, и русская армия была вынуждена вести боевые действия в изолированной обстановке. Успех, достигнутый Юго-западным фронтом, не получил широкого размаха. Ген. Фалькенгайн писал, что «в Галиции опаснейший момент русского наступления был уже пережит, когда раздался первый выстрел на Сомме» [3].

Прорыв не был развит, и фронт до 1917 г. опять стабилизировался.

Во всяком случае, брусиловское наступление показало всему миру, что русская армия не была разгромлена после тяжелых неудач в 1915 г. и могла еще наносить серьезные удары своему противнику.

---

[1] Клембовский, Стратегический очерк войны 1914—1918 гг., ч. 5, стр. 73.

[2] Отто Ф. Мозер, Краткий стратегический обзор мировой войны 1914—1918 гг., стр. 95.

[3] Фалькенгайн, Верховное командование, стр. 243.

Это показали потери австро-германцев на Юго-западном фронте, которые составляли убитыми, ранеными и пленными до 1,5 млн. человек. Из них было взято в плен «более 8 924 офицеров, 408 000 солдат и захвачено 581 орудие, 1 795 пулеметов, 448 бомбометов и минометов», не считая большого количества другого военного имущества [1].

2. Идея операции и ее значение

Русская армия к началу брусиловского прорыва имела ограниченный опыт борьбы в позиционных условиях и стремилась слепо подражать англо-французским приемам борьбы, хотя они для русского фронта и были во многом неприемлемы.

Недостаток технических средств, обширность пространств, довольно развитая сеть железных дорог у австро-германцев, позволяющая им более свободно маневрировать своими оперативными резервами и, наоборот, слабая у русских — придавали другой оттенок позиционной войне и требовали несколько иных оперативных форм борьбы.

Эту особенность учел ген. Брусилов и смело отказался от негодного шаблона построения фронтовой операции, применив ряд раздельных по месту, но одновременных ударов на широком фронте.

Ген. Брусилов совершенно правильно считал, что способ прорыва в одной точке во фронтовой операции при наличии достаточных средств разведки секретным быть не может. Следовательно, одновременно с подготовкой прорыва со стороны русских армий противник мог принять соответствующие меры для парирования удара. В этом случае, как пишет ген. Брусилов, чтобы достичь элемента внезапности, он приказал «подготовлять плацдармы для атаки не на одном каком-нибудь участке, а по всему фронту вверенных мне армий, дабы противник никак не мог догадаться, где он будет атакован, и не мог собрать сильную войсковую группу для противодействия. Всякому понятно, что самые укрепления, как бы они ни были сильны, без надлежащей живой силы отбить атаку не могут, и в ослаблении неприятельских сил на моем фронте главным образом заключалась моя надежда на успех» [2].

Хотя метод ген. Брусилова и имел целый ряд недостатков, так как приводил к известной разброске сил и средств, но тем не менее он все же привел противника к большим потерям и стеснил маневренность его резервов в пределах Юго-западного фронта.

Ген. Брусилов смело отбросил не отвечающий основной задаче Юго-западного фронта и изживший себя шаблон построения фронтовой операции прорыва укрепленной полосы противника и сумел найти такие приемы ведения операции, которые вполне отвечали поставленной задаче и данной конкретной обстановке.

Впоследствии опыт брусиловского наступления в известной своей части, видимо, был учтен ген. Фошем при организации им контрнаступления англо-французов в 1918 г.

---

[1] Клембовский, Стратегический очерк войны 1914—1918 гг., ч. 5, стр. 108 [подсчет сделан за период с 22 мая (4 июня) по 5 (18) сентября].

[2] Брусилов, Мои воспоминания, стр. 175.

Хотя по конечной цели эти две операции были и различны, все же внутренним содержанием их являлось стремление запретить противнику свободно маневрировать резервами. Ген. Фош намечал первым этапом общего замысла своей операции истощить немцев целым рядом частных ограниченных ударов на широком фронте, выбирая для этого важные объекты, систему сообщений и те отдельные районы и пункты, удержание которых имело для германцев существенное значение, а затем нанести решительное поражение. Но он (ген. Фош), в противовес брусиловской операции, для выполнения намеченных ударов сосредоточивал крупные силы и средства с достаточно сильными и глубоко эшелонированными резервами и, естественно, получил достаточный успех.

Юго-западный фронт в брусиловской операции на своих крайних флангах достиг крупных оперативно-тактических успехов, но, несмотря на это, не мог развить эти успехи до более широких оперативно-стратегических результатов. Основная причина заключалась в том, что Ставка и командование фронтом, организуя прорыв, не разработали четко выраженной идеи операции, не планировали ее по глубине и оперативно не увязывали действий фронтов и армий.

Все внимание русского командования направлялось на разрешение тактических вопросов, без учета средств и способов превращения тактического успеха в оперативный. Оперативный план Юго-западного фронта как раз и страдал этим недостатком.

Командование Юго-западного фронта не планировало операции по глубине, не учитывало, какие средства и силы будут нужны для доведения операции до решительного результата и какие могут встретиться затруднения в глубине обороны противника. Все это неизбежно ставило командование в тяжелое положение, так как для исправления недостатков планирования требовалось много времени и новые силы. Ген. Брусилов передоверял свои обязанности в отношении постановки цели и основной идеи операции штабам армий. Базироваться при выборе окончательного решения на представленных проектах армий, решавших задачу каждая за себя в отдельности, являлось большой ошибкой ген. Брусилова.

При разработке плана операций армии или фронты не могут рассматриваться как независимые организмы, без направления их усилий для достижения общей цели, без увязки их действий между собой.

Это замечание полностью относится и к Ставке, которая не сумела обеспечить взаимодействие Западного и Юго-западного фронтов и, поощряя саботаж ген. Эверта, бросила армии Брусилова в единоборство с австро-германскими силами.

3. Силы и средства для прорыва тактической обороны противника

Командование Юго-западного фронта, организуя фронтовую операцию, провело длительную и тщательную подготовку прорыва. Такая подготовка наряду с высокими боевыми качествами русских войск, с одной стороны, и очень слабой боеспособностью австрий-

ских частей (потери австрийцев одними пленными составляли 28% от общего числа потерь) — с другой, принесли русской армии первоначально крупный успех.

Успех операции строился на использовании, в условиях 1916 г., относительно большого количества технических средств борьбы и на доблести русского солдата.

Австро-германское командование было вполне уверено в непоколебимой прочности своего фронта. Многие пленные и даже офицеры-мадьяры считали свои позиции неприступными. Они в своих показаниях говорили: «Наши позиции неприступны, и прорвать их невозможно. А если бы это вам удалось, — сообщал один из офицеров, — тогда нам не остается ничего другого, как соорудить грандиозных размеров чугунную доску, водрузить ее на линии наших теперешних позиций и написать: «Эти позиции были взяты русскими. Завещаем всем — никогда и никому с ними не воевать»[1].

Прорыв тактической обороны на направлении главного удара осуществлялся при оперативной плотности в 3—6 батальонов (3 000—5 000 штыков) и 15—20 орудий на 1 *км* фронта с расходом 10 000—15 000 снарядов.

На некоторых участках прорыва удавалось довести общее количество легких и тяжелых орудий до 45—50 на 1 *км* фронта.

Оперативная плотность противника составляла от 4 до 10 *км* на одну пехотную дивизию, т. е. 2 батальона на 1 *км* фронта и 10—12 орудий.

Это давало русским двойное и даже большее превосходство сил над австрийцами.

Но это увеличение плотности, как уже отмечалось выше, достигалось русским командованием за счет крайнего и совершенно недопустимого сокращения ширины фронта главного удара.

Поэтому необходимо признать, что если оперативная плотность, может быть, была (учитывая боеспособность австрийских войск) достаточной для успеха тактического, то этих сил было совершенно недостаточно для превращения тактического успеха в оперативный.

Начав операцию без достаточных оперативных резервов, командование не имело возможности быстро бросить подвижные соединения в тыл противника, несмотря на образование свободных и незанятых участков.

Наставление для борьбы за укрепленные полосы, изданное штабом 5-й армии ген. Гурко, впоследствии давало следующие данные:

§ 179. «Для успеха прорыва на каждые 2—3 *км* требуется 12 батальонов или дивизия пехоты и для развития успеха — общий резерв в числе 2—3 дивизий» (см. чертеж на стр. 150).

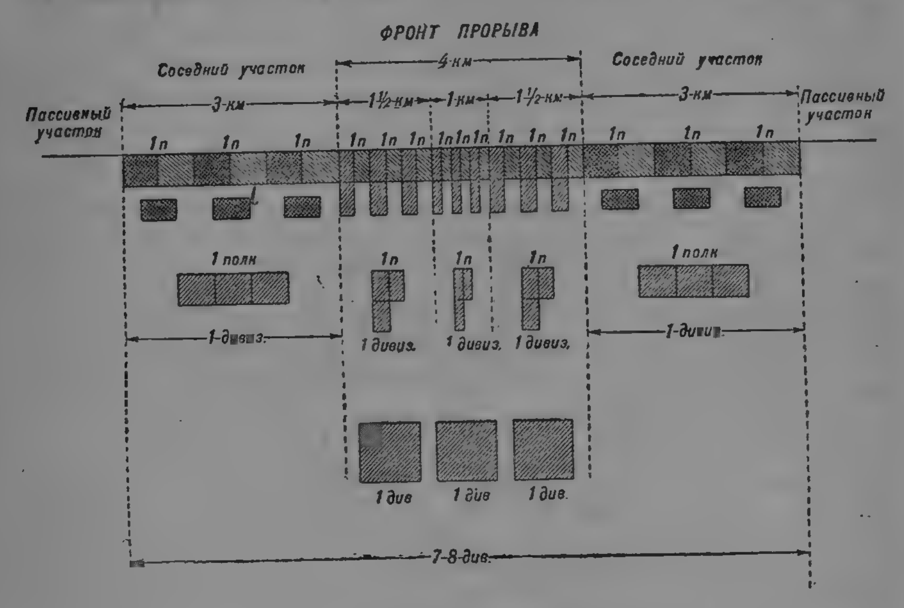
§ 180. «Следовательно, для производства атаки и прорыва на фронте около 10 *км,* при ширине фронта прорыва в 4—5 *км,* нужно 2—3 армейских корпуса в составе 6—9 пехотных дивизий,

---

[1] ЦВИА, фонд 2134, дело 1425, лл. 31—33.

а на фронте около 20 *км* — 3—4 армейских корпуса в составе 9—12 пехотных дивизий».

Мы же видим, что Брусилов не создавал достаточных резервов, а имеющиеся большие массы конницы (в 8-й армии — 4-й и 5-й кавалерийские корпуса, в 9-й армии — 3-й кавалерийский

Построение боевого порядка на прорыв укрепленной полосы

корпус) законсервировал в окопах, где они теряли свои силы в бесплодных атаках укрепленной полосы.

Как показал опыт брусиловской операции, конница в тех условиях не могла самостоятельно решить задачу по прорыву укрепленной полосы австрийцев.

В условиях первой империалистической мировой войны прорыв должен был быть совершен другими родами войск, и тогда конница могла бы воспрепятствовать обороняющемуся создать организованное сопротивление и превратить отступление противника в его полный разгром.

Командующий 8-й армией и ген. Брусилов загнали конницу в лесисто-болотистый район и впоследствии расплачивались за свои ошибки.

Бездеятельность конницы не позволила русскому командованию изолировать район операции от прибывших резервов противника, что очень хорошо было использовано австро-германцами, которые, опираясь на свои железнодорожные возможности, почти всегда создавали равновесие сил.

Развитие наступления задерживалось и не достигало решительного результата.

4. Характер действий пехоты и артиллерии при прорыве

Боевой порядок строился исключительно на ударе, без учета поддержки наступления своими пехотными огневыми средствами. Все подавление и подготовка атаки возлагались главным образом на артиллерийский огонь.

Значительная часть артиллерии использовалась для устройства проходов в проволочных заграждениях, и только меньшая часть, преимущественно гаубичная и тяжелая артиллерия, подавляла средства обороны, причем лишь первую линию, оставляя нетронутой глубину. Отсюда вторая и третья линии укрепленной полосы, где располагалась основная масса артиллерии, а также солидные блиндажи, маскированные бетонированные точки и резервы противника, оставались в большинстве своем, как правило, нетронутыми.

Правда, все инструкции русского командования особо требовали плановости наступления, предусматривая следующие этапы:

1. Уничтожение и расстройство обороны для обеспечения движения пехоты.

2. Захват и закрепление пехоты на неприятельской позиции под прикрытием артиллерийского огня.

3. Развитие успеха атаки с движением пехоты и артиллерии вперед.

Несмотря на это, во многих корпусах еще проявлялось стремление использовать тактику прорыва укрепленной позиции с помощью компактной людской массы, а это приносило крупные потери для войск.

5. Инженерное оборудование укрепленных позиций

Инженерная подготовка наступления достаточно подробно была изложена в главе III настоящего исследования.

В процессе брусиловской операции было получено много материала для выводов по укреплению и оборудованию позиций, которые и на сегодняшний день представляют интерес.

Как показал опыт, укрепленная позиция должна иметь сильные узлы сопротивления и извилистые линии окопов с отсеками, допускающие взаимное фланкирование частей позиций артиллерийским, пулеметным и ружейным огнем.

В этой операции австрийцы перенесли главную оборону как в узлах, так и на промежутках во вторую линию окопов, расположенную не ближе 150—200 шагов от первой.

Такая оборона при хорошо замаскированных окопах, усиленная препятствиями и с достаточным количеством замаскированных убежищ и надежных закрытий, являлась хорошим средством для того, чтобы разбить наступающие части.

Что же касается первой линии, то она оборудовалась менее сильно, чем вторая, но все же имела блиндажи для дежурных

частей, рассчитанные на выдерживание попаданий снарядов тяжелой артиллерии, и сильные проволочные заграждения.

Пулеметные блиндированные площадки располагались без определенной системы, но при условии иметь фланкирующий огонь на подступах к позициям.

Опыт брусиловской операции показывает, что примененная австрийцами система обороны с перенесением главного сопротивления во вторую линию окопов в большинстве случаев себя оправдала.

«Первая линия, — пишет начальник инженеров Юго-западного фронта ген. Величко, — должна выдержать первый удар, дальнейшее развитие которого должна остановить заранее организованная оборона во второй линии. В первой линии нужно держать лишь дежурную часть и возможно больше пулеметов.

Третья линия должна быть образована рядом групповых опорных пунктов, расположенных шагах в 400—1 000 за второй линией и соединенных с ней системой отсеков. Делать эти опорные пункты сомкнутыми не следует. Они имеют задачей поддержать вторую линию в случае частичного прорыва ее, способствовать войскам при контратаке и поддержать их своим огнем в случае отхода на следующую полосу»[1].

6. Глубина и темп наступательной операции

За 13 дней боевых действий, т. е. с 4 по 17 июня, в течение которых была осуществлена исходная операция, Юго-западный фронт продвинулся: 8-я армия — на 75 *км*; 11-я армия — на 2—15 *км*; 7-я армия — на 10—15 *км*; 9-я армия — на 50—60 *км*. Это дает средний темп продвижения 1—6 *км* в сутки.

Такие темпы нужно признать, конечно, недостаточными; они явились следствием недостаточной плотности сил и средств при прорыве.

При прорыве тактической обороны темп продвижения составлял от 1 до 2 *км* и в глубине для отдельных корпусов до 10—13 *км* в сутки и больше. Эти нормы темпов следует признать вполне нормальными для армейской операции.

7. Изменение основной оперативной идеи в процессе боевых действий

Организуя прорыв, командование Юго-западного фронта, как уже указывалось, главные усилия направляло на Ковель.

В первые же три дня сражения Юго-западный фронт добился громаднейшего оперативно-тактического успеха.

Тактическая оборона противника была прорвана двумя фланговыми армиями, и создавалось выгодное исходное положение для

---

[1] ЦВИА, фонд 2080, дело 128, лл. 1—20.

превращения тактического успеха в оперативный. В этих условиях для правофланговой 8-й армии, казалось бы, на первом этапе целесообразнее было развивать успех во взаимодействии с соседней 11-й армией, поставив себе целью разгром 1-й и 2-й австрийских армий. Такого удара особенно боялось австро-германское командование, так как русские войска получили бы возможность сравнительно беспрепятственно двигаться на Львов.

Если бы сочетать удар правофланговых армий с ударом 9-й и 7-й армий, направив последний вдоль Днестра, тогда можно было бы надеяться на более крупные успехи по разгрому всего австро-венгерского фронта.

Предпосылки для такого рода маневра русская армия имела.

Достаточно вспомнить, что 27 мая (9 июня) на правом и левом флангах фронта сохранилось полное превосходство в силах 8-й и 9-й армий над противником. В то время как австрийцы имели на обоих флангах своего фронта остатки 4-й армии с разгромленным флангом 1-й армии, а также потрепанную 7-ю армию и не имели оперативных резервов, Юго-западный фронт еще накапливал силы, заканчивая в районе Ровно, Здолбуново выгрузку трех пехотных дивизий (50-я пехотная дивизия и 5-й Сибирский корпус), которые входили в состав 8-й армии.

Таким образом, на правом фланге Юго-западного фронта имелась полная возможность создать ударную группу и организовать взаимодействие 8-й и 11-й армий для разгрома 1-й и 2-й австрийских армий, одновременно прикрывшись со стороны Ковеля.

Такое же взаимодействие можно было организовать и на левом фланге фронта между 7-й и 9-й армиями.

Ген. Брусилов не решился на смелый маневр и продолжал выполнять свою первоначальную оперативную идею — движение на Ковель, но уже с неясными оперативными целями.

То же самое необходимо отметить о действиях на левом фланге фронта, где усилия 9-й армии направлялись не на северо-запад для взаимодействия с 7-й армией, а на юго-запад, т. е. совершенно в противоположную сторону и при этом против второстепенной группировки противника.

Некоторые исследователи, главным образом участники и руководители этой операции, пытались оправдать свои действия отсутствием боеприпасов в войсках Юго-западного фронта.

Конечно, недостаток боеприпасов в русской армии был большой, но он все же не являлся оправданием поведения командования Юго-западного фронта.

Фронт получал боеприпасы в количестве, позволяющем вести операцию достаточными темпами.

Пополнение тыловых учреждений было сделано своевременно, и войсковые парки имели следующий запас на единицу оружия (в батареях войсковых и местных парков)[1]:

---

[1] ЦВИА, фонд 2003, дело 2404, л. 394.

Армии	На винтовку патронов		На пулемет	На орудие снарядов								
				Легкое		Горное		Мортиру	6-дм.		42-линейное	
	русских	японских		русских	японских	русских	японских		полевое	крепостное	полевое	крепостное
8-я армия	267	650	12 000	599	874	475	—	339	—	493	747	630
11-я „	254	?	12 000	630	660	144	—	272	?	?	?	455
7-я „	239	292	9 000	587	—	727	—	143	415	—	471	—
9-я „	226	529	?	730	941	422	—	74	770	—	492	—
Имелось в запасе Юго-западного фронта	7 млн.	44,2 млн.	—	479 100	8 600	122 300	4 400	8 000	2 200	—	1 570	8 800

Тем не менее успешное наступление 8-й армии было приостановлено на 8 суток [с 26 мая (8 июня) по 3 (16) июня], чем облегчилась обстановка для австро-германского командования, которому удалось выиграть время для приведения своих частей в порядок.

Австро-германское командование сумело сосредоточить в районе Ковеля к 3 (16) июня 5 пехотных и 2 кавалерийские дивизии и пополнить из запасных частей 4-ю австрийскую армию.

В свою очередь, русская Ставка продолжала оставаться простым наблюдателем развернувшихся событий. Вместо того чтобы потребовать выполнения своей директивы, она предоставила ген. Брусилову полную свободу действий. Ставка продолжала упорно проводить ранее намеченный план, отказываясь превратить второстепенный Юго-западный фронт в главный.

Правда, она постепенно накапливает дополнительные силы на Юго-западный фронт, но делает это крайне осторожно и чрезвычайно медленно.

Одновременно и ген. Брусилов не стремился добиваться у Ставки отказа от главного удара на Западном фронте и перенести его южнее Полесья.

Могла ли Ставка это сделать?

Нам кажется, что Ставка имела эту возможность, хотя и ограниченную пропускной способностью железных дорог. Как показал опыт (см. приложение 6) воинских перевозок, в брусиловской операции имелась полная возможность с 25 мая (7 июня) по 3 (16) июня сосредоточить три армейских корпуса, и при этом темп перевозки, надо полагать, еще не являлся предельным. Ставка только после неудачной операции на Западном фронте окончательно решила перенести главные усилия на Юго-западный фронт. С этих пор начинается состязание обоих противников в подвозе своих резервов на р. Стоход.

Но обстановка на правом фланге фронта уже оказалась менее благоприятной для русского командования, и в этих условиях, казалось, более целесообразным было бы использовать крупный оперативный успех 9-й русской армии, направляя переброшенные резервы именно на фронт этой армии, а не на ковельское направление.

Однако Ставка и командование Юго-западного фронта этого не сделали, превратив сражение на р. Стоход в своеобразную борьбу на истощение.

Приложения

Приложение 1

Начальник штаба
Верховного главнокомандующего
11 апреля 1916 года
№ 2017/806
Ставка

ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИМ АРМИЯМИ СЕВЕРНОГО, ЗАПАДНОГО И ЮГО-ЗАПАДНОГО ФРОНТОВ

Государь император, утвердив сего апреля журнал совещания, состоявшегося 1 апреля под личным председательствованием его величества, повелел:

1) Общая цель предстоящих действий наших армий — переход в наступление и атака германо-австрийских войск.

2) Главный удар будут наносить армии Западного фронта. Армии Северного и Юго-западного фронтов оказывают содействие, нанося удары с надлежащей энергией и настойчивостью как для производства частных прорывов в неприятельском расположении, так и для поражения находящихся против них сил противника.

3) Западный фронт атакует противника из Молодеченского района, развивая удар в направлении Ошмяны, Вильна.

Северный фронт наносит удар или из района Иллукст, оз. Дрисвяты в направлении на Ново-Александровск или из района южнее оз. Дрисвяты в общем направлении на Видзы, Уцяны.

Юго-западный фронт, тревожа противника на всем протяжении своего расположения, главную атаку производит войсками 8-й армии в общем направлении на Луцк.

4) Северному фронту надежно обеспечить Ригу и Рижский район возможно меньшим числом корпусов, но прочных. При нанесении удара из Двинского района мы должны быть спокойны за устойчивость нашего крайнего фланга, представляющего для немцев существенное значение в военном и моральном отношениях.

5) Время и порядок перехода армий в наступление будут указаны дополнительно, сообразуясь как с действиями наших союзников, так и с накоплением нами материальных, главным образом артиллерийских запасов.

6) 1-я армия с 24 часов с 18 на 19[1] апреля переходит в подчинение главнокомандующему Северным фронтом, в составе 4-го и 14-го армейских и 1-го кавалерийского корпусов. 24-ю пехотную и Сибирскую казачью дивизии передать Западному фронту.

Разграничительная линия между Северным и Западным фронтами проходит через Вилькомир, Маляты, Колтыняны, Цейкине, Меленгяны, Медзяны, Москалишки, Бельки, Скураты, Кривки, Устье, Доховляне (на Двине), Горовое,

---

[1] Исправлено по приказанию начальника штаба г.-м. Пустовойтенко. *(Примечание подлинника.)* Первоначально было написано с 22 на 23.

оз. Страдное, Невель, Торопец (карта 10 в.)[1]. Линия эта принадлежит Северному фронту.

7) С указанного в предыдущем пункте времени 4-й кавалерийский корпус с приданной ему 77-й пехотной дивизией передается из 3-й армии в состав Юго-западного фронта.

Разграничительная линия между Западным и Юго-западным фронтами проходит через Ратно, Угриничи, Островск, Удрицк, Ольманы, Симоновичи, Лельчицы, Наровль, Любяч, Городня, Новгород-Северск. Линия эта принадлежит Юго-западному фронту.

8) Подготовку к операции закончить в начале мая, главным образом в техническом отношении: в смысле накопления продовольственных и боевых средств, соответственного их эшелонирования, подготовки дорог; в отношении сближения с противником окопами, по возможности по всему фронту.

Сосредоточение войск в соответствии с вырабатываемыми планами атаки исполнить к указанному сроку в мере лишь крайней необходимости, дабы не обнаруживать вполне своих намерений, не прикреплять войска к заранее предрешенным пунктам и не скучивать расположения частей. Этим будет достигнута не только возможность скрыть наши намерения, *но и гибкость плана,* применимость его к условиям местным после того, когда просохнет почва.

9) Иметь в виду возможность перехода противника в наступление ранее нанесения намеченного нами удара. Этим соображением надлежит руководствоваться при расположении сосредоточиваемых войск в период, предшествующий атаке.

Наступление противника встретить смелой, решительной контратакой, памятуя, что мы должны в полной мере использовать наше численное превосходство и высокое нравственное состояние войск.

10) Время производства атаки будет указано заблаговременно, за 7—10 дней до начала. Этот период предназначается для выполнения окончательного сосредоточения войск, сообразно принятым планам.

11) Ввод в боевые линии новых войск на участках атак производить по возможности перед самым производством ее.

Помимо соответственного распределения резервов, необходимо для скрытия наших намерений рассредоточить внимание противника. Французы для этой цели прибегли в свое время к устройству подходов к позициям противника почти по всей линии своего расположения. Немцы перед Верденской операцией произвели ряд частных атак по всему фронту. Такие демонстративные удары, где это возможно, могли бы быть применены и нами. Особенно выгодно привлечение внимания противника к нашему правому крылу, где атака войск могла бы быть скомбинирована с действиями флота (по очищении от льда) со стороны Моонзунда на побережье Рижского залива. Важно приковать внимание противника, например, на Днестре в районе Латача, у Пинска и пр.

12) Дабы подготовить начальников, не вводя подчиненные им войска заблаговременно в боевые линии, не ставя на избранные позиции артиллерию, надлежит командировать этих лиц на подлежащие изучению участки, прикомандировывая к соответствующим штабам армий и корпусов. Дружной работой начальников и штабов широко и обстоятельно разработать соображения по изучению и выполнению предположенной задачи.

13) Его величество воспрещает формирование импровизованных отрядов, изменения на время операции и перед началом ее составов корпусов.

14) Государь император изволит выражать уверенность, что начальствующие лица с полным вниманием отнесутся к предварительной разработке намечаемых действий и сумеют охранить в то же время необходимую для успеха тайну.

Алексеев[2].

---

[1] Сношение штаба верховного главнокомандующего 15 октября 1915 г. № 5244 о том, что для *военно-инженерной подготовки* граница между Северным и Западным фронтами от устья р. Дисны идет через Полоцк, Гродок, Велиж, Белый, Ржев с принадлежностью линии Северному фронту, остается в силе и на последующее время. (*Примечание подлинника.*)

[2] ЦВИА, фонд 2003, II, дело 1—104, лл. 470—471.

ГЕН. БРУСИЛОВ — КОМАНДУЮЩИМ 7, 8, 9, 11-й АРМИЯМИ

ДИРЕКТИВА № 1039

6 (19) апреля 1916 г. *Секретно*

Приказываю принять к руководству нижеследующие мои указания для производства самой атаки, которые применять сообразно с обстановкой для каждого атакующего участка.

I. Общие указания

а) Атака должна вестись по возможности на всем фронте армии, независимо от сил располагаемых для сего. Только настойчивая атака всеми силами, на возможно более широком фронте, способна действительно сковать противника, не дать ему возможности перебрасывать свои резервы.

б) Ведение атаки на всем фронте должно выразиться в том, чтобы в каждой армии, в каждом корпусе наметить, подготовить и организовать настойчивую атаку определенного участка неприятельской укрепленной позиции.

в) Атака должна быть проведена по строго обдуманному и рассчитанному плану, причем намеченный план разрабатывать в деталях не в кабинете по карте, а на месте, показом совместно с исполнителями атаки от пехоты и артиллерии.

г) Разработка плана атаки должна выяснить:

1) Кому и что именно атаковать и какие для этого назначаются силы пехоты и артиллерии.

2) В зависимости от сего поставить задачи пехоте и артиллерии, назначить род артиллерии, определить количество орудий, потребных снарядов, установить последовательность выполнения артиллерийской подготовки, точно определить подчиненность артиллерийских групп и руководство управлением огнем, тщательно организовать наблюдение и крепкую связь.

3) Задачи как пехоте, так и артиллерии указывать точно и определенно, не допуская общих выражений, как то: «обстрелять высоту 362», «перенести огонь на соседние участки» и т. д.

д) Начальникам, на коих возлагается выполнение главной атаки, должны быть предоставлены в полное подчинение все части, предназначенные для производства атаки.

е) Резервы старших начальников, для противодействия случайностям, выделять из войск, не предназначаемых для главной атаки.

ж) Ниже я даю данные для ведения главной атаки на фронте армии, действиям коей придается первенствующее значение в намеченной операции и для каковых действий в район ее моим распоряжением будут сосредоточены резервы за счет других армий фронта. Для остальных армий и корпусов основные принципы, дух главной атаки остаются те же; видоизменяются лишь размеры ее и средства.

II. Артиллерийская атака

1) Общее управление артиллерийской атакой данного участка организовать при начальнике, руководящем пехотной атакой в сфере непосредственного и личного наблюдения за полем боя.

2) Если протяжение фронта атаки не допускает общего личного наблюдения за боем, то образовать группы артиллерии, по составу и силе соответствующие задачам, поставленным пехоте данного участка. Управление группами организовать при начальнике этого пехотного участка.

3) Дабы атакующая и ворвавшаяся на неприятельскую позицию передовая пехота имела постоянную своевременную артиллерийскую поддержку, часть легких батарей должна быть своевременно подчинена непосредственно командирам пехотных полков первой линии. Эти батареи располагать не далее

2 верст от позиций противника. Наблюдателей от этих батарей держать при командирах батальонов передовых линий, дабы помощь артиллерии подавалась своевременно. Общему руководителю огнем этих батарей быть при командире полка первой линии.

4) В первый период атаки задачами артиллерии являются:

а) Уничтожение проволочных заграждений противника. Ввиду ограниченного количества тяжелых и мортирных снарядов, которыми мы располагаем, задача эта должна выполняться легкой артиллерией, причем опыт указывает, что в трехполосной проволочной сети, но с дистанции не более 2 верст 350-фугасными гранатами можно проделать сквозной проход в 2 сажени ширины. Обратить внимание на то, чтобы делать несколько таких проходов, а отнюдь не ограничиваться одним, хотя бы и широким, представляющим собой дефиле, на котором неминуемо сосредоточится весь неприятельский огонь.

б) Разрушение неприятельских укреплений первой и второй линий. Особое внимание должно быть обращено на уничтожение пулеметов и гнезд для них и укреплений и пулеметов, фланкирующих атакуемый участок. Задача эта выполняется огнем тяжелой, мортирной и полевой артиллерии. Опыт указывает, что лучшие результаты достигаются тогда, когда пристрелка произведена отдельно для каждого орудия. После этого 15—20-минутный частый огонь всего назначенного для атаки количества орудий давал гораздо лучшие результаты, чем ураганный огонь в течение 1—2 часов при пристрелке по-батарейно. Особенно это касается тяжелой артиллерии. Вообще приказываю совершенно забыть об ураганном огне тяжелой артиллерии.

в) Когда пехота двинется на штурм, тяжелая и мортирная артиллерия переносят свой огонь: 1) на места скопления резервов противника; 2) на неприятельские укрепления, примыкающие с флангов к атакуемому нами участку; 3) по укреплениям третьей линии, если таковые есть, и 4) преимущественно 42-линейные пушки по артиллерии противника, если она вне досягаемости для нашей легкой артиллерии.

Легкая артиллерия продолжает огонь по атакуемым укреплениям до крайней возможности, причем значительная часть ее с началом движения пехоты должна обрушиться на артиллерию противника.

г) Как только пехота ворвется на неприятельскую позицию, часть легкой артиллерии образует для нее с фронта и флангов огневую завесу против контратаки резервов противника и обеспечивает этим возможность закрепиться на занятом участке и подвести следующую волну пехоты. В то же время другая часть легкой артиллерии сосредоточивает свой огонь по артиллерии противника, особенно фланкирующей атакованный участок.

Как только пехоте удастся овладеть первой и второй линиями неприятельских укреплений, часть тяжелой и мортирной артиллерии возможно быстрее продвигать вперед для более успешного выполнения указанных выше задач и для подготовки атаки более глубоких укрепленных неприятельских линий.

Во второй период атаки необходимо, чтобы между первым ее актом и дальнейшим развитием прорыва неприятельской позиции не было большого промежутка времени, дабы противник не успел организовать новую оборону при сложившихся обстоятельствах.

Вследствие этого необходимо, чтобы тяжелая и мортирная артиллерия, как только начнется штурм пехоты первой и второй линий, приступила к артиллерийской атаке дальнейших оборонительных линий противника и районов возможного сосредоточения его резервов. А это условие требует, чтобы первоначальные позиции тяжелой артиллерии были никак не далее 3—4 верст от передовых позиций противника.

Эти же дистанции позволяют тяжелой артиллерии обрушиться и на тяжелые батареи противника, расположенные вне досягаемости нашей полевой артиллерии, и особенно на батареи, фланкирующие атакованный участок, дабы облегчить пехоте закрепиться на захваченной позиции неприятеля.

5) Приказываю принять за правило, что батареи занимают позицию уже после получения определенных задач и в зависимости от условий их выполнения, а не обратно.

Для артиллерийской атаки батареи не массировать в одном месте, а, располагая их в зависимости от определенных частных задач, преследовать возможность массирования огня большинства их по важнейшим пунктам неприятельской позиции. Часть тяжелой и мортирной артиллерии должна иметь возможность сосредоточивать свой огонь на укреплениях противника, примыкающих с флангов к атакуемому участку.

III. Атака пехоты

а) Как принцип фронт главной атаки должен быть не менее 15—20 верст, дабы средние атакующие части не могли простреливаться с флангов. При наличии достаточных сил желательно фронт главной атаки доводить до 20—30 верст. Наименьший допустимый фронт атаки, при недостатке войск, может быть сокращен верст до 10, но при этом необходимы особые меры предосторожности, чтобы не попасть в тиски.

б) Пехота должна атаковать волнами цепей, следующих одна за другой, не отставая, а подпирая передних. Таких волн для главной атаки образовать не менее 3—4, а за ними иметь резервы для развития успеха или для немедленного повторения атаки свежими частями.

в) При фронте атаки в 15 верст надо вести ее одновременно двумя корпусами, усиленными, по возможности, еще бригадой каждый. Тогда, при этом соотношении и приняв полный штат дивизии в 15 000 винтовок, получается $3^1/_2$ человека на шаг, или, ведя атаку цепями и считая, для уменьшения потерь цепи, на человека два шага, мы можем располагать для атаки 4 последовательными волнами, и еще около половины всех сил останется в резервах дивизий и корпуса.

г) Атакующие волны должны следовать одна за другой на дистанциях в 150—200 шагов. Первая и вторая волны должны быть снабжены ручными гранатами и приспособлениями для прострела проволочных заграждений. Кроме того, вторая и третья волны тянут с собой пулеметы для закрепления захваченных позиций противника. Вторая волна служит пополнением потерь первой волны; третья волна подпирает передние две и служит их ближайшей поддержкой, а четвертая волна является резервом командиров передовых полков.

д) Резервы начальников дивизий и командиров корпусов не должны отставать от передних четырех волн и быть всегда готовыми продолжать атаку, поддержать передовые части и в случае нужды противодействовать контратакам во фланг и закрепить захваченное пространство.

е) В районе, откуда намечается вести главную атаку, должно быть подготовлено достаточно резервных окопов и убежищ-траншей для помещения в них волн и резервов перед началом атаки.

ж) Если какая-либо часть, опрокинув противника, опередит соседние войска, то для связи с ними и обеспечения своих флангов она должна принять уступное расположение как справа, так и слева.

з) Трудно указать точно, как общее правило, когда пехота должна начинать атаку. Но безусловно пехотная атака должна следовать непосредственно за артиллерийской подготовкой. Ни в коем случае не допускаю перерывов между артиллерийской атакой и атакой пехоты.

С другой стороны, пехота не должна предъявлять артиллерии требование бесконечно долго обстреливать огнем атакуемый участок. Пехотный начальник и состоящий при нем артиллерийский начальник, управляющий огнем данной группы батарей, должны зорко следить за результатами огневой артиллерийской атаки и, оценивая ее результаты, определить момент, когда пехота должна броситься на штурм.

Если расстояние до позиций противника значительно, то пехота должна быть первоначально приближена постепенным продвижением вперед шагов на 300 к атакуемой передовой линии укреплений. Только тогда артиллерия приступает к настоящей подготовке атаки.

и) Ворвавшаяся в первую линию неприятельских укреплений передовая пехотная волна не должна на ней останавливаться, а всемерно спешить захватом

второй линии окопов, где и закрепиться. Нужно иметь в виду, что наш противник нормально основывает всю силу своей обороны на второй линии окопов и задержка на первой линии подвергает войска сосредоточенному огню противника. Закрепление же на первой линии и приспособление к обороне должно быть возложено на резервы.

Если не удалось взять подряд, на плечах противника, всю полосу укреплений, то дальнейшее преследование противника и атаку следующей, третьей линии возлагать на третью и четвертую волны пехоты и одновременно приближать более глубокие резервы для поддержки и продолжения атаки.

Особенное внимание обращать на закрепление флангов, на сосредоточение к ним пулеметов для противодействия контрударам противника с флангов. Вообще, как правило, необходимо стремиться захватить на плечах противника всю первую полосу укреплений, которая обыкновенно состоит из 2—3—4 линий.

к) При удаче прорыва создается особо благоприятное поле действия для кавалерии, поддержанной своими пешими дивизионами и артиллерией. Приказываю широко использовать для этого нашу многочисленную кавалерию. В заключение обращаю усиленное внимание на крепкую, непрерывную связь и взаимодействие пехоты с артиллерией и на целесообразный с обстановкой огонь артиллерии. Бесцельный артиллерийский огонь, в особенности ночной, безусловно запрещаю. Нужно помнить, что беспредельного количества огнестрельных припасов у нас нет, и, кроме того, нужно избегать чрезмерного изнашивания орудий. Дело не в ураганном огне, а в правильном и искусном управлении артиллерией и меткой ее стрельбе по точно и верно определенным задачам.

Вне всякого сомнения, что при надлежащем выборе участка для главной атаки, правильном распределении войск и артиллерии по участкам, верном распределении огнестрельных припасов, предварительной, тщательной подготовке местности, на которой будет произведена атака, заблаговременно выбранных позициях для артиллерии и распределении задач по группам, дивизионам и батареям — артиллерийская атака пройдет вполне успешно, а своевременно начатая пехотная атака, правильно веденная и поддержанная артиллерией и резервами, не может не увенчаться успехом.

В общем атака укрепленной позиции в современной войне — операция трудная, искусная. Твердо уверен, что продолжительный боевой опыт будет нами использован полностью и что при предстоящем наступлении он будет нами применен в полной мере.

Брусилов [1].

Приложение 3

ГЕН. САХАРОВ — ВОЙСКАМ 11-й АРМИИ

ПРИКАЗ № 47

(Карта 1 : 75000 русская)

17 (30) мая 1916 г. *Секретно*

Ближайшей задачей армии ставится — атаковать предстоящего противника, опрокинуть его и возможно глубже овладеть занимаемым им районом.

Во изменение оперативного приказа армии от 16 апреля с. г. № 44, приказываю корпусам занять исходное положение и быть готовыми атаковать противника к утру 19 сего мая [2].

---

[1] ЦВИА, фонд 2148, дело 648, лл. 16—18.

[2] О времени начала атаки будет указано дополнительно. *(Примечание подлинника.)*

1. *17-й корпус* с тремя ополченскими дружинами — на фронте с. Клюки включительно, с. Поповцы включительно, сосредоточив для удара в районе Сопанова не менее трех полков пехоты и в мере возможного сильную артиллерию.

Задача — энергичными частными наступлениями войск корпуса и поисками сильных разведывательных партий его не допустить неприятеля перебрасывать по фронту свои войска для сосредоточения их к угрожаемому пункту, а атакой ударной группы корпуса от Сопанова притянуть на себя резервы неприятеля, дабы он не мог перебросить их к месту ударного пункта армии, а также на фронт 8-й армии.

2. *7-й корпус* с Саратовской бригадой и 26-й ополченской бригадой (без одной дружины) — в районе от с. Поповцы до с. Янковце включительно, выделив в корпусный резерв не менее трех полков пехоты (один полк в районе Иванчаны, Кобыла, Гнездично, другой к северу от р. Горыни и один в районе Ихровица).

Задача — энергичными частными наступлениями войск корпуса и поисками сильных разведывательных партий не допустить противника перебрасывать по фронту свои войска и резервы для сосредоточения их к угрожаемому пункту.

3. *6-й корпус* со всей тяжелой артиллерией армии — в районе от Янковце через Малашовце, Хладки, Воробьювка до шоссе на Езерну у высоты 361 включительно.

Задача — атаковать предстоящего противника, прорвать его расположение и овладеть районом Чернехув, Исиповце, Цебрув, высота 355, что у шоссе на Езерну. Часть корпусного резерва иметь за правым флангом для обеспечения его на случай удара противника со стороны Мшанец.

4. *18-й корпус,* без полка пехоты, выделяемого в армейский резерв (Чистилов, Пронятын), — на фронте шоссе Тарнополь, Езерна исключительно, овраг Свинюхи (западнее Людвикувки) включительно.

Задача — энергичными частными наступлениями войск корпуса и поисками сильных разведывательных партий не допустить противника перебрасывать по фронту свои войска для сосредоточения их к угрожаемому пункту, а атакой ударной группы корпуса притянуть на себя резервы неприятеля, дабы он не мог перебросить их к месту ударного пункта армии. Кроме того, корпус должен охранять выгодные для противника направления к Тарнополю.

5. *Армейский резерв* — поставить два батальона с конно-горной батареей в Чистилове и два батальона в Пронятыне.

6. *Армейская конница* — Заамурская конная дивизия, без одной конно-горной батареи, выделяемой в армейский резерв, в сс. Колодно и Шимковце.

Задача — немедленно, по прорыве противника в районе 6-го корпуса, ринуться в направлении на Зборув, Злочув и далее на участок железной дороги Броды, Красне с захватом этих пунктов, действуя по обстоятельствам в тылу противника. Для сего дивизии быть всегда в связи со штабом 6-го корпуса, дабы быть постоянно ориентированной в обстановке на фронте этого корпуса.

7. Мортирные дивизионы и автопулеметные взводы при своих корпусах. Бельгийский броневой дивизион придается 6-му корпусу.

8. Первая воздухоплавательная рота (обе станции) при 6-м корпусе. 18-му корпусу придана змейковая станция из 22-го корпуса.

9. Разграничительная линия между 7-м и 6-м корпусами — Янковце, Ихровица, Доброводы, Колодно, все включительно для 7-го корпуса, далее — прежняя. Разграничительные линии между прочими корпусами и соседними армиями — прежние.

10. К началу операции я и оперативная часть штаба армии переедут в Тарнополь, куда и присылать донесения.

Командующий армией, ген. от кавалерии *Сахаров* [1].

---

[1] ЦВИА, фонд 2212, I, дело 251, л. 1127.

ГЕН. АЛЕКСЕЕВ — ГЕН. ЭВЕРТУ,
ГЕН. БРУСИЛОВУ,
ГЕН. КУРОПАТКИНУ

ДИРЕКТИВА № 2988

3 (16) июня 1916 г.

Слишком заблаговременно исполненное полное сосредоточение наших войск на виленском направлении и густое расположение их в ближайшем тылу вполне ориентировали противника в наших намерениях. Помимо сильного развития укреплений на угрожаемом фронте, неприятель собрал со всего протяжения своих армий сильные резервы, создав таким образом крайне благоприятные условия для обороны.

Главнокомандующий Западным фронтом, свидетельствуя о законченности подготовительных мероприятий для атаки, указывает, однако, что армиям предстоит брать ряд весьма сильно укрепленных рубежей лобовыми ударами, что обещает медленное и с большим трудом развитие операции.

Созданная успехами Юго-западного фронта обстановка позволяет в известной мере отказаться от производства прорыва в наиболее подготовленном для обороны участке неприятельского расположения и использовать на южном театре возможность маневрирования, при котором наше численное превосходство может в большой мере принести нам пользу.

Государь император повелел:

I. Западному фронту

1) Продолжая энергично работы на виленском направлении, привлекая к нему внимание противника действиями демонстративными, назначенной на 4 июня подготовки к атаке не начинать. Отмену эту держать в безусловном секрете. С этой целью продолжать изучение противника, фотографирование позиций, захват передовых пунктов и прочее.

2) Главный удар организовать на левом берегу Немана, нанося его на фронте Новогрудок, Слоним и развивая при успехе на фронт Лида, Гродно.

Удар этот согласовать с наступлением из Ковельского района на Кобрин, Брест, о чем будет сказано ниже.

3) Связующим звеном между действиями на барановическом и ковельском направлениях должна служить группа войск, сосредоточиваемых на пинском направлении. Задача этой группы — овладение Пинским районом и развитие дальнейшего удара на Кобрин, Пружаны.

4) Начать немедленно перевозку по железным дорогам двух армейских корпусов с двумя тяжелыми артиллерийскими дивизионами на ковельское направление для усиления здесь наших сил и для образования новой армии, которая будет развивать удар на Кобрин, Брест. Главному начальнику военных сообщений указано выполнять перевозку с полным напряжением средств. Перевозка каждого корпуса потребует семь дней. Район высадки и оперативное назначение корпусов определятся главнокомандующим Юго-западным фронтом.

5) На барановическое направление переместить войска походным порядком в числе, какое будет признано необходимым главнокомандующим Западным фронтом.

6) Его величество останавливает особое внимание всех начальствующих лиц на следующем:

а) Обстановка требует *исключительной энергии* от всех при выполнении изложенных выше указаний, *быстроты выполнения маршей и полной скрытности* таковых.

б) Сосредоточение сил должно быть подчинено строгому расчету, дабы войскам не приходилось совершать излишних перемещений и чтобы подвод резервов совпал с началом подготовки атаки. Сбор войск на тех началах, как это было произведено в апреле и мае месяцах, поведет к тем же результатам — своевременному усилению противника вследствие ясности наших намерений.

в) Скрытность и быстрота должны получить соответствующее значение в подготовке предстоящего удара.

г) Артиллерийские начальники должны быть командированы немедленно для разведок и подготовки. К скорой переброске тяжелой артиллерии нужно принять меры.

7) На переброску войск и организацию подготовки удара на левом берегу Немана назначается от 12 до 16 дней, считая с вечера 3 июня, по истечении коих удар должен быть произведен обязательно.

8) Одно из полевых управлений Западного фронта должно быть перемещено на ковельское направление для управления армией, предназначенной для развития удара на Кобрин, Брест и из Пинского района на Кобрин, Пружаны. Точный состав этой армии будет указан дополнительно, сообразуясь с обстановкой, при которой полевое управление вступит в исполнение своих обязанностей.

Полевое управление должно быть перевезено в пункт по соглашению главнокомандующих Западного и Юго-западного фронтов вслед за 1-м армейским корпусом.

Армия эта войдет в состав Западного фронта. Разграничительная линия между фронтами будет указана дополнительно.

9) Войска, сосредоточиваемые на пинском направлении, обязуются не позже 6 июня начать подготовку атаки для овладения Пинским районом, содействуя этим удару на Ковель, и для создания исходного положения для дальнейшего развития операции.

Эта группа должна иметь достаточные силы для связи с 4-м конным корпусом и для действий южнее Припяти в направлении на Любашево и оттуда по обстановке.

II. Юго-западный фронт

Ближайшей задачей фронта является сосредоточение сил и нанесение удара теперь же на Ковель как для овладения этим районом, так и для содействия 4-му конному, 46-му и 30-му корпусам очистить от противника пространство между Припятью и Стырью и выйти на высоту Ковеля.

В то же время фронт развивает свои действия для обеспечения левого своего крыла и подготавливает дальнейшую операцию для овладения линией рр. Сан и Днестр, развивая главный удар своим правым крылом, чтобы по возможности отрезать противника от Сана и разъединить германскую и австрийскую армии.

Главнокомандующий Юго-западным фронтом руководит операцией по овладению Ковелем и направлением дальнейших действий из этого района до той минуты, пока обстановка позволит вступить в командование соответствующей армией начальникам Западного фронта.

III. Северный фронт

Должен иметь в виду существенное ослабление перед ним неприятельских сил, прикрывающих свою пассивность демонстративными действиями, до подготовки к переправе включительно. Фронт обязуется использовать это ослабление как для улучшения своих позиций, так и для привлечения к себе подкреплений противника.

IV. Гвардия

Оставив временно конно-гвардейский корпус на полоцком направлении, переводит походным порядком свои корпуса: 1-й — в район Молодечно, Груздово, Красное; 2-й — в район Радошковичи, Дуброва, Раков, Изяслав (примерно).

Перемещение исполнить по ближайшему указанию главнокомандующего Западным фронтом.

V. Фронтам подготовить свои укомплектования для возможно скорого пополнения потерь.

Алексеев[1].

---

[1] ЦВИА, фонд 2003, д. 1299, лл. 135—137.

СВЕДЕНИЯ О ПРИБЫТИИ НА ЮГО-ЗАПАДНЫЙ ФРОНТ АВСТРО-ГЕРМАНСКИХ ВОЙСК ЗА ПЕРИОД С 22 МАЯ ПО 30 СЕНТЯБРЯ 1916 г.

На Юго-западный фронт прибыли (Угриничи—Румынская граница):	Когда обнаружены	Откуда
10-й ландверной дивизии — 9 батальонов	27.8	С Западного фронта
11-й „ „ — 3 „	18.9	То же
47-й резервной дивизии — 3 „	26.7	„
49-й „ „ — 9 „	10.9	„
75-й „ „ — 9 „	11.8	„
86-й запасной дивизии —12 „	3.7	„
107-й германской дивизии — 9 „	14.6	„
115-й „ „ — 9 „	9.9	„
119-й „ „ —12 „	20.6	„
Дивизия Руше — 7 „	30.5	„
Итого 82 батальона		
2-й бригады гвардейской дивизии — 8 эскадронов	4.7	„
1-й ландверной дивизии — 9 батальонов	8.8	С Северного фронта
1-й резервной дивизии —12 „	1.7	То же
3-й полевой дивизии — 3 „	20.8	„
22-й „ „ — 9 „	17.6	„
36-й резервной дивизии — 9 „	15.9	„
88-й запасной дивизии — 9 „	7.9	„
91-й „ „ — 9 „	4.8	„
Кавал. бриг.[1] — 8 эскадронов	8.6	„
Итого 60 бат. и 16 эск.		
1-й германской дивизии — 9 батальонов	31.7	С французского фронта
3-й гвардейской дивизии — 9 „	26.8	То же
10-й баварской дивизии — 9 „	26.8	„
11-й „ „ — 9 „	21.8	„
17-й резервной дивизии — 3 „	20.9	„
19-й полевой дивизии — 9 „	3.6	„
20-й „ „ — 9 „	3.6	„
43-й резервной дивизии —12 „	11.6	„
108-й германской дивизии —11 „	30.5	„
117-й „ „ — 9 „	20.9	„
121-й „ „ — 9 „	16.7	„
123-й „ „ — 3 „	6.9	„
195-й „ „ — 6 „	8.8	„
197-й „ „ — 9 „	20.8	„
199-й „ „ — 9 „	23.8	„
200-й „ „ —13 „	30.7	„
208-й „ „ — 9 „	1.9	„
217-й „ „ — 6 „	14.9	„
Итого 153 батальона		

[1] Так в подлиннике.

105-й германской дивизии —9 батальонов	20.8	С балканского фронта
216-й германской дивизии—12 батальонов	30.7	Новые формирования
2-й велосипедной „ — 3 „	26.8	То же
Итого 15 батальонов		
34-й австрийской дивизии—12 батальонов	9.7	С итальянского фронта
44-й „ „ —12 „	24.6	То же
48-й „ „ —11 „	13.6	„
59-й „ „ —11 „	24.6	„
61-й „ „ —11 „	5.6	„
106-й „ „ —11 „	15.7	„
Австр. отд. батальон —30 „	15.7	
Итого 98 батальонов		
19-й турецкой дивизии —12 батальонов	10.7	С европейско-турецкого фронта
20-й „ „ —12 „	10.7	То же
Итого 24 батальона		

Всего: 44 пехотные дивизии, 1 кавалерийская дивизия, 441 батальон и 16 эскадронов

С Юго-западного фронта ушли (Угриничи—Румынская граница):	Когда обнаружились	Куда
Из числа переброшенных на Юго-западный фронт за время операции:		
44-й австрийской дивизии — 12 батальонов	30.9	На итальянский фронт
61-й „ „ —11 „	29.8	На румынский фронт
Из бывших на фронте до начала операции:		
2-й австрийской дивизии— 3 батальона	6.9	На румынский фронт
24-й „ „ —12 „	29.8	На Западный фронт
39-й „ „ —14 „	9.9	На румынский фронт
51-й „ „ —12 „	29.8	То же
До 30 австр. отд. батальонов	29.8	„

Всего: 8 пехотных дивизий, 94 батальона

Генерал-квартирмейстер штаба армий
Юго-западного фронта, ген.-майор *Духонин*[1].

---

[1] ЦВИА, фонд 2067, I, дело 5318, лл. 376 и 248.

Приложение 6

ВЕДОМОСТЬ
СОСРЕДОТОЧЕНИЯ ЧАСТЕЙ НА ЮГО-ЗАПАДНЫЙ ФРОНТ С ИЮНЯ ПО СЕНТЯБРЬ МЕСЯЦ

Наименование частей	Станция посадки	Время посадки	Станция выгрузки	Время прибытия последнего эшелона	В какую армию направлялись
1	2	3	4	5	6
50-я пехотная дивизия	Лигат, Крейцбург	5.6	Клевань, Ровно	10.6	В 8-ю армию
5-й Сибирский корпус (5-я и 6-я Сибирские дивизии)	Вольмар, Валк, Венден	5.6	Ровно, Здолбуново, Озеряны	12.6	То же
23-й армейский корпус (53-я и 20-я пехотные дивизии)	Двинск, Режица	7.6	То же	18.6	20-я пехотная дивизия в 11-ю армию управления корпуса и 53-я пехотная дивизия в 8-ю армию
Управление 45-го армейского корпуса	Одесса	8.6	Озеряны	15.6	В 11-ю армию
113-я пехотная дивизия	Одесса, Тирасполь	8.6	Проскуров	15.6	В 9-ю армию
117-я пехотная дивизия	То же	8.6	Бендеры	15.6	В резерв фронта
3-й армейский корпус (5-я и 73-я пехотные дивизии)	Двинск	13.6	Лунинец	18.6	В 3-ю армию
1-й армейский корпус (22-я и 24-я пехотные дивизии)	Молодечно	17.6	Ровно, Клевань	25.6	В 8-ю армию
1-й Туркестанский армейский корпус (1-я и 2-я Туркестанские дивизии)	То же	23.6	Ровно	2.7	То же
78-я пехотная дивизия	Двинск	25.6	Полицы	3.7	„
5-й армейский корпус (7-я и 10-я пехотные дивизии)	Молодечно	27.6	Дубно, Луцк	6.7	В резерв фронта
108-я пехотная дивизия	Рига	1.7	Каменец-Подольск	9.7	В 9-ю армию
Уссурийская казачья дивизия	Венден	5.7	То же	10.7	То же
4-й Сибирский армейский корпус (9-я и 10-я дивизии)	Буцлав, Вилейка	6.7	Клевань	Конец июля	В особую армию

Наименование частей	Станция посадки	Время посадки	Станция выгрузки	Время прибытия последнего эшелона	В какую армию направлялись
1	2	3	4	5	6
79-я пехотная дивизия	Крейцбург	9.7	Зучка	17.9	В 9-ю армию
Сербская добровольческая дивизия	Одесса	9.7	Троянов	17.9	В резерв фронта
Гвардейский отряд					
1-й гвардейский корпус (1-я и 2-я гвардейские дивизии)	Молодечно	11.7	Киверцы, Луцк	30.7	В особую армию
2-й гвардейский корпус (3-я гвардейская стрелковая дивизия)	Минск				То же
Гвардейский кавалерийский корпус (1-я и 2-я гвардейские дивизии)					»
1-й Сибирский стрелковый корпус (1-я и 2-я Сибирские дивизии)	Буцлав, Кривичи	27.7	Клевань, Ровно	5.8	»
61-я пехотная дивизия	Столбцы	1.8	Тирасполь	6.8	В 9-ю армию
64-я » »	»	5.8	Каменец-Подольск	12.8	То же
34-й армейский корпус (56-я и 104-я пехотные дивизии)	»	13.8	Сарны	27.8	»
26-й армейский корпус (65-я и 84-я пехотные дивизии)	Кривичи, Вилейка	16.8	Сарны, Луцк	31.8	В особую армию
59-я пехотная дивизия	Двинск	17.8	Зучка	2.9	В 9-ю армию
25-й армейский корпус (3-я гренадерская и 46-я пехотная дивизии)	Ганцевичи, Синявка	17.8	Полицы, Маневичи	2.9	То же

Примечания:

1. Даты по новому стилю.
2. Туркестанский армейский корпус 5 июля передан в 3-ю армию.
3. 5-й армейский корпус передан в 9-ю армию.
4. 4-й Сибирский корпус задержан на 1 месяц перевозками гвардии.

БОЕВОЕ РАСПИСАНИЕ АРМИЙ ЮГО-ЗАПАДНОГО ФРОНТА

к 22 мая (4 июня) 1916 г.

7-я АРМИЯ

2-й армейский корпус

26-я пехотная дивизия: 101-й Пермский, 102-й Вятский, 103-й Петрозаводский, 104-й Устюжский пехотные полки, 26-я артиллерийская бригада, 26-я парковая артиллерийская бригада, 16-я и 17-я пулеметные команды Кольта.

43-я пехотная дивизия: 169-й Ново-Трокский, 170-й Молодечненский, 171-й Кобринский, 172-й Лидский пехотные полки, 43-я артиллерийская бригада, 43-я парковая артиллерийская бригада, 9-я и 11-я пулеметные команды Кольта.

6-я Донская казачья дивизия.

При корпусе:

Чешско-Словацкого стрелкового полка 3 роты, 1 взвод, 31-й Донской казачий, Сводный пограничный конный полки, 27-я отдельная Донская казачья сотня, 4-й Сибирский горный артиллерийский, 4-й Сибирский горный парковый артиллерийский, 2-й мортирный артиллерийский, 2-й мортирный парковый артиллерийский дивизионы, 3-й тяжелой артеллерийской бригады 3-й дивизион, 3-й тяжелой парковой артиллерийской бригады 3-й парк, 5-й тяжелой артиллерийской бригады 2-й дивизион, 5-й тяжелой парковой артиллерийской бригады 2-й парк, 5-й автопулеметный взвод, 26-й автопулеметный взвод, 7-я воздухоплавательная рота, 32-й авиационный отряд, 4-й саперный батальон, 1-го осадного инженерного парка 3-е отделение, корпусное радиотелеграфное отделение.

В корпусе:

Батальонов 32, эскадронов (сотен) 37, офицеров 843, штыков: в строевых ротах — 26 656, в командах — 2 789, сабель 4 251, пулеметов 120, орудий: легких — 71, конных — 5, горных — 12, мортир — 12, тяжелых — 23.

16-й армейский корпус

41-я пехотная дивизия: 161-й Александропольский, 162-й Ахалцыхский, 163-й Ленкоранско-Нашебурский, 164-й Закатальский пехотные полки, 41-я артиллерийская бригада, 41-я парковая артиллерийская бригада, 1-я и 3-я пулеметные команды Кольта.

47-я пехотная дивизия: 185-й Башкадыкларский, 186-й Асландузский, 187-й Аварский, 188-й Карский пехотные полки, 47-я артиллерийская бригада, 47-я парковая артиллерийская бригада, 2-я и 5-я пулеметные команды Кольта.

При корпусе:

Чешско-Словацкого стрелкового полка 3 роты, 2 взвода, 8-й Уральский казачий полк, 21-я отдельная Донская казачья сотня, 16-й мортирный артиллерийский, 16-й мортирный парковый артиллерийский дивизионы, 16-й саперный батальон, 3-й авиационный отряд, корпусное радиотелеграфное отделение.

В корпусе:

Батальонов 32, эскадронов (сотен) 5, офицеров 660, штыков: в строевых ротах — 26 544, в командах — 1 992, сабель 477, пулеметов 121, орудий: легких — 71, мортир — 12.

22-й армейский корпус

1-я Финляндская стрелковая дивизия: 1-й, 2-й, 3-й, 4-й Финляндские стрелковые полки, 1-я Финляндская стрелковая артиллерийская бригада, 1-я Финляндская стрелковая парковая артиллерийская бригада, 22-я и 23-я пулеметные команды Кольта.

3-я Финляндская стрелковая дивизия: 9-й, 10-й, 11-й, 12-й Финляндские стрелковые полки, 3-я Финляндская стрелковая артиллерийская бригада, 3-я Финляндская стрелковая парковая артиллерийская бригада, 24-я и 70-я пулеметные команды Кольта.

При корпусе:

Чешско-Словацкого стрелкового полка 3 роты, 1 взвод, 16-й Оренбургский казачий полк, 30-я отдельная Донская казачья сотня, 1-й Финляндский горный артиллерийский, 1-й Финляндский горный парковый артиллерийский дивизионы, 22-й мортирный артиллерийский, 22-й мортирный парковый артиллерийский дивизионы, 22-й саперный, 2-й понтонный батальоны, 5-я воздухоплавательная рота, 3-й армейский авиационный отряд, корпусное радиотелеграфное отделение.

В корпусе:

Батальонов 32, эскадронов (сотен) 7, офицеров 644, штыков: в строевых ротах — 25 330, в командах — 2 970, сабель 991, пулеметов 144, орудий: легких — 71, горных — 16, мортир — 8.

3-я Туркестанская стрелковая дивизия

9-й, 10-й, 20-й, 21-й Туркестанские стрелковые полки, 3-я Туркестанская стрелковая артиллерийская бригада, 3-я Туркестанская стрелковая парковая артиллерийская бригада, 18-я и 19-я пулеметные команды Кольта, 2-я Туркестанская саперная рота с телеграфным отделением, отделение полевого инженерного парка.

В дивизии:

Батальонов 16, офицеров 307, штыков: в строевых ротах — 13 424, в командах — 1 376, пулеметов 60, орудий легких 24.

11-й кавалерийский корпус

9-я кавалерийская дивизия: 9-й драгунский Казанский, 9-й уланский Бугский, 9-й гусарский Киевский, 1-й Уральский казачий полки, 9-й конно-артиллерийский дивизион (16-я и 17-я конные батареи), Уральская казачья батарея, пеший дивизион, конное радиотелеграфное отделение.

Сводная кавалерийская дивизия: 19-й драгунский Архангелогородский, 16-й гусарский Иркутский, 1-й Заамурский пограничный конный, 2-й Заамурский пограничный конный полки, 5-я Заамурская пограничная конно-горная батарея, пеший дивизион, конное радиотелеграфное отделение.

Кавказская туземная конная дивизия (временно в 9-й армии)

При корпусе:

8-я самокатная рота, 4-е мотоциклетное, 9-е мотоциклетное, 24-е мотоциклетное отделения, корпусное радиотелеграфное отделение.

В корпусе:

Эскадронов (сотен) 46, офицеров 281, сабель 5 946, пулеметов 26, орудий: легких конных — 16, горных конных — 4.

6-я Донская казачья дивизия (во 2-м корпусе)

7-й, 40-й, 49-й, 53-й Донские казачьи полки, 21-я Донская казачья батарея, две отдельные радиостанции.

Части, не входящие в состав корпусов:

7-я самокатная рота, 9-й Уральский казачий полк, 56-я особая Донская казачья сотня, 4-го полевого жандармского эскадрона 2 взвода, 23-я отдельная телеграфная рота, 7-я Сибирская отдельная телеграфная рота, 6-й отдельный полевой инженерный парк, 7-й авиационный дивизион, 35-й авиационный отряд,

2 аппарата типа «Илья Муромец», 15-я автомобильная рота, армейская автомобильная команда, 44-е мотоциклетное отделение, 45-е мотоциклетное отделение, армейская мотоциклетная команда, 7-я химическая команда, управление 7-го радиотелеграфного дивизиона, армейское радиотелеграфное отделение.

Всего: эскадронов (сотен) 4, офицеров 21, сабель 608.

Итого в 7-й армии:

Батальонов 112, эскадронов (сотен) 99, офицеров 2 776, штыков: в строевых ротах — 91 954, в командах — 9 127, сабель 12 273, пулеметов 471, орудий 345, из них: легких — 237, горных — 28, конных — 21, конно-горных — 4, мортир — 32, тяжелых — 23.

8-я АРМИЯ

8-й армейский корпус

14-я пехотная дивизия: 53-й Волынский, 54-й Минский, 55-й Подольский, 56-й Житомирский пехотные полки, 14-я артиллерийская бригада, 14-я парковая артиллерийская бригада.

15-я пехотная дивизия: 57-й Модлинский, 58-й Прагский, 59-й Люблинский, 60-й Замосцкий пехотные полки, 15-я артиллерийская бригада, 15-я парковая артиллерийская бригада, 4-я и 20-я пулеметные команды Кольта.

4-я Финляндская стрелковая дивизия (без 16-го полка).

При корпусе:

37-й Донской казачий полк[1], 33-я отдельная Донская казачья сотня, 8-й мортирный артиллерийский, 8-й мортирный парковый артиллерийский дивизионы, 11-й саперный батальон, корпусное радиотелеграфное отделение, 30-го мортирного артиллерийского дивизиона 2 батареи, 1-го отдельного тяжелого артиллерийского дивизиона 2 батареи, 13-й отдельный тяжелый артиллерийский дивизион, 6-й тяжелой артиллерийской бригады 9-я батарея, 5-й авиационный отряд, 6-й воздухоплавательной роты 1 станция.

В корпусе:

Батальонов 44, эскадронов (сотен) 6, офицеров 869, штыков: в строевых ротах — 36 671, в командах — 3 102, сабель 961, пулеметов 164, орудий: легких — 90, мортир — 20, тяжелых — 24.

30-й армейский корпус

71-я пехотная дивизия: 281-й Новомосковский, 282-й Александрийский, 283-й Павлоградский, 284-й Венгровский пехотные полки, 71-я артиллерийская бригада, 71-я парковая артиллерийская бригада, 2-я особая Донская казачья сотня.

80-я пехотная дивизия: 317-й Дрисский, 318-й Черноярский, 319-й Бугульминский, 320-й Чембарский пехотные полки, 80-я артиллерийская бригада, 80-я парковая артиллерийская бригада, 24-я особая Донская казачья сотня, 13-я и 21-я пулеметные команды Кольта.

При корпусе:

29-я, 52-я особые Донские казачьи сотни, 3-й Сибирский горный артиллерийский дивизион, 3-й Сибирский горный парковый артиллерийский дивизион, 30-й мортирный артиллерийский, 30-й мортирный парковый артиллерийский дивизионы[2], 10-й Сибирский саперный батальон, 14-й понтонный батальон (1 рота в 4-м кавалерийском корпусе), 18-й авиационный отряд, 34-е мотоциклетное отделение, корпусное радиотелеграфное отделение.

В корпусе:

Батальонов 32, эскадронов (сотен) 4, офицеров 524, штыков: в строевых ротах — 26 642, в командах — 2 256, сабель 614, пулеметов 118, орудий: легких — 72, горных — 16, мортир — 4.

---

[1] По одной сотне в 40-м корпусе и в распоряжении заведующего этапно-транспортной частью штаба армии.

[2] Две батареи временно в 8-м корпусе.

32-й армейский корпус

101-я пехотная дивизия: 401-й Карачевский, 402-й Усть-Медведицкий. 403-й Вольский, 404-й Калышинский пехотные полки, 101-я артиллерийская, 101-я парковая артиллерийская бригады, 113-я конная ополченская сотня, 14-я и 15-я пулеметные команды Кольта, 13-я ополченская пулеметная команда.

105-я пехотная дивизия: 417-й Луганский, 418-й Александровский, 419-й Аткарский, 420-й Сердобский пехотные полки, 105-я артиллерийская, 105-я парковая артиллерийская бригады, 1-я особая Уральская казачья сотня, 67-я, 68-я, 69-я пулеметные команды Кольта.

При корпусе:

3-я отдельная Оренбургская казачья сотня, 2-го Туркестанского стрелкового артиллерийского дивизиона 3-я горная батарея, 32-й мортирный артиллерийский, 32-й парковый мортирный артиллерийский дивизионы, 38-й саперный батальон, 8-й авиационный отряд, 20-й и 32-й автопулеметные взводы, бронированный поезд, корпусное радиотелеграфное отделение.

В корпусе:

Батальонов 32, эскадронов (сотен) 2, офицеров 533, штыков: в строевых ротах — 26 544, в командах — 2 256, сабель 416, пулеметов 105, орудий: легких — 72, горных — 8, мортир — 12.

39-й армейский корпус

102-я пехотная дивизия: 405-й Льговский, 406-й Щигровский, 407-й Саранский, 408-й Кузнецкий пехотные полки, 102-я артиллерийская, 102-я парковая артиллерийская бригады, 94-я ополченская конная сотня, 7-я и 10-я пулеметные команды Кольта.

125-я пехотная дивизия: 497-й Белецкий, 498-й Оргоевский, 499-й Ольвиопольский, 500-й Ингульский пехотные полки, 125-я артиллерийская, 125-я парковая артиллерийская бригады, 2-я особая Уральская казачья сотня, 6-я, 12-я и 126-я пулеметные команды Кольта.

При корпусе:

Чешско-Словацкого стрелкового полка 2-я рота, 1-я отдельная Сибирская казачья сотня, 27-я особая Оренбургская казачья сотня, 39-й мортирный артиллерийский (1 батарея в 40-м корпусе), 39-й мортирный парковый артиллерийский дивизионы, 6-й тяжелой артиллерийской бригады 1 дивизион, 6-й тяжелой парковой артиллерийской бригады 1-й парк, 6-й тяжелой артиллерийской бригады 3 дивизиона, 1 батарея, 6-й тяжелой парковой артиллерийской бригады 3-й парк, 1-го отдельного тяжелого артиллерийского дивизиона 3-я батарея, 15-й автопулеметный взвод, 34-й саперный батальон, 21-я ополченская саперная полурота, 14-я воздухоплавательная рота, бронированный поезд, корпусное радиотелеграфное отделение.

В корпусе:

Батальонов 32, эскадронов (сотен) 4, офицеров 524, штыков: в строевых ротах — 26 725, в командах 2 256, сабель 497, пулеметов 103, орудий: легких — 72, мортир — 8, тяжелых — 20.

40-й армейский корпус

2-я стрелковая дивизия: 5-й, 6-й, 7-й и 8-й стрелковые полки, 2-я стрелковая артиллерийская, 2-я стрелковая парковая артиллерийская бригады, 39-я особая Донская казачья сотня, 36-я отдельная саперная рота.

4-я стрелковая дивизия: 13-й, 14-й, 15-й и 16-й стрелковые полки, 4-я стрелковая артиллерийская, 4-я стрелковая парковая артиллерийская бригады, 35-я отдельная Донская казачья сотня, десятисантиметровая гаубичная батарея.

При корпусе:

16-й Финляндский стрелковый полк, 2-я отдельная Сибирская казачья сотня, 37-го Донского казачьего полка 1 сотня, 40-й мортирный артиллерийский, 40-й мортирный парковый артиллерийский дивизионы, 35-й саперный батальон, 14-й воздухоплавательной роты 1 станция, корпусное радиотелеграфное отделение, 39-го мортирного артиллерийского дивизиона 1 батарея, 11-й отдельный тяжелый артиллерийский дивизион, 18-й отдельный тяжелый артиллерийский дивизион, 6-й тяжелой артиллерийской бригады 8-я батарея, 5-й осадный артиллерийский дивизион.

В корпусе:

Батальонов 36, эскадронов (сотен) 4, офицеров 669, штыков: в строевых ротах — 29 935, в командах — 2 538, сабель 487, пулеметов 140, орудий: легких — 72, мортир — 20, тяжелых — 32.

46-й армейский корпус

2-я Финляндская стрелковая дивизия: 5-й, 6-й, 7-й и 8-й Финляндские стрелковые полки, 2-й Финляндский стрелковый артиллерийский, 2-й Финляндский стрелковый парковый артиллерийский дивизионы, 26-я и 27-я пулеметные команды Кольта.

4-я Финляндская стрелковая дивизия (временно при 8-м корпусе): 13-й, 14-й, 15-й и 16-й (в 40-м корпусе) Финляндские стрелковые полки, 4-й Финляндский стрелковый артиллерийский, 4-й Финляндский стрелковый парковый артиллерийский дивизионы, 28-я команда Кольта, 51-го Донского казачьего полка 1 сотня.

При корпусе:

51-й Донской казачий полк, 33-й саперный батальон, корпусное радиотелеграфное отделение.

В корпусе:

Батальонов 16, эскадронов (сотен) 5, офицеров 348, штыков: в строевых ротах — 13 272, в командах — 1 128, сабель 750, пулеметов 64, орудий: легких — 12, горных — 8.

77-я пехотная дивизия (в 4-м кавалерийском корпусе): 305-й Лаишевский, 306-й Мокшанский, 307-й Спасский, 308-й Чебоксарский пехотные полки, 77-я артиллерийская, 77-я парковая артиллерийская бригады.

100-я пехотная дивизия: 397-й Запорожский, 398-й Нижнеднепровский, 399-й Никопольский, 400-й Хортицкий пехотные полки, 100-й артиллерийский, 100-й парковый артиллерийский дивизионы, 4-я отдельная Оренбургская казачья сотня, 8-я пулеметная команда Кольта, 15-я отдельная саперная рота, 25-я ополченская саперная полурота.

126-я пехотная дивизия: 501-й Сарапульский, 502-й Чистопольский, 503-й Чигиринский, 504-й Верхнеуральский пехотные полки, 126-я артиллерийская, 126-я парковая артиллерийская бригады, 93-я ополченская конная сотня.

4-й кавалерийский корпус

16-я кавалерийская дивизия: 17-й гусарский Черниговский, 18-й гусарский Нежинский, 16-й уланский Новоархангельский, 17-й уланский Новомиргородский полки, 2-й Оренбургский казачий артиллерийский дивизион (4-я и 6-я батареи), пеший дивизион, конное радиотелеграфное отделение.

7-я кавалерийская дивизия.

2-я казачья сводная дивизия: 16-й и 17-й Донские казачьи полки, 1-й линейный Кубанского казачьего войска полк, 1-й Волгский Терского казачьего войска полк, 1-й Оренбургский казачий артиллерийский дивизион (1-я и 3-я батареи), стрелковый дивизион, конное радиотелеграфное отделение.

3-я Кавказская казачья дивизия.

77-я пехотная дивизия.

Прикорпусе:

1-й отдельный горный артиллерийский дивизион, 1-й отдельный горный парковый артиллерийский дивизион, 14-я отдельная саперная рота, 21-я отдельная саперная рота, 22-е и 23-е мотоциклетные отделения, 14-го понтонного батальона 1 рота, корпусное радиотелеграфное отделение, 29-я пулеметная команда Кольта.

В корпусе:

Батальонов 16, эскадронов (сотен) 72, офицеров 664, штыков: в строевых ротах — 13 272, в командах — 1 128, сабель 9 126, пулеметов 112, орудий: легких — 36, конных — 32, горных — 14.

5-й кавалерийский корпус

11-я кавалерийская дивизия: 11-й драгунский Рижский, 11-й уланский Чугуевский, 11-й гусарский Изюмский, 12-й Донской казачий полки, 11-й конно-артиллерийский дивизион (18-я и 19-я конные батареи), пеший дивизион, 25-е мотоциклетное отделение, конное радиотелеграфное отделение.

Оренбургская казачья дивизия: 9-й Оренбургский, 10-й, 11-й и 12-й Оренбургский казачьи полки, 5-я Оренбургская казачья батарея, 1-я отдельная горная батарея (взвод на ст. Сарны), 13-е мотоциклетное отделение, конное радиотелеграфное отделение.

При корпусе:

Чешско-Словацкого стрелкового полка 2-й роты команда, 10-я, 31-я отдельные саперные роты, 21-я отдельная телеграфная рота, корпусное радиотелеграфное отделение.

В корпусе:

Эскадронов (сотен) 48, офицеров 218, штыков в строевых ротах — 1 349, сабель 5 916, пулеметов 31, орудий: легких конных — 18, горных конных — 8.

7-я кавалерийская дивизия (в 4-м кавалерийском корпусе): 7-й драгунский Кинбургский, 7-й уланский Ольвиопольский, 7-й гусарский Белорусский, 11-й Донской казачий полки, 7-й конно-артиллерийский дивизион (13-я и 14-я конные батареи), пеший дивизион, 21-е мотоциклетное отделение, конное радиотелеграфное отделение.

12-я кавалерийская дивизия: 12-й драгунский Стародубовский, 12-й уланский Белгородский, 12-й гусарский Ахтырский полки, 3-й Уфимско-Самарский Оренбургского казачьего войска полк, 2-й Донской казачий артиллерийский дивизион (4-я и 5-я батареи), Туркестанская конно-горная батарея, пеший дивизион, конное радиотелеграфное отделение.

3-я Кавказская кавалерийская дивизия (в 4-м кавалерийском корпусе): 1-й Екатеринодарский казачий полк, 1-й Кизляро-Гребенский казачий полк, Дагестанский конный полк, Осетинский конный полк, 3-й Кавказский казачий артиллерийский дивизион (3-я Кубанская и 2-я Терская казачьи батареи), 7-я конно-искровая станция, 12-е мотоциклетное отделение.

Части, не входящие в состав корпусов:

37-го Донского казачьего полка 1 сотня, взвод 3-го полевого жандармского эскадрона, 10-я, 12-я и 13-я отдельные телеграфные роты, 5-й понтонный батальон, отдельный легкий мостовой парк, 8-й армейский авиационный отряд, 12-й авиационный отряд, 8-я автомобильная рота, армейская автомобильная команда, армейская мотоциклетная команда, 8-я химическая команда, управление 8-го радиотелеграфного дивизиона, армейское радиотелеграфное отделение.

Итого в 8-й армии[1]:

Батальонов 224, эскадронов (сотен) 171, офицеров 4 750, штыков: в строе-

[1] Без 126-й пехотной и 3-й Кавказской казачьей дивизий.

вых ротах — 186 333, в командах — 15 792, сабель 22 819, пулеметов 890, орудий 704, из них: легких — 444, горных — 64, конных — 63, конно-горных — 6, мортир — 64, тяжелых — 76.

11-я АРМИЯ

6-й армейский корпус

4-я пехотная дивизия: 13-й Белозерский, 14-й Олонецкий, 15-й Шлиссельбургский, 16-й Ладожский пехотные полки, 4-я артиллерийская, 4-я парковая артиллерийская бригады.

16-я пехотная дивизия: 61-й Владимирский, 62-й Суздальский, 63-й Углицкий, 64-й Казанский пехотные полки, 16-я артиллерийская, 16-я парковая артиллерийская бригады.

При корпусе:

Чешско-Словацкого стрелкового полка ½ роты, 22-й Донской казачий полк, 14-я отдельная Донская казачья сотня, 6-й мортирный артиллерийский, 6-й мортирный парковый артиллерийский дивизионы, 4-й тяжелой артиллерийской бригады 2-й дивизион, 4-й тяжелой парковой артиллерийской бригады 2-й парк, 2-й Брест-Литовский тяжелый артиллерийский, 2-й Брест-Литовский парковый тяжелый артиллерийский дивизионы, 4-я отдельная позиционная батарея Канэ, 6-й отдельной зенитной батареи 1 взвод, отдельный взвод противоаэропланной артиллерии, 19-й автопулеметный взвод, 10-й саперный батальон, 3-е отдельное кабельное отделение, 6-й Сибирский авиационный отряд, корпусное радиотелеграфное отделение.

В корпусе:

Батальонов 32, эскадронов (сотен) 7, офицеров 639, штыков: в строевых ротах — 27 492, в командах — 1 877, сабель 772, пулеметов 127, орудий: легких — 72, горных — 2, мортир — 12, тяжелых — 22.

7-й армейский корпус

13-я пехотная дивизия: 49-й Брестский, 50-й Белостокский, 51-й Литовский, 52-й Виленский пехотные полки, 13-я артиллерийская, 13-я парковая артиллерийская бригады.

34-я пехотная дивизия: 133-й Симферопольский, 134-й Феодосийский, 135-й Керчь-Еникальский, 136-й Таганрогский пехотные полки, 34-я артиллерийская, 34-я парковая артиллерийская бригады.

Саратовская пехотная бригада: Еламский, Верхнемедведицкий пехотные полки, 15-я пулеметная команда.

При корпусе:

Чешско-Словацкого стрелкового полка 1 взвод, 3-й Уманский казачий полк, 32-я отдельная Донская казачья сотня, 7-й мортирный артиллерийский, 7-й мортирный парковый артиллерийский дивизионы, отдельный взвод противоаэропланной артиллерии, 34-й автопулеметный взвод, 12-й саперный батальон, 4-е отдельное кабельное отделение, 7-й авиационный отряд, корпусное радиотелеграфное отделение.

В корпусе:

Батальонов 38, эскадронов (сотен) 7, офицеров 746, штыков: в строевых ротах — 38 038, в командах — 3 442, сабель 994, пулеметов 162, орудий: легких — 73, мортир — 12.

17-й армейский корпус

3-я пехотная дивизия: 9-й Ингерманландский, 10-й Новоингерманландский, 11-й Псковский, 12-й Великолуцкий пехотные полки, 3-я артиллерийская, 3-я парковая артиллерийская бригады, 127-я и 128-я пулеметные команды Кольта.

35-я пехотная дивизия: 137-й Нежинский, 138-й Болховский, 139-й Моршанский, 140-й Зарайский пехотные полки, 35-я артиллерийская, 35-я парковая артиллерийская бригады, 129-я и 130-я пулеметные команды Кольта.

При корпусе:

42-й Донской казачий полк, 9-я особая Донская казачья сотня, 1-й Сибирский горный артиллерийский, 1-й Сибирский горный парковый артиллерийский дивизионы, два отдельных взвода противоаэропланной артиллерии, 17-й мортирный артиллерийский, 17-й мортирный парковый артиллерийский дивизионы, 17-й саперный батальон, корпусное радиотелеграфное отделение.

В корпусе:

Батальонов 32, эскадронов (сотен) 7, офицеров 625, штыков: в строевых ротах — 26 619, в командах — 2 753, сабель 692, пулеметов 116, орудий: легких — 72, горных — 16, мортир — 11.

18-й армейский корпус

23-я пехотная дивизия: 89-й Беломорский, 90-й Онежский, 91-й Двинский, 92-й Печерский пехотные полки, 23-я артиллерийская, 23-я парковая артиллерийская бригады.

37-я пехотная дивизия: 145-й Новочеркасский, 146-й Царицынский, 147-й Самарский, 148-й Каспийский пехотные полки, 37-я артиллерийская, 37-я парковая артиллерийская бригады.

При корпусе:

Чешско-Словацкого стрелкового полка 1 взвод, 15-й Оренбургский казачий полк, 29-я отдельная Донская казачья сотня, 18-й мортирный артиллерийский, 18-й мортирный парковый артиллерийский дивизионы, 31-й автопулеметный взвод, 18-й саперный батальон, 1-я воздухоплавательная рота, 2-й Сибирский авиационный отряд, корпусное радиотелеграфное отделение.

В корпусе:

Батальонов 32, эскадронов (сотен) 7, офицеров 620, штыков: в строевых ротах — 26 718, в командах — 2 768, сабель 904, пулеметов 98, орудий: легких — 68, мортир — 12.

Заамурская пограничная конная дивизия: 3-й, 4-й, 5-й и 6-й Заамурские пограничные конные полки, 3-я Заамурская пограничная конно-горная батарея, 4-я Заамурская пограничная конно-горная батарея, половина Заамурского пограничного конно-горного артиллерийского транспорта, 10-я самокатная рота, конное радиотелеграфное отделение.

Части, не входящие в состав корпусов:

6-го жандармского эскадрона 2 взвода, 6-й отдельной зенитной батареи 1 взвод, отдельный взвод противоаэропланной артиллерии, бельгийский броневой автопулеметный дивизион, 21-го саперного батальона 1 рота, 76-я отдельная саперная рота, 11-я отдельная телеграфная рота, 3-я автомобильная рота, армейская автомобильная команда, армейская мотоциклетная команда, 11-е мотоциклетное отделение, управление 11-го радиотелеграфного дивизиона, армейское радиотелеграфное отделение.

При штабе главнокомандующего:

Охранная рота, 3-го полевого жандармского эскадрона 2 взвода, 77-я ополченская конная сотня, 21-я особая Кубанская казачья сотня, 18-я отдельная телеграфная рота, 22-я отдельная телеграфная рота, автомобильная команда, отдельная радиостанция.

В пути:

33-й мортирный артиллерийский дивизион.

Саперные части, находящиеся на тыловых работах:

43-й и 44-й саперные батальоны, 2-й запасный саперный батальон. Отдельные саперные роты: 6-я, 7-я, 8-я, 9-я, 12-я, 14-я, 20-я, 35-я, 37-я, 38-я, 44-я,

62-я, 63-я, 67-я, 68-я, 69-я, 70-я, 71-я, 72-я, 73-я, 74-я, 75-я и 76-я. 1-я и 3-я отдельные Сибирские саперные роты, 2-я Севастопольская крепостная саперная рота, 21-го саперного батальона 1 рота, 28-го саперного батальона 1 маршевая рота.

Итого в 11-й армии:

Батальонов 134, эскадронов (сотен) 49, офицеров 2 721, штыков: в строевых ротах — 113 867, в командах — 10 840, сабель 5 914, пулеметов 525, орудий 382, из них: легких — 287, горных — 18, конно-горных — 8, мортир — 47, тяжелых — 22 [1].

9-я АРМИЯ

11-й армейский корпус

11-я пехотная дивизия: 41-й Селенгинский, 42-й Якутский, 43-й Охотский, 44-й Камчатский пехотные полки, 11-я артиллерийская, 11-я парковая артиллерийская бригады.

19-я пехотная дивизия.

32-я пехотная дивизия: 125-й Курский, 126-й Рыльский, 127-й Путивльский, 128-й Старооскольский пехотные полки, 32-я артиллерийская, 32-я парковая артиллерийская бригады.

При корпусе:

2-й Екатеринодарский казачий полк, Текинский конный полк, 8-й Сибирский горный артиллерийский, 8-й Сибирский горный парковый артиллерийский дивизионы, 11-й мортирный артиллерийский, 11-й мортирный парковый артиллерийский дивизионы, 3-й тяжелой артиллерийской бригады 6-я батарея, 4-й тяжелой артиллерийской бригады 1-й парк, 4-й тяжелой парковой артиллерийской бригады 1-й дивизион, 6-й тяжелой артиллерийской бригады 2-й дивизион, 6-й тяжелой парковой артиллерийской бригады 2-й парк, 3-й отдельный осадный артиллерийский дивизион, 4-го отдельного осадного артиллерийского дивизиона 1-я батарея, 21-й саперный батальон (без одной саперной роты) [2], 14-й авиационный отряд, 30-е мотоциклетное отделение, корпусное радиотелеграфное отделение, 12-й мортирный артиллерийский дивизион, 12-й артиллерийской бригады 1-й дивизион, 1-й Донской казачий артиллерийский дивизион.

В корпусе:

Батальонов 48, эскадронов (сотен) 10, офицеров 871, штыков: в строевых ротах — 40 195, в командах — 3 297, сабель 1 179, пулеметов 149, орудий: легких — 124, конно-горных — 15, мортир — 24, тяжелых — 35.

12-й армейский корпус

12-я пехотная дивизия: 45-й Азовский, 46-й Днепровский, 47-й Украинский, 48-й Одесский пехотные полки, 12-я артиллерийская бригада (один дивизион в 11-м корпусе), 12-я парковая артиллерийская бригада.

19-я пехотная дивизия (в 11-м корпусе): 73-й Крымский полк, 74-й Ставропольский, 75-й Севастопольский, 76-й Кубанский пехотные полки, 19-я артиллерийская, 19-я парковая артиллерийская бригады.

При корпусе:

2-й линейный Кубанского казачьего войска полк (2 сотни при штабе армии), 12-я отдельная Донская казачья сотня, 12-й мортирный артиллерийский, 12-й мортирный парковый артиллерийский дивизионы (временно в 11-м корпусе), корпусное радиотелеграфное отделение.

В корпусе:

Батальонов 16, эскадронов (сотен) 5, офицеров 289, штыков: в строевых ротах — 13 404, в командах — 1 013, сабель 864, пулеметов 49, орудий легких 18,

---

[1] ЦВИА, фонд 2003, дело 2404, лл. 58—88.
[2] В 11-й армии. *(Примечание подлинника.)*

33-й армейский корпус

1-я Заамурская пограничная пехотная дивизия: 1-й, 2-й, 3-й и 4-й Заамурские пограничные пехотные полки, 1-я Заамурская пограничная артиллерийская, 1-я Заамурская пограничная парковая артиллерийская бригады.

2-я Заамурская пограничная пехотная дивизия: 5-й и 6-й Заамурские пограничные пехотные полки, Проскуровский пограничный пехотный полк, 22-й Туркестанский стрелковый полк, 2-я Заамурская пограничная артиллерийская, 2-я Заамурская пограничная парковая артиллерийская бригады, 66-я пулеметная команда Кольта.

Кавказская туземная конная дивизия (временно).

При корпусе:

Чешско-Словацкого стрелкового полка 4-я рота, Крымского конного полка 3 эскадрона, 18-й и 27-й автопулеметные взводы, 28-й саперный батальон, 36-го саперного батальона 1 саперная рота, 26-й авиационный отряд, 20-е мотоциклетное отделение, корпусное радиотелеграфное отделение.

В корпусе:

Батальонов 32, эскадронов (сотен) 27, офицеров 761, штыков: в строевых ротах — 26 892, в командах — 2 020, сабель 4 620, пулеметов 95, орудий: легких — 71, конно-горных — 12.

41-й армейский корпус

74-я пехотная дивизия: 293-й Ижорский, 294-й Березинский, 295-й Свирский, 296-й Грязовецкий пехотные полки, 74-я артиллерийская, 74-я парковая артиллерийская бригады, 23-я отдельная Донская казачья сотня.

3-я Заамурская пограничная пехотная дивизия: 7-й, 8-й, 9-й и 10-й Заамурские пограничные пехотные полки, 3-й Заамурский пограничный артиллерийский дивизион (формируется), 3-й Заамурский пограничный парковый артиллерийский дивизион (формируется).

При корпусе:

Крымского конного полка 3 эскадрона, 2-й горный артиллерийский дивизион, 2-й горный парковый артиллерийский дивизион, 4-го отдельного осадного артиллерийского дивизиона 1 батарея, 12-й автопулеметный взвод, 36-й саперный батальон (1 рота в 33-м корпусе), 2-е отдельное кабельное отделение, 1-й понтонный батальон, 13-я воздухоплавательная рота, 16-й авиационный отряд, 32-е мотоциклетное отделение, корпусное радиотелеграфное отделение, 1-й конно-горный артиллерийский дивизион, 1-я и 2-я позиционные батареи Канэ.

В корпусе:

Батальонов 32, эскадронов (сотен) 4, офицеров 515, штыков: в строевых ротах — 27 089, в командах — 1 783, сабель 691, пулеметов 75, орудий: легких — 34, горных — 16, конно-горных — 12, тяжелых — 8.

Сводный корпус

82-я пехотная дивизия: 325-й Царевский, 326-й Белгорайский, 327-й Корсунский, 328-й Новоузенский пехотные полки, 82-я артиллерийская, 82-я парковая артиллерийская бригады, 61-я отдельная саперная рота, 31-я отдельная Донская казачья сотня, 25-я и 30-я пулеметные команды Кольта.

103-я пехотная дивизия: 409-й Новохоперский, 410-й Усманский, 411-й Сумский, 412-й Славянский пехотные полки, 103-я артиллерийская, 103-я парковая артиллерийская бригады, 11-я ополченская пулеметная команда, 112-я ополченская конная сотня, 23-я отдельная саперная рота.

При корпусе:

1-й Кавказский стрелковый артиллерийский, 1-й Кавказский стрелковый парковый артиллерийский дивизионы, 3-я отдельная позиционная батарея Канэ,

5-й саперный батальон, 2-я воздухоплавательная рота, нештатная позиционная батарея Канэ.

В корпусе:

Батальонов 32, эскадронов (сотен) 2, офицеров 554, штыков: в строевых ротах — 27 261, в командах — 2 440, сабель 231, пулеметов 94, орудий: легких — 68, горных — 22, тяжелых — 4.

3-й кавалерийский корпус

10-я кавалерийская дивизия: 10-й драгунский Новгородский, 10-й уланский Одесский, 10-й гусарский Ингерманландский полки, 1-й Оренбургский казачий полк, 3-й Донской казачий артиллерийский дивизион (2-я и 3-я батареи), пеший дивизион, 28-е мотоциклетное отделение, конное радиотелеграфное отделение.

1-я Донская казачья дивизия: 9-й, 10-й, 13-й и 15-й Донские казачьи полки, 1-й Донской казачий артиллерийский дивизион (6-я и 7-я батареи) (в 11-м корпусе), 8-е мотоциклетное отделение.

1-я Терская казачья дивизия: 2-й Горско-Моздокский, 2-й Кизляро-Гребенский, 2-й Волгский, 2-й Сунженско-Владикавказский казачьи полки, сотня собственного его величества конвоя, 1-й Заамурский пограничный конно-горный артиллерийский дивизион, половина Заамурского конно-горного артиллерийского транспорта, конное радиотелеграфное отделение.

При корпусе:

20-я отдельная телеграфная рота, 30-й авиационный отряд, корпусное радиотелеграфное отделение.

В корпусе:

Эскадронов (сотен) 73, офицеров 338, сабель 10 722, пулеметов 24, орудий: легких конных — 12, конно-горных — 8.

Кавказская туземная конная дивизия (в 33-м корпусе): Кабардинский конный полк, 2-й Дагестанский, Татарский, Чеченский, Черкесский, Ингушский конные полки, 2-й конно-горный артиллерийский дивизион, 3-й и 4-й конногорные артиллерийские парки, отряд морских пулеметов.

Части, не входящие в состав корпусов:

2-я и 4-я сотни Хотинской бригады пограничной стражи, 2-я и 3-я сотни 2-го линейного Кубанского казачьего войска полка, 3-я отдельная Сибирская, 23-я особая Донская, 55-я особая Донская казачьи сотни, 12-го Оренбургского казачьего полка 1 взвод, 6-го полевого жандармского эскадрона 2 взвода, 4-й тяжелой артиллерийской бригады 3-я пушечная батарея (в ремонте), 17-й автопулеметный взвод (в ремонте), 16-го автопулеметного взвода пушечное отделение (в ремонте), 28-го саперного батальона 1-я саперная рота и 1-я маршевая рота, 9-й, 11-й, 13-й и 15-й понтонные батальоны, 2-я, 14-я и 19-я отдельные телеграфные роты, 6-я автомобильная рота, армейская автомобильная команда, армейская мотоциклетная команда, 9-й армейский авиационный отряд, 9-я химическая команда, управление 9-го радиотелеграфного дивизиона, армейское радиотелеграфное отделение, 9-я самокатная рота.

Итого: эскадронов (сотен) 7, офицеров 18, сабель 723.

Итого в 9-й армии:

Батальонов 160, эскадронов (сотен) 128, офицеров 3 346, штыков: в строевых ротах — 134 841, в командах — 10 553, сабель 19 030, пулеметов 486, орудий 495, из них: легких — 315, горных — 53, конных — 24, конно-горных — 32, мортир — 24, тяжелых — 47 [1].

---

[1] ЦВИА, фонд 2003, II, дело 2404, лл. 49—57.

БОЕВОЕ РАСПИСАНИЕ АРМИЙ ЗАПАДНОГО ФРОНТА
к 26 июня (9 июля) 1916 г

В. секретно.

ВОЙСКА ГВАРДИИ

1-й Гвардейский корпус

1-я гвардейская пехотная дивизия: лейб-гвардии Преображенский, лейб-гвардии Семеновский, лейб-гвардии Измайловский, лейб-гвардии Егерский полки, лейб-гвардии 1-я артиллерийская, лейб-гвардии 1-я парковая артиллерийская бригады.

2-я гвардейская пехотная дивизия: лейб-гвардии Московский, лейб-гвардии Гренадерский, лейб-гвардии Павловский, лейб-гвардии Финляндский полки, лейб-гвардии 2-я артиллерийская, лейб-гвардии 2-я парковая артиллерийская бригады.

При корпусе:

33-я особая Оренбургская казачья сотня, 1-й батальон лейб-гвардии саперного полка, 1-я станция 1-й искровой роты, лейб-гвардии 1-й мортирный артиллерийский, лейб-гвардии 1-й мортирный парковый артиллерийский дивизионы.

В корпусе:

Батальонов: по штату — 32, налицо — 32, эскадронов (сотен) 1, офицеров 488, штыков 30 720, безоружных 5 722, шашек 68, пулеметов 96, орудий: легких — 98, гаубиц — 12.

2-й Гвардейский корпус

3-я гвардейская пехотная дивизия: лейб-гвардии Литовский, лейб-гвардии Кексгольмский, лейб-гвардии Петроградский, лейб-гвардии Волынский полки, лейб-гвардии 3-я артиллерийская, лейб-гвардии 3-я парковая артиллерийская бригады.

Гвардейская стрелковая дивизия: лейб-гвардии 1-й стрелковый, лейб-гвардии 2-й стрелковый Царскосельский, лейб-гвардии 3-й стрелковый, лейб-гвардии 4-й стрелковый полки, отдельный батальон гвардейского экипажа, лейб-гвардии стрелковая артиллерийская, лейб-гвардии парковая стрелковая артиллерийская бригады.

При корпусе:

17-я отдельная Донская казачья сотня, 2-й батальон лейб-гвардии саперного полка, 3-я искровая станция 3-й искровой роты, 2-й лейб-гвардии мортирный артиллерийский, 2-й лейб-гвардии мортирный парковый артиллерийский дивизионы.

В корпусе:

Батальонов: по штату — 29, налицо — 29, эскадронов (сотен) 1, офицеров 342, штыков 27 596, безоружных 6 490, сабель 100, пулеметов 108, орудий: легких — 87, гаубиц — 12.

Гвардейский кавалерийский корпус

1-я гвардейская кавалерийская дивизия: кавалергардский ее величества государыни императрицы Марии Федоровны полк, лейб-гвардии конный полк, лейб-гвардии кирасирский ее величества полк, лейб-гвардии кирасирский ее величества государыни императрицы Марии Федоровны полк, 1-й дивизион лейб-гвардии конной артиллерии, 33-я конно-искровая станция.

2-я гвардейская кавалерийская дивизия: лейб-гвардии конно-гренадерский полк, лейб-гвардии уланский ее величества государыни императрицы Александры Федоровны полк, лейб-гвардии драгунский полк, лейб-гвардии гусарский ее величества полк, 2-й дивизион лейб-гвардии конной артиллерии.

3-я гвардейская кавалерийская дивизия: лейб-гвардии уланский ее величества полк, лейб-гвардии Гродненский гусарский полк, лейб-гвардии казачий ее величества полк, лейб-гвардии Атаманский его императорского высочества государя наследника цесаревича полк, лейб-гвардии сводный казачий полк, 3-я его императорского высочества великого князя Георгия Михайловича батарея лейб-гвардии конной артиллерии, 6-я Донская казачья его величества батарея лейб-гвардии конной артиллерии.

При корпусе:

36-я конно-искровая станция.

В корпусе:

Эскадронов (сотен) 74, офицеров 428, сабель 10 851, пулеметов 46, орудий легких 38.

Части, не входящие в состав корпусов:

20-я особая Кубанская казачья сотня, гвардейский полевой жандармский эскадрон (2-й взвод), лейб-гвардии тяжелый артиллерийский дивизион, 1-й отдельный полевой тяжелый артиллерийский дивизион Б., 33-й автопулеметный взвод, 3-я телеграфная и прожекторная роты лейб-гвардии саперного полка, авиационный отряд при гвардейском корпусе, 7-й армейский авиационный отряд, автомобильная команда, 49-я автомобильно-искровая станция.

Всего в войсках гвардии:

Батальонов: по штату — 61, налицо — 61, эскадронов (сотен) 77, офицеров 1 265, штыков 58 316, безоружных 12 212, сабель 11 186, пулеметов 261, орудий 268 [1].

Приложение 9

НАЧАЛЬНИК ОПЕРАТИВНОГО ОТДЕЛЕНИЯ ШТАБА ЮГО-ЗАПАДНОГО ФРОНТА ПОЛКОВНИК МАЛЯВИН — ГЕН. КЛЕМБОВСКОМУ

13 (26) июня 1916 г.

СПРАВКА
О ТРОФЕЯХ ЮГО-ЗАПАДНОГО ФРОНТА

	С 25 по 30 июня включительно	Всего с 22 мая по 30 июня
Офицеров	182	5 690
Нижних чинов	5 300	259 111
Орудий	4	330
Пулеметов	35	937
Бомбометов и минометов	10	293
Зарядных ящиков	19	278
Прожекторов	9	43
Конной железной дороги	40 верст	187 верст
Вагонов	—	106 (из них 18 груженных кукурузой и овсом)
Вагонеток	—	450

Кроме указывавшейся ранее добычи, захвачены еще большие склады винтовок, патронов, снарядов, ручных гранат, ракет, много противогазов, колючей проволоки, стальных щитов, телефонных аппаратов, походных кухонь, вьюков, тысячи повозок с оружием, шанцевым инструментом, фуражом и продовольствием, большие запасы снаряжения и другого имущества, например, еще 50 000 пудов каменного угля.

Малявин [2].

---

[1] ЦВИА, фонд 2003, II, дело 1292, лл. 319—323.
[2] ЦВИА, фонд 2067, I, дело 5369, л. 69.

Список источников

1. Ленин, т. XVIII — „Крах II Интернационала".
2. Его же, т. XVIII — „Русские зюдекумы".
3. Его же, т. XIX — „Речь на интернациональном митинге в Берне".
4. Его же, т. XVIII — „К иллюстрации лозунга гражданской войны".
5. История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков), Краткий курс под редакцией комиссии ЦК ВКП/б/. Госполитиздат, 1938.
6. История гражданской войны, т. I.
7. Зайончковский — „Мировая война", изд. 2-е.
8. Его же — „Стратегический очерк войны 1914 — 1918 гг.", ч. 6, изд. 1923 г.
9. Клембовский — „Стратегический очерк войны 1914—1918 гг.", ч. 5, изд. 1920 г.
10. Брусилов — „Мои воспоминания", ГИЗ, 1929.
11. Луцкий прорыв. Труды и материалы к операции Юго-западного фронта в мае 1916 г., изд. 1924 г.
12. К. Ушаков — „Подготовка военных сообщений России к мировой войне", ГИЗ, 1928.
13. Капустин — „Оперативное искусство в позиционной войне", ГИЗ, 1927.
14. Маниковский — „Боевое снабжение русской армии в мировую войну", ГВИЗ, 1937.
15. Фалькенгайн — „Верховное командование", изд. 1923 г.
16. Людендорф — „Мои воспоминания о войне 1914—1918 гг.", т. I, изд. 1923 г.
17. Котляровский — „Австро-Венгрия в годы мировой войны", изд. 1922 г.
18. „Россия в мировой войне 1914—1918 гг." (в цифрах), изд. Института мирового хозяйства и мировой политики Комакадемии, 1934.
19. Клаус — „Война и народное хозяйство России (1914—1917)", ГВИЗ, 1926.
20. Рейхсархив, т. X (на немецком языке).
21. „Последняя австро-венгерская мировая война 1914—1918 гг.", изд. Австрийского министерства обороны и военного архива, т. IV, чч. 1, 2, 3 и 4 (на немецком языке).
22. Ллойд-Джордж — „Военные мемуары", тт. I и II, изд. 1934 г.
23. Куль — „Мировая война", т. I.
24. Дела Центрального военно-исторического архива:

Фонд		*Дело*
2003	—	1106
2003	—	1104
2003	—	1128
2003	—	957
2003	—	1317
2003	—	703
2003	—	934
2003	—	1247
2003	—	1114
2003	—	513
2003	—	1105
2003	—	112
2003	—	170
2003	—	2404
2003	—	1299
2003	—	444
2003	—	538
2003	—	389
2003	—	2312

Фонд		*Дело*
2134	—	1—117
2134	—	573
2134	—	419
2134	—	877
2134	—	420
2134	—	1—086
2134	—	1425
2134	—	1427
2080	—	128
2148	—	640
2148	—	690
2148	—	692
2148	—	606
2067	—	2030
2067	—	5286
2067	—	5314
2067	—	5342
2067	—	5272
2067	—	2497

Фонд		*Дело*
2067	—	5321
2067	—	5312
2067	—	5376
2067	—	5355
2212	—	251
2070	—	2009
2070	—	278—525
2070	—	1668
2139	—	1259

Дела Ставки

266—649
391—058
56—570

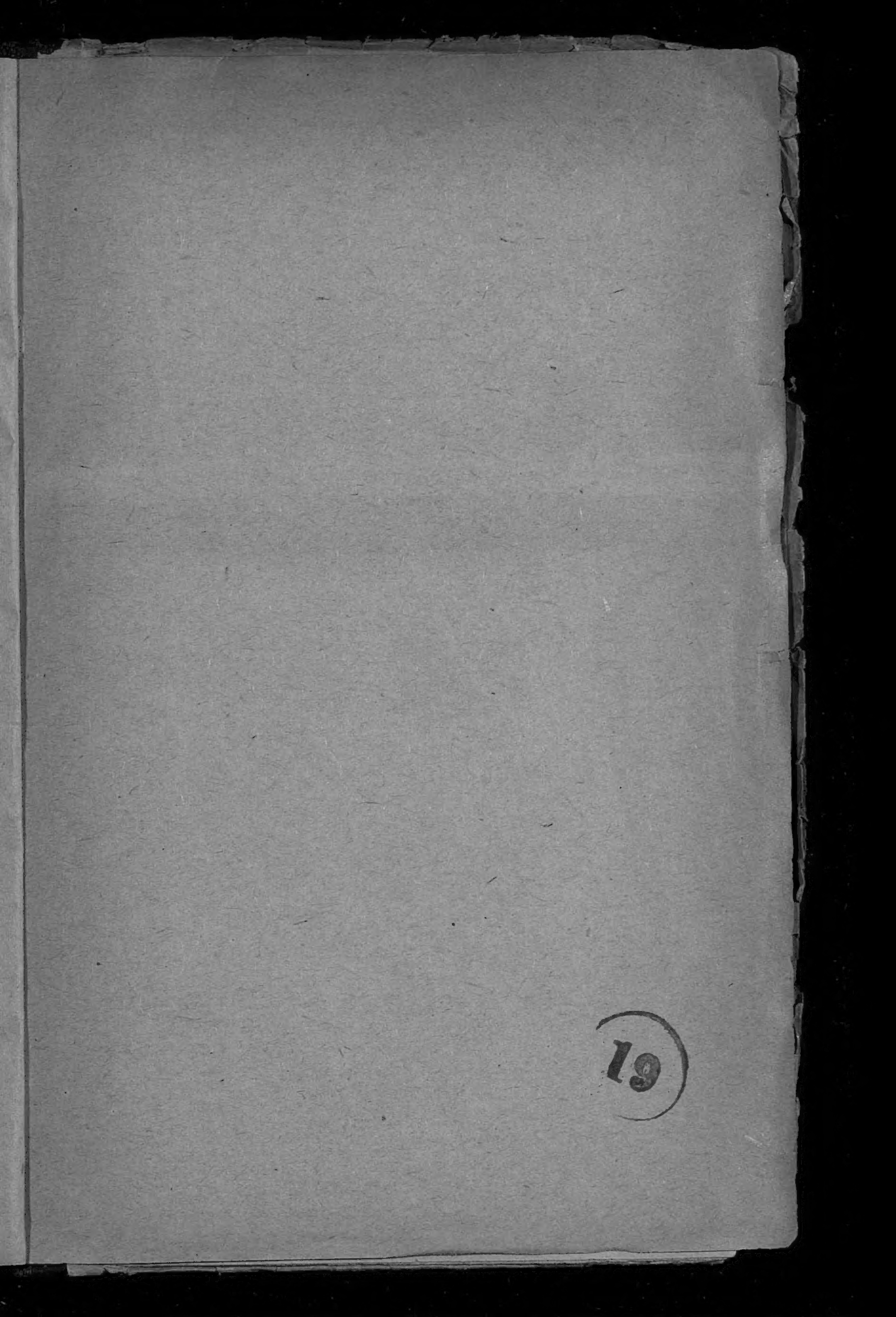
Дело 11-й армии

7634

СОДЕРЖАНИЕ

К ЧИТАТЕЛЯМ

Издательство просит присылать отзывы на эту книгу по адресу: Москва, Орликов пер., д. 3, Воениздат

19

Цена 5 р. 50 к.